Научный журнал

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГУ

Политология
История
Международные отношения

Academic Journal
RSUH / RGGU Bulletin

Political Science • History •
International Relations

3 2025

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

"Political Science. History.
International Relations"
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

3
2025

VESTNIK RGGU. Seriya “Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya”
RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series
Academic Journal
There are 6 issues of the journal a year.
Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of peer-reviewed scientific journals and other editions (category K-1) for publishing Ph.D. research findings.
Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political sciences:
5.5.2. Political institutions, processes, technologies
5.5.4. International relations, global and regional studies

5.6. Historical sciences:
5.6.1. Russian history
5.6.2. World history
5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research
5.6.7. History of international relations and foreign policy

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-61886 of 25.05.2015. Changes have been made to the media registration record due to a change in the name, clarification of the subject – reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047
e-mail: s4267@yandex.ru; borisov.na@rggu.ru

© RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series, 2025

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал
Выходит 6 номера печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К-1) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политические науки:
5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6. Исторические науки:
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история
5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования
5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:
- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-61886 от 25 мая 2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
Электронный адрес: s4267@yandex.ru; borisov.na@rggu.ru

© Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения», 2025

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.D. Voskresensky, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

M.A. Gordeyeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I. Klyukanov, Ph.D., Dr. of Sci. (Philology), professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

E.M. Kozhokin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M. Kramer, Dr. of Sci. (History), Harvard University, Cambridge, USA

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation

A.S. Panov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria

E.Yu. Sergeyev, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation

A.S. Usatchev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A. Filler, Ph.D., University Paris VIII, Paris, France

D.S. Foglesong, professor, Rutgers University, New Jersey, USA

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T.A. Shakleina, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

B. Shteltsel-Marks, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria

A.L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, RSUH
A.A. Spasov, Cand. Of Sci. (Political Science), RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Жабров, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И. Клюканов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, Чейни, США

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М. Крэмер, доктор исторических наук, Гарвардский университет, Кембридж, США

А.К. Магомедов, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.С. Мелкумян, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.С. Мирзеханов, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация

А.С. Панов, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

П. Руггенталер, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия

Е.Ю. Сергеев, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация

А.С. Усачев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А. Филлер, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция

Д.С. Фоглесонг, доктор исторических наук, профессор, Университет Ратгерс, Нью-Джерси, США

Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Т.А. Шаклеина, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

Б. Штельцель-Маркс, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия

А.Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, РГГУ
А.А. Спасов, кандидат политических наук, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и методология политической науки

Ольга Ю. Кокурина
Государство как территориально-сетевой метаболический организм: междисциплинарная проекция 12

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

Андрей А. Захаров
Нигерия в поисках «подлинного федерализма» 25

Алексей В. Чистяков
Трансформация представительных органов «французского ислама» в период президентства Эммануэля Макрона 47

Яков В. Литвинов
Оценка международного положения Японии в геополитических моделях 59

Артур С. Сергеев
Левый популизм в Греции: государство и бюрократия под управлением популистов 73

Андрей В. Белинский
Сравнительный анализ левого и правого терроризма в ФРГ 86

Алан Х. Джигкаев
Социально-экономические факторы роста террористической угрозы в Пакистане 106

Политические процессы в прошлом и настоящем

Игорь В. Бахлов, Ольга В. Бахлова
Внешнеполитический аспект интеграционных патриотических мероприятий Союзного государства 118

Николай Е. Денисов
Риски устойчивости гражданской идентичности в контексте социокультурных трансформаций современного российского общества 139

Андрей В. Махрин
Политическое просвещение молодежи в современной России 157

Сергей П. Донцев
Институты взаимодействия с религиозными объединениями
в постсоветских государствах: сравнительный анализ 171

Александр А. Фролов, Елена А. Исаева,
Виктория Ю. Цветкова
Особенности проявления и регулирования низовой
гражданской активности в Ярославской области 192

CONTENTS

Theory and methodology of political science

Olga Yu. Kokurina
The state as a territorial-network metabolic organism.
An interdisciplinary projection 12

Countries and regions of the world:
Development dynamics and models of cooperation

Andrei A. Zakharov
Nigeria in search of "true federalism" 25

Aleksei V. Chistyakov
The transformation of the representative structures
of "French Islam" during the presidency of Emmanuel Macron 47

Yakov V. Litvinov
Assessment of Japan's international position in geopolitical models 59

Artur S. Sergeev
Left-wing populism in Greece:
The state and bureaucracy under populist rule 73

Andrei V. Belinskii
A comparative analysis of left-wing and right-wing
terrorism in Germany 86

Alan H. Dzhigkaev
Socio-economic factors behind the rise of terrorist threat in Pakistan 106

Political processes in the past and in the present

Igor V. Bakhlov, Olga V. Bakhlova
The foreign policy aspect of the integration patriotic activities
of the Union State 118

Nikolai E. Denisov
Civic identity sustainability risks in the context
of sociocultural transformations of the contemporary Russian society 139

Andrei V. Makhrin
Political education of youth in modern Russia 157

Sergei P. Dontsev
Institutions of interaction with religious associations
in post-Soviet states: a comparative analysis 171

Aleksandr A. Frolov, Elena A. Isaeva,
Victoria Yu. Tsvetkova
Features of manifestation and regulation of grassroots civic activity
in the Yaroslavl region 192

УДК 008
DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-12-24

Государство как территориально-сетевой метаболический организм: междисциплинарная проекция

Ольга Ю. Кокурина
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, kokurina@polit.msu.ru

Аннотация. Современный глобализированный мир сталкивается с необходимостью поиска адекватных общественных преобразований для достижения устойчивого будущего человечества как на глобальном, так и на локальном (национальном) уровнях. Условия наступления антропоцена, новой фазы становления постиндустриального общества, требуют фундаментальной корректировки не только традиционных социоэкономических и социоэкологических моделей общественно-политического уклада государств, но и основ жизнедеятельности современного человека. Как показано в работе, понимание динамики и разнообразия возникающих сценариев и вариантов общественного развития возможно на основе принципов и методов междисциплинарного «сложностного мышления», обладающего необходимой эпистемологической ценностью. В этом контексте в работе предлагается использовать концепцию «социетального метаболизма», позволяющую с позиции современного органицизма рассматривать государство как «сложностный» социальный организм, конституированный аутопойезисом, комплексом процессов самоорганизации, поддержания и воспроизводства разнообразных структур и ресурсов, обеспечивающих жизнеспособность и жизнедеятельность общества. Автор приходит к выводу о целесообразности разработки в форме территориально-метаболических сетей национального уровня, модельного представления социально-экономических и социально-экологических отношений для решения проблемы самодостаточности в ключевых сферах жизнеобеспечения для суверенного существования и развития современного общества и государства.

Ключевые слова: антропоцен, жизнеобеспечение, метаболическая сеть, метаболический организм, органицизм, самодостаточность, сложностность, социальный организм, социетальный метаболизм

© Кокурина О.Ю., 2025

Для цитирования: *Кокурина О.Ю.* Государство как территориально-сетевой метаболический организм: междисциплинарная проекция // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 3. С. 12–24. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-12-24

The state as a territorial-network metabolic organism. An interdisciplinary projection

Olga Yu. Kokurina
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
kokurina@polit.msu.ru

Abstract. The modern globalized world is faced with the need to search for adequate social transformations to achieve a sustainable future for humanity both at the global and local (national) levels. The conditions for the onset of the Anthropocene, a new phase in the formation of post-industrial society, require fundamental adjustments not only to traditional socio-economic and socio-ecological models of the socio-political order of states, but also to the foundations for life activities of modern man. As shown in the work, understanding the dynamics and diversity of emerging scenarios and options for social development is possible on the basis of the principles and methods of interdisciplinary "complexity thinking", which has the necessary epistemological value. In this context, it is proposed to use the concept of "societal metabolism", which allows, from the position of modern organicism, to consider the state as a "complex" social organism constituted by autopoiesis, a complex of processes of self-organization, maintenance and reproduction of various structures and resources that ensure the viability and vital activity of society. The author comes to the conclusion that in the form of territorial-metabolic networks at the national level, it is advisable to develop a model representation of socio-economic and socio-ecological relations for addressing the issue of self-sufficiency in key areas of life support for the sovereign existence and development of modern society and the state.

Keywords: anthropocene, life support, metabolic network, metabolic organism, organicism, self-sufficiency, complexity, social organism, societal metabolism

For citation: Kokurina, O.Yu. (2025), "The state as a territorial-network metabolic organism. An interdisciplinary projection", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 12–24, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-12-24

Введение

Геополитическая и экономическая ситуация в России разворачивается в условиях слома старого неолиберального мирового порядка, утраты США и транснациональными силами мировой гегемонии. Нашей стране приходится отстаивать свое право на культурно-историческое и цивилизационное творчество в противостоящем силовом поле коллективного Запада. Судьба российской цивилизации во многом будет зависеть от адекватности применяемых властью политико-правовых решений, влекущих за собой значительные риски, для снижения которых необходимо опираться на современное социальное и гуманитарное знание, с привлечением в необходимых случаях естественно-научных подходов и моделей. Эти обстоятельства усугубляются влиянием аспектов нелинейности, неопределенности и непредсказуемости структурно-функциональной динамики трансформирующихся мировых общественных процессов.

Становление и эволюция планетарной цивилизации неразрывно связаны с процессами формирования устойчивых нелинейных связей и взаимодействий, в которых проявляется определенная целостность природных, технических, социальных и «человеческих» факторов. Современный глобализированный мир сегодня сталкивается с острой необходимостью поиска нужных политических, социальных, экономических и экологических преобразований, которые с неизбежностью потребуют огромных усилий для достижения устойчивого будущего человечества как на глобальном (наднациональном), так и на локальном (национальном, региональном) уровне [Бранский и др. 2017].

Обзор научных идей и литературы

За последние два миллиона лет люди колонизировали почти всю биосферу Земли, создав, тем самым, социально-экологические системы, в которых фундаментальные общественные закономерности развития совместно регулируются политическими, социально-экономическими и экологическими факторами и процессами. Историческая эволюция социоэкологических систем может быть представлена последовательностью относительно устойчивых конфигураций, называемых «социометаболическими режимами», при относительно исторически быстрых эволюционных переходах между такими режимами. Исследователи различают три принципиально разных социально-метаболических режима: охот-

ники-собиратели, аграрные общества и индустриальное общество [Haberl et al. 2023]. Понятно, что переходы между этими режимами коренным образом меняют социальные, экономические и социально-экологические факторы и взаимодействия, тогда как изменения и вариации внутри каждого режима носят достаточно постепенный характер.

Понятие «метаболизм» имеет естественно-научное происхождение и обозначает биохимический обмен веществами в тканях и клетках живого организма, обеспечивающий процессы их самоподдержания, самовосстановления и самовоспроизводства [Зыков 2021]. Термин «социальный метаболизм» впервые был введен в общественные науки К. Марксом еще в XIX в.[1] и трактовался им в политэкономическом аспекте как «ключевой момент процесса труда» [Кондрашов 2023а]. Социальный метаболизм понимается современными исследователями не только в контексте анализа обмена веществ между обществом и природой в процессах трудовой деятельности, эта идея, развивая трактовку Маркса, носит всеобщий и исторический характер, охватывая трудовым метаболизмом и механизмами обмена все миры, связанные с существованием и деятельностью человека. Это охваченные специфическими механизмами модификаций социального метаболизма взаимосвязанные миры социального универсума: мир природы, мир совместной деятельности (общественных отношений, межличностной коммуникации), мир духовной и материальной культуры, а также ментальный (экзистенциальный) мир индивида [Кондрашов 2023б]. В этой связи можно утверждать, что никогда не прекращающийся человеко-средовой метаболизм, в котором заложены истоки поддержания и обновления всех форм естественной и социокультурной жизни, рассматривается в качестве первоосновы социальности как таковой, т. е. социальность воспроизводится в трехмерном социально-воспроизводственном пространстве» одновременно – социально-культурном, экономическом и биоэкологическом, причем взаимодействие и целостное единство между людьми, обществом и средой поддерживается метаболическими процессами.

Развитие концепции социального (социетального) метаболизма в последние десятилетия осуществляли многие европейские ученые: немецкий эколог Ф. Шмидт-Блик, испанский социолог

[1] *Marx K.* Exzerpte und Notizen: Februar 1864 bis Oktober 1868, November 1869, März, April, Juni 1870, Dezember 1872 // Marx K., Engels F. Gesamtausgabe (MEGA). Berlin: De Gruyter, 2019. 1296 S. (Akademie Forschung; IV Abt;. Bd. 18)

М. Кастельс, итальянский экономист М. Джампьетро, австрийский географ М. Фишер-Ковальски, аргентинский социолог Д. Падован и другие [Padovan, Arrobbio, Sciullo 2022; Haberl 2021; Yan et al. 2020; Savini 2023]. Концепция «социального метаболизма» охватывает сетевой метаболический организм – комплекс процессов, связанных с производством, распределением, потреблением товаров и услуг, и относится к рекурсивным и циклическим обменам и взаимодействиям труда, капитала, знаний, информации, энергии, веществ и материалов, всех материальных, духовных, культурных, информационных, политических, социальных и человеческих ресурсов, которые необходимы для поддержания нормального функционирования общества.

В настоящее время почти две трети мирового населения все еще находятся в процессе перехода от аграрного к индустриальному режиму. Многие текущие локальные и глобальные социально-экономические проблемы устойчивого развития планетарной цивилизации являются прямым следствием феномена завершающей стадии происходящей смены социометаболического режима, которая требует проведения фундаментальной корректировки существующих ныне экономических и социальных моделей человеческой жизнедеятельности и общественного устройства, третьей великой трансформацией (наряду с неолитической и промышленной революциями). Исследователи пишут о наступлении новой фазы индустриального общества – антропоцена, когда человечество своей деятельностью не только вызывает серьезные изменения в окружающей биосфере, но и старается их предвидеть, должным образом реагируя, адаптируясь и смягчая негативное воздействие человека на природную среду [Clark, Szerszynski 2020; Folke, Polasky, Rockstrom 2021; Zalasiewicz, Waters, Williams 2020].

Методы

Разработка обоснованных стратегических направлений развития общества и принятие необходимых оперативных социально-политических решений, причем в условиях смены мирового порядка и правил мирового хозяйствования, нарастания факторов неопределенности, требует интеграции научного мышления (включая социальные науки) в новых концепциях, внимание которых концентрируется на признании сложнейших отношений природы и общества, проблемах возникновения и эволюции самоорганизующихся структур, создания высшего порядка из хаоса событий и происходящих процессов.

В целях продвижения в понимании сложности и разнообразия возникающих сценариев и вариантов общественного развития в работах М. Кастельса, Э. Морена и ряда современных исследователей предложена обладающая эпистемологической ценностью в сегодняшнюю «эпоху перемен» метатеория «сложностного мышления», обозначаемая кодовым термином “complexity” [Алексеев и др. 2021; Буданов и др. 2018; Кастельс 2022; Морен 2019; Ополев 2023]. Эта концепция адекватно применяется, когда «не то, чтобы правил не существует, но правила создаются и меняются в непрерывном процессе преднамеренных действий и уникальных взаимодействий» [Кастельс 2022, с. 80]. При трактовке английского термина “complexity” вместо привычного – «комплексность», «сложность», здесь используется слово-концепт «сложностность», поскольку это слово созвучно системной целостности и ориентировано на осознание специфики некоего длящегося во времени процесса становления «сцепленных» между собой разнообразных сущностей, вещей, событий, систем, концептуальных перспектив и пр. [Морен 2019, с. 273–282].

Одно из перспективных направлений сложностного мышления связано с процессами самоорганизации и аутопойезиса в природе и обществе, в основе которых лежит современное понимание принципов и достижений школы органицизма [Алексеев, Фрейдина, Серга 2023; Кокурина 2022; Маслобоева 2020; Плашиенкова 2020]. Жизнедеятельность государства как «сложностного» социального организма в структуре мирового хозяйства обусловлена не только экономическими закономерностями, но и определяющими факторами принимаемых геополитических, политических, социальных, природопользовательских, экологических, технологических решений, характеристиками иных сфер жизнедеятельности человеческого общества. С позиции органицизма эволюция сопровождается постоянным процессом приспособления и поддержания равновесия организма с окружающей средой. Причем социальные организмы можно рассматривать как результат динамического эволюционного процесса, в рамках которого они демонстрируют явления непрерывной дифференциации и интеграции как структур, так и функций [Padovan, Arrobbio, Sciullo 2022].

Для системного понимания динамики функционирования и развития государства, процессов общественного воспроизводства уместно обратиться к концепции социального (социетального) метаболизма в расширенной трактовке социобиотехнического взаимодействия [Яницкий 2016]. Зарождение всякого нового порядка, формирование новой структурной организации общественного жизнеобеспечения (эволюционного прорыва) в социуме связано

с умением человечества не только осваивать новые среды, но и со способностью распознавать во фрагментах окружающей среды потенциальные ресурсы, которые прежде таковыми не воспринимались. В качестве соответствующего механизма социальной эволюции процессов жизнедеятельности государства может быть рассмотрен «социальный метаболизм» как внутрисистемный и межсистемный обмен, который представлен «тремя основными потоками: обмен природными богатствами, территориями, сферами жизненного пространства, человеческими ресурсами (ресурсная сфера); обмен товарами, капиталом (экономическая сфера); обмен идеями, информацией, ценностями (информационно-культурная сфера)».

Формы социетального метаболизма позволяют обеспечить социальную сферу государства дополнительными ресурсами, обновляя ее социально-политический, культурный, информационный и экономический потенциал. Причем в основе социетального метаболизма на национальном уровне лежит понимание государства как социального организма, обладающего территориально-сетевым и пространственно-временным масштабом и границами [Карадже 2013, с. 8–9]. Сущностью метаболических процессов является их мульти-субстанциональность, предполагающая разнообразие взаимодействий процессов и структур, имеющих различное происхождение, состав, принципы организации и характерную динамику. Отсюда исследование системных метаболических процессов жизнедеятельности национального государства требует применения междисциплинарных методов [Яницкий 2019, с. 88].

Результаты анализа

Из социально-метаболического характера динамики жизнедеятельности государства с необходимостью следует трансформация понимания содержания современных вызовов и проблем, стоящих при выработке адекватной политики публичной власти на национальном уровне. Действительно, публичное управление функционированием и развитием государства в условиях смены порядка и правил хозяйствования требует качественных изменений и применения методов «сложностного мышления» не только ситуативного характера в статике, но и в динамике происходящих изменений, с учетом всего многообразия последствий принимаемых управленческих решений текущих и долгосрочных проблем, в условиях нарастания факторов неопределенности, высокой степени не предотвращенных и отложенных экологических и социально-политических рисков. Для моделирования целостного

государственного организма как комплекса разнообразных и разноуровневых метаболических процессов потребуется сложностное метаболическое мышление при конструктивном и непрерывном взаимодействии общественных, естественных и технических наук. Современный мир, как и его значительная составляющая – современное государство, – представляет собой область пересечения трех миров – био-, социо- и техносферы, – сверхсложную социобиотехническую систему (СБТ-система) с фундаментальными – сетевым (поточным) и территориальным – принципами организации социальной жизнедеятельности. Причем эти взаимодействующие и конкурирующие формы организации социального порядка имеют общий знаменатель – метаболические трансформации и процессы, представляющие собой отношения взаимообмена между социальными, природными и технологическими сущностями: обмена веществами, энергией, информацией, знаниями, финансами, людьми и прочими ресурсами жизнеобеспечения общества и государства [Яницкий 2016; Яницкий 2017].

Подготовка российского государства к долгосрочному историческому существованию в мире природных и технологических трансформаций, предстоящих острых конфликтов и перманентных перемен, которые, по существу, являются продуктом дисфункциональности старого неолиберального гегемонистского миропорядка, неизбежно потребует установления новых принципов социально-политического и хозяйственного устроения страны. Социально-метаболическое моделирование жизнедеятельности российского общества, институтов российского государства, в основание которого целесообразно положить его устойчивую жизнеспособность и самодостаточность за счет создания комплексной системы жизнеобеспечения граждан, обеспечивающей сохранение базового жизненного уклада россиян и цивилизационных устоев общества.

В этих целях представляется полезным получить модельное представление социально-экономических отношений в форме метаболических сетей, составные компоненты которых необходимы для самодостаточности ключевых сфер жизнедеятельности, обеспечивающих суверенное существование и развитие общества и государства. Тогда с позиции обеспечения самодостаточности ключевых сфер суверенитета страны неблагоприятной стороной может быть выявлена избыточная экстернализация внешнеэкономических процессов, связанная с потерей контроля над базовыми процессами самоподдержания функционального состояния государства, его адаптации и устойчивого воспроизводства социетальной метаболической системы [Кокурина 2022].

Выводы

Для продолжения исторического существования России как суверенной мировой державы ответственность публичной власти на этапе смены и утверждения нового международного порядка, состоит, прежде всего, в эффективных политико-правовых мерах по обеспечению самостоятельного и устойчивого воспроизводства самодостаточной функциональной структуры и комплекса жизненно важных процессов социетального метаболизма, реализуемых в государственной системе жизнеобеспечения страны, при сохранении констант цивилизационной и культурно-исторической основы российского общества [Кокурина 2021]. Полагаем, что в отличие от периодов относительной стабильности в развитии страны, в условиях значительных флюктуаций и негативных влияний, соотношение действия факторов политики и права меняется – значение институтов политических решений и действий возрастает, ввиду необходимости быстрой или немедленной реакции государства на меняющуюся социальную, природную и технологическую сферу, мировую и внутриполитическую обстановку.

Благодарности

Статья выполнена в рамках Госзадания ФНИСЦ РАН (рег. номер в ЕГИСУ НИОКТР 123091800038-1) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

Acknowledgements

The article was carried out within the framework of the State Assignment of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences (registration number in EGISU NIOKTR 123091800038-1) with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research.

Литература

Алексеев и др. 2021 – *Алексеев М.А., Фрейдина Е.В., Петухова С.В., Тропин А.А.* «Сложность» и «сложностность» – категории развития систем управления // Вестник НГУЭУ. 2021. № 1. С. 48–66.

Алексеев, Фрейдина, Серга 2023 – *Алексеев М.А., Фрейдина Е.В., Серга Л.К.* Типология адаптации сложностных социально-экономических систем в ракурсе организменного подхода // Вестник НГУЭУ. 2023. № 1. С. 184–205.

Бранский и др. 2017 – *Бранский В.П., Пожарский С.Д., Михайлова И.Г., Бусов С.В., Зобова М.Р.* Глобальное развитие человечества с позиций синергетической философии истории // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 55–65.

Буданов и др. 2018 – *Буданов В.Г., Аршинов В.И., Лепский В.Е., Свирский Я.И.* Сложностность и проблема единства знания. М.: ИФ РАН, 2018. 105 с.

Зыков 2021 – *Зыков А.А.* Метаболизм как источник возникновения и эволюции живой материи // Академическая публицистика: научный электронный журнал. 2021. № 2. С. 231–237. URL: https://aeterna-ufa.ru/sbornik/AP-2021-02.pdf (дата обращения 05.03.2025).

Карадже 2013 – *Карадже Т.В.* Социосинергетика как метод политической науки // Вопросы политологии. 2013. № 1 (9). С. 7–19.

Кастельс 2022 – *Кастельс М.* Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М.: Высшая школа экономики, 2022. 608 с.

Кокурина 2021 – *Кокурина О.Ю.* Личность, общество, публичная власть: взаимная ответственность как императив устойчивости государства // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 7–11.

Кокурина 2022 – *Кокурина О.Ю.* Структура факторов государственности и суверенитет в свете системно-органического подхода // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 4. С. 7–20.

Кондрашов 2023а – *Кондрашов П.Н.* Экология Карла Маркса: тотализация социального метаболизма // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2023. № 1. С. 73–83.

Кондрашов 2023б – *Кондрашов П.Н.* Концептуальная реконструкция экологии Карла Маркса: социологический аспект // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 42–52.

Маслобоева 2020 – *Маслобоева О.Д.* Философско-антропологический проект российского органицизма и русского космизма в контексте современной исторической ситуации. М.: ИНФРА-М, 2020. 390 с.

Морен 2019 – *Морен Э.* О сложностности. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2019. 272 с.

Ополев 2023 – *Ополев П.В.* Проблемы осмысления сложности в отечественной и зарубежной философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 71. С. 128–137.

Плашиенкова 2020 – *Плашиенкова З.* Российский органицизм: философия и общественный проект // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4. № 2. С. 170–171.

Яницкий 2016 – *Яницкий О.Н.* Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы // Социологическая наука и социальная практика. 2016. Т. 4. № 3 (15). С. 5–22.

Яницкий 2017 – *Яницкий О.Н.* Актуальные проблемы междисциплинарных исследований // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: Ма-

териалы XXXIII Международной научно-практической конференции: В 2 ч. Ч. 2. 2017. С. 218–223.

Яницкий 2019 – *Яницкий О.Н.* Методология анализа динамики социальных систем // Научный результат: Социология и управление. Т. 5. № 1. 2019. С. 82–94.

Clark, Szerszynski 2020 – *Clark N., Szerszynski B.* Planetary social thought: The Anthropocene challenge to the social sciences. New Jersey: John Wiley & Sons, 2020. 226 p.

Folke, Polasky, Rockstrom 2021 – *Folke C., Polasky S. and Rockstrom J.* Our future in the Anthropocene biosphere // Ambio. 2021. Vol. 50. No. 4. P. 834–869.

Haberl 2021 – *Haberl H., Schmid M., Haas W., Wiedenhofer D., Rau H., Winiwarter V.* Stocks, flows, services and practices: Nexus approaches to sustainable social metabolism // Ecological Economics. 2021. Vol. 182. P. 1–10.

Haberl et al. 2023 – *Haberl H., Fischer-Kowalski M. Krausmann F., Schmid M.* Sociometabolic transitions // Introduction to designing environments: Paradigms and approaches / ed. by M.U. Hensel, D.S. Hensel, C.R. Binder, F. Ludwig. Cham: Springer Nature, 2023. P. 71–92.

Padovan, Arrobbio, Sciullo 2022 – *Padovan D., Arrobbio O., Sciullo A.* Social metabolism // Handbook of critical environmental politics / ed. by L. Pellizzoni, E. Leonardi, V. Asara. Gloucestershire: Edward Elgar Publishing, 2022. P. 71–92.

Savini 2023 – *Savini F.* Futures of the social metabolism: Degrowth, circular economy and the value of waste // Futures. 2023. Vol. 150. P. 1–11.

Yan et al. 2020 – *Yan N., Liu G., Ripa M., Wang N., Zheng H., Gonella F.* From local to national metabolism: a review and a scale-up framework // Ecosystem Health and Sustainability. 2020. Vol. 6. No. 1. P. 1–19.

Zalasiewicz, Waters, Williams 2020 – *Zalasiewicz J., Waters C. and Williams M.* The Anthropocene // Geologic time scale – 2020 / ed. by F. Gradstein, J.G. Ogg, M.D. Schmitz, G.M. Ogg. Vol. 2. P. 1257–1280.

References

Alekseev, M.A., Freidina, E.V., Petukhova, S.V. and Tropin, A.A. (2021), " 'Complexity' and 'sophistication' – categories of development in management systems", *Vestnik NGUEU*, no. 1, pp. 48–66.

Alekseev, M.A., Freidina, E.V. and Serga, L.K. (2023), "Typology of adaptation of sophisticated socio-economic systems from the perspective of the organismic approach", *Vestnik NGUEU*, no. 1, pp. 184–205.

Branskii, V.P., Pozharskii, S.D., Mikhailova, I.G., Busov, S.V. and Zobova, M.R. (2017), "Global development of humanity from the perspective of synergetic philosophy of history", *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 55–65.

Budanov, V.G., Arshinov, V.I., Lepskii, V.E. and Svirskii, Ya.I. (2018), *Slozhnostnost' i problema edinstva znaniya* [Complexity and the issue of the knowledge unity], IF RAN, Moscow, Russia.

Clark, N. and Szerszynski, B. (2020), *Planetary social thought: The Anthropocene challenge to the social sciences*, John Wiley & Sons, New Jersey, USA.

Folke, C., Polasky, S. and Rockstrom, J. (2021), "Our future in the Anthropocene biosphere", *Ambio*, vol. 50, no. 4, pp. 834–869.

Haberl, H., Schmid, M., Haas, W., Wiedenhofer, D., Rau, H. and Winiwarter, V. (2021), "Stocks, flows, services and practices: Nexus approaches to sustainable social metabolism", *Ecological Economics*, vol. 182, pp. 1–10.

Haberl, H., Fischer-Kowalski, M. Krausmann, F. and Schmid, M. (2023), "Socio-metabolic transitions", in Hensel, M.U., Hensel, D.S., Binder, C.R. and Ludwig, F., eds., *Introduction to designing environments: Paradigms and approaches*, Springer Nature, Cham, Switzerland, pp. 71–92.

Karadzhe, T.V. (2013), "Sociosynergetics as a method of political science", *Voprosy politologii*, vol. 9, no. 1, pp. 7–19.

Kastel's, M. (2022), *Informatsionnaya epokha: Ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information age: Economy, society and culture], Vysshaya shkola ekonomiki, Moscow, Russia.

Kokurina, O.Yu. (2021), "Personality, society, public authority. Mutual responsibility as an imperative for the stability of the state", *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 3, pp. 7–11.

Kokurina, O.Yu. (2022), "The structure of statehood factors and sovereignty in the light of the systemic-organic approach", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*, no. 4, pp. 7–20.

Kondrashov, P.N. (2023), "Ecology of Karl Marx. Totalization of social metabolism", *Intellekt. Innovations. Investments*, no. 1, pp. 73–83.

Kondrashov, P.N. (2023), "Conceptual reconstruction of Karl Marx's ecology. Sociological aspect", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 42–52.

Masloboeva, O.D. (2020), *Filosofsko-antropologicheskii proekt rossiiskogo organitsizma i russkogo kosmizma v kontekste sovremennoi istoricheskoi situatsii* [Philosophical and anthropological project of Russian organicism and Russian cosmism in the context of the modern historical situation], INFRA-M, Moscow, Russia.

Moren, E. (2019) *O slozhnostnosti* [On complexity], Institut obshchegumanitarnykh issledovanii, Moscow, Russia.

Opolev, P.V. (2023), "Issues of understanding complexity in Russian and foreign philosophy", *Tomsk State University. Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 71, pp. 128–137.

Padovan, D., Arrobbio, O. and Sciullo, A. (2022), "Social metabolism", in Pellizzoni, L., Leonardi, E. and Asara, V., eds., *Handbook of critical environmental politics*, Edward Elgar Publishing, Gloucestershire, UK, pp. 71–92.

Plashienkova, Z. (2020), "Russian organicism. Philosophy and social project", *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, vol. 4, no. 2, pp. 170–171.

Savini, F. (2023), "Futures of the social metabolism: Degrowth, circular economy and the value of waste", *Futures*, vol. 150, pp. 1–11.

Yan, N., Liu, G., Ripa, M., Wang, N., Zheng, H. and Gonella, F. (2020), "From local to national metabolism: a review and a scale-up framework", *Ecosystem Health and Sustainability*, vol. 6, no. 1, pp. 1–19.

Yanitskii, O.N. (2016), "Sociobiotechnical systems. A new look at the interaction of man and nature", *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, vol. 4, no. 3 (15), pp. 5–22.

Yanitskii, O.N. (2017), "Current issues of interdisciplinary research", in *Sovremennye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk: Materialy XXXIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Modern issues of the humanities and natural sciences: Proceedings of the 23rd International Scientific and Practical Conference], part 2, pp. 218–223.

Yanitskii, O.N. (2019), "Methodology for analyzing the dynamics of social systems", *Research Result. Sociology and Management*, vol. 5, no. 1, pp. 82–94.

Zalasiewicz, J., Waters, C. and Williams, M. (2020), "The Anthropocene", in Gradstein, F., Ogg, J.G., Schmitz, M.D. and Ogg, G.M. *Geologic time scale – 2020*, vol. 2, pp. 1257–1280.

Zykov, A.A. (2021), "Metabolism as a source of origin and evolution of living matter", *Akademicheskaya publitsistika*, no. 2, pp. 231–237, available at: https://aeterna-ufa.ru/sbornik/AP-2021-02.pdf (Accessed 5 March 2025).

Информация об авторе

Ольга Ю. Кокурина, доктор юридических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119234, Россия Москва, Ленинские горы, д. 1; kokurina@polit.msu.ru

Information about the author

Olga Yu. Kokurina, Dr. of Sci (Law), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 1, Leninskie Gory, Russia Moscow, 119234; kokurina@polit.msu.ru

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 323(669)
DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-25-46

Нигерия в поисках «подлинного федерализма»

Андрей А. Захаров
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, zakharov.aa@rggu.ru

Аннотация. В статье анализируются процессы, сопровождающие совершенствование федеративной государственности в современной Нигерии. Признание нигерийским обществом дефектов, присущих нынешней сверхцентрализованной модели федерации, которая культивировалась военными режимами 1960–1990-х гг., спровоцировало дискуссию о так называемом «подлинном федерализме» – идеальном состоянии, какое, по мысли критиков, нигерийская федерация за несколько десятилетий так и не смогла обрести. В ряду ключевых вопросов, поднимаемых в связи с «подлинным федерализмом», обсуждаются оптимальная региональная «нарезка», включая опции увеличения или, напротив, сокращения числа субъектов федерации, а также поиск наиболее справедливой формулы распределения доходов от добываемой в стране нефти. Однако, и дальнейшее наделение политической субъектностью все новых территорий (и этнических групп), и расширение доли нефтяных доходов, получаемых нефтедобывающими штатами, оказываются двусмысленными мерами: они исцеляют одни недуги нигерийского федерализма, но взамен порождают другие изъяны. Кроме того, выработке более эффективной модели федерации существенно препятствует то, что на нигерийской политической сцене есть мощные силы, которые, вместо поиска «подлинного федерализма», либо добиваются распада страны путем сецессии (диссидентские движения бывшей Биафры или повстанческие группировки дельты Нигера), либо отрицают нигерийскую федерацию как таковую (исламистская группировка «Боко Харам»[*]).

Ключевые слова: Нигерия, «подлинный федерализм», федеративный торг, нефтяная федерация, фискальный федерализм, Биафра, дельта Нигера, «Боко Харам»[*]

© Захаров А.А., 2025

[*]Террористическая организация, запрещенная в РФ.

Для цитирования: *Захаров А.А.* Нигерия в поисках «подлинного федерализма» // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 3. С. 25–46. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-25-46

Nigeria in search of “true federalism”

Andrei A. Zakharov
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
zakharov.aa@rggu.ru

Abstract. The article analyzes the processes accompanying the improvement of federal statehood in modern Nigeria. The recognition by Nigerian society of the defects inherent in the current over-centralized model of federation, which was cultivated by the military regimes of the 1960–1990s, provoked a discussion about the so-called “true federalism” – an ideal state of affairs, which, according to critics, the Nigerian federation has not been able to achieve for several decades. Among the key issues raised in connection with “true federalism”, optimal regional “slicing” is being discussed, including options for increasing or reducing the number of federated entities, as well as finding the most equitable formula for distributing income from oil produced in the country. However, the further granting of political subjectivity to new segments of national territory (and to ethnic groups), and the expansion of the share of oil revenues received by oil-producing states, turn out to be ambiguous measures: they heal some of the ills of Nigerian federalism, but instead generate other flaws. In addition, the development of a more effective model of federation is significantly hindered by the fact that there are powerful forces on the Nigerian political scene that, instead of seeking “true federalism”, either seek the disintegration of the country through secession (dissident movements of the former Biafra or rebel groups of the Niger Delta), or deny the Nigerian federation as such (the Islamist group Boko Haram*).

Keywords: Nigeria, “true federalism”, federal bargaining, oil federation, fiscal federalism, Biafra, Niger Delta, Boko Haram*

For citation: Zakharov, A.A. (2025), “Nigeria in search of ‘true federalism’ ”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 3, pp. 25–46, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-25-46

После официального возвращения Нигерии к гражданскому правлению, состоявшегося в мае 1999 г., в стране начались горячие дебаты относительно будущего нигерийского федерализма.

Их развертыванию способствовало то, что федеративные устои политической жизни, на протяжении десятилетий поддерживаемые нигерийскими авторитарными режимами и в очередной раз – после неудавшейся сецессии Биафры – подтвердившие свою жизнестойкость, снова были закреплены конституционно. Конституция 1999 г., отметившая возвращение гражданской администрации и сменившая Основной закон 1979 г., в плане федеративного устройства воспроизводила базовые положения предшествующего законодательства, вполне соответствовавшего классическим федералистским образцам. Наряду с учреждением двухпалатного парламента новая Конституция закрепляла за федеральным центром 68 эксклюзивных компетенций; помимо того, федеральный парламент мог принимать нормативные акты еще в 12 областях, отнесенных к совместной (конкурирующей) компетенции федерации и штатов. В свою очередь, легислатуры штатов были вольны законодательствовать во всех остальных сферах, а также в тех сегментах совместной компетенции, которые еще не успел охватить федеральный закон. Касаясь принципиального для страны вопроса нефтяной ренты, новая Конституция подтверждала право девяти нефтедобывающих штатов на получение особых «деривационных» выплат, составлявших 13% от извлекаемых ими нефтяных доходов [Adeniran 2020, pp. 261–262]. Эти деньги добавляются к прочим средствам, получаемым ими из федерального бюджета. Более того, в 2004 г. нефтедобывающие субъекты федерации, опираясь на указанную конституционную норму, добились распространения принципа деривации и на месторождения, расположенные в прибрежных водах Нигерии; долгое время добываемые там углеводороды считались «общенациональным достоянием», не имеющим территориальной привязки [Babalola 2019, p. 102].

Тем не менее появление нового системообразующего правового акта, подтверждавшего федеративную природу нигерийской государственности, не только не прекратило, но, напротив, интенсифицировало общественную дискуссию относительно федерализма. Как в гражданском обществе, так и в научных кругах к тому моменту преобладала убежденность в том, что федеративная модель, поддерживаемая при военных диктатурах и потом преемственно доставшаяся новому демократическому режиму, нуждается в радикальной реновации; как пишут, например, Нсемба Ленши и Генри Йенда, «запрос на принятие “подлинного федерализма” инспирируется хищнической природой нигерийского государства, в котором лишь микроскопическое меньшинство распоряжается ресурсами, принадлежащими всей стране» [Lenshie, Yenda 2015, p. 54]. Главной претензией, звучащей чаще других, стала предель-

ная концентрация ключевых государственных полномочий в руках федерального центра – Деле Бабалола, например, утверждает, что «избыточная централизация выступает определяющей особенностью нигерийской федеральной системы» [Babalola 2019, p. 5]. Критикуя ее за это, некоторые нигерийские ученые заходят столь далеко, что называют модель, ныне используемую в собственной стране, не иначе как «тоталитарным федерализмом» (totalitarian federalism) [Ifegwu, Eberinwa 2023, p. 9]. Именно из-за такого положения вещей в Нигерии уже четверть века продолжается поиск возможных альтернатив: иначе говоря, обсуждение так называемого «подлинного федерализма» (true federalism) – желательного, но за годы независимости так и не обретенного модуса федеративного бытия, способного обеспечить устойчивое развитие великой африканской нации [Nwaeze 2017].

При этом в нигерийском политическом дискурсе утвердилось едва ли не полное единодушие относительно того, что «гиганту Африки», стремясь к упомянутой «подлинности», за образцами для подражания обращаться, в общем-то, и некуда: как считают местные ученые, «нигерийский федерализм не следует уподоблять федерализму США, Канады или даже Индии – вместо этого стоит сосредоточиться сугубо на особенностях местного общества» [Egwim 2020, p. 14]. Соответственно, по мнению сторонников подобных воззрений, и главная проблема выглядит довольно самобытной: не подвергая сомнению федеративное устройство как таковое, стране следует сформировать такой его тип, где категорически не допускалась бы гегемония одних этносов или территорий над другими этносами или территориями. Если страна сделает это, то, как предполагается, ей удастся навсегда оставить в прошлом «врожденные пороки» государственного устройства Нигерии, ответственность за которые приписывается британским колонизаторам [Захаров 2023; Falola 2025, pp. 549–553].

Материал, с которым приходится работать нигерийским политикам, предстает крайне неоднородным. С одной стороны, как убедительно показал Дональд Горовиц, преобразования национально-территориальных основ федеративного порядка, проведенные военными режимами в 1960–1990-х гг. и выразившиеся в поэтапном наращивании численности субъектов федерации, заметно снизили уровень социально-политической напряженности в стране, позволив федеративному государству функционировать более эффективно, чем на ранней стадии нигерийской независимости: они, во-первых, вынесли наиболее фундаментальные общественные конфликты с общенационального поля на региональные площадки, снизив тем самым их разрушительный потенциал; во-вторых,

восстановили нарушенный прежде баланс между электоральным «весом» этнических групп и их численностью – покончив тем самым с беспрерывным доминированием хауса-фулани, погубившим Первую республику 1960–1966 гг.; в-третьих, наделили политической субъектностью малые этносы, в прежние времена фактически обреченные на политическую немоту [Horowitz 2007, pp. 959, 961–962]. Но, с другой стороны, долгие годы военного администрирования в сочетании с преумножением числа субъектов федерации – их было 3 в 1960 г., 4 в 1963-м, 12 в 1967-м, 19 в 1976-м, 21 в 1987-м, 30 в 1991-м, 36 в 1996 г., – травмирующим опытом сецессии 1967–1970 гг. и потоком нефтяных денег, хлынувших в государственную казну с начала 1970-х гг. [Osaghae 2002, pp. 96–104], формировали спрос на крайне централизованный федерализм. При этом разработка и внедрение конституционных новаций, менявших профиль федерации, десятилетиями оставались недоступными и закрытыми для гражданского общества, поскольку военное руководство не считало необходимым консультироваться по этим (или каким-либо иным) вопросам с населением. Такие хрестоматийные методы совершенствования федеративных отношений, как общенациональный диалог, постепенные конституционные реформы и работа политических партий, при господстве генералов просто не могли использоваться. (Интерлюдия гражданского правления 1979–1983 гг. была слишком короткой, и потому в данном отношении не сказавшейся на общей картине.)

За десятилетия военного правления нигерийский федеральный центр, не встречая противодействия снизу, ожидаемо и неуклонно наращивал собственные компетенции: если в конституциях 1960 и 1963 гг. список исключительных законодательных полномочий федерации состоял всего из 45 пунктов, то в Конституции 1979 г. их было уже 66 [Egwim 2020, pp. 21–23]. Как уже отмечалось, подъем федеральной власти парадоксально, но логично сопровождался созданием все новых и новых штатов, что превратило нигерийский кейс в яркую иллюстрацию одной из специфических особенностей децентрализации в Африке, не раз подмечаемой исследователями: она состоит в том, что обособление в государственном целом все большего числа административных единиц порой не столько *укрепляет*, сколько, напротив, *ослабляет* позиции регионов в их торге с общегосударственной властью. Ведь чем мельче субъекты федерации, тем они слабее, а их политическая, административная и фискальная зависимость от центра крепче. В частности, опираясь на опыт унитарной, но децентрализованной Уганды, Джанет Льюис убедительно показывает, как целенаправленное дробление территориально-административного пространства иногда способно,

вопреки замыслам его инициаторов, не ограничивать центральную власть, но, наоборот, делать ее более мощной – работая тем самым на рецентрализацию [Lewis 2014]. Сказанное касается не только унитарных, но и федеративных государств; то же самое получилось и в Нигерии после нескольких раундов учреждения новых штатов. Причем на сегодняшний день нигерийским сторонникам реформ не удается преодолеть этот тренд, поскольку, несмотря на наделение политической субъектностью все большего числа регионов, национальный парламент решительно отвергает любые предложения о расширении региональных компетенций за счет федерального центра – последний раз соответствующие законодательные инициативы были отклонены в 2017 г.

В свете сказанного понятно, что численность субъектов федерации остается одним из важнейших вопросов, беспокоящих нигерийских федералистов. Если сама целесообразность федерации в Нигерии уже давно не ставится под сомнение ни политиками, ни гражданами, то идеальное количество единиц, составляющих союз, в рамках обсуждения «подлинного федерализма» дебатируется многие годы. В итоговом докладе Национальной конференции, которую в 2014 г. созвал президент Гудлак Джонатан для обсуждения наиболее острых государственных проблем, наряду с пожеланием сохранить федеративную систему как наиболее пригодную для нигерийского разнообразия содержалось предложение добавить к существующим 36 штатам еще 18 штатов [Adeniran 2020, p. 264]. Хотя эта инициатива была оставлена властями без внимания, в последующее десятилетие тема продолжала волновать гражданские и научные круги. Основной мотив остается неизменным уже на протяжении полувека – со времен войны в Биафре, – воплощаясь в следующем вопросе: «Каким образом надо выстроить федерацию, чтобы впредь не позволить отдельной этнической группе или комбинации этнических групп, отдельному штату или комбинации штатов, бесконечно доминировать в государстве, навязывая свою волю всем остальным партнерам?» [Egwim 2020, p. 19].

Нынешнее число штатов одновременно и усиливает, и ослабляет нигерийское федеративное государство, о чем не раз писали нигерийские специалисты [см., например: Faluyi 2023, pp. 265–272]. Если говорить о его сильных сторонах, то многочисленность федерирующихся единиц, и это вполне естественно, действительно не допускает вызревания штата-гегемона, способного подмять под себя всю страну и похожего в этом смысле на былой нигерийский Северный регион, придавивший собой Первую республику 1960–1966 гг. и, в конечном счете, обрушивший ее. Вместе с тем диссоциация политической воли на региональном уровне, прису-

щая такой диспозиции, обусловливает, как уже отмечалось выше, гипертрофированную мощь федерального центра: разрозненное сообщество бессильных административных единиц, рождающихся из позитивного, в целом, процесса перераспределения полномочий, заведомо не способно разговаривать с общенациональной властью на равных, что извращает базовые принципы децентрализации [см., например: Erk 2014; Ewetan 2012]. В частности нигерийские штаты регулярно жалуются на то, что у них нет собственной полиции, поскольку охрана правопорядка прочно монополизирована федеральным центром [Egwim 2020, ch. 5]. Из-за такого положения вещей нередко складываются абсурдные ситуации: на губернаторах лежит конституционная ответственность за обеспечение безопасности на вверенных им территориях, но действующие в штатах полицейские силы им не подчиняются, поскольку комиссар полиции конкретного штата всегда может проигнорировать губернаторские указания на том основании, что его вышестоящим начальством выступает не губернатор, а генеральный инспектор полиции – федеральный чиновник, подотчетный президенту страны [Babalola 2019, p. 105]. Реагируя на это не слишком нормальное положение вещей, некоторые губернаторы создают неофициальные силовые структуры, действующие под их собственной эгидой [Faluyi 2023, p. 177]. Естественно, вытекающая отсюда неразбериха в значительной мере объясняет неспособность нигерийского государства противостоять террористическим и сепаратистским угрозам, о которых речь пойдет ниже.

Из неудовлетворенности описанным положением вещей и рождаются те концепции «подлинного федерализма», в которых предлагается вместо учреждения все новых штатов сформировать крупные федеральные округа, вбирающие в себя по несколько нынешних территориальных единиц. Согласно одной из таких концепций, выдвинутой последователями Фредерика Ротими Аладе Уильямса, в прошлом крупнейшего нигерийского конституционалиста и государственного деятеля, самой оптимальной для Нигерии стала бы «нарезка», предполагающая наличие шести больших регионов: Северо-Центрального, Северо-Восточного, Северо-Западного, Юго-Восточного, Юго-Южного и Юго-Западного. Именно они, по замыслу авторов теории, выступали бы в роли федерирующихся единиц, в то время как штаты внутри каждого из этих «укрупненных» регионов продолжали бы исполнять некоторые управленческие функции, санкционируемые региональными конституциями. Подобно российским сторонникам территориального укрупнения [см., например: Добрынин 2003], приверженцы этой схемы указывают, что субъекты федерации должны обладать

такой численностью населения и такими объемами ресурсов, которые будут достаточными для поддержания экономической устойчивости и, соответственно, изъявления политической субъектности. По их мнению, «неустанное и бессистемное» учреждение новых штатов «разрушает сами основы “подлинного федерализма”» [Ewetan 2012, p. 1082]. Впрочем, подобные «объединительные» идеи тоже пока не вписываются в преобладающий в Нигерии политический дискурс; во многом их отторжению способствует то, что, несмотря на продолжающееся обсуждение благотворности регионального зонирования, под гипотетической сеткой замышляемых мега-регионов «продолжают жить региональные идентичности, утверждавшие себя еще во времена Первой республики (1960–1966)» [Faluyi, Khan, Akinola 2019, p. 34] – и уместно повторить, в то время едва не разрушившие страну.

Систематизируя обсуждаемые в настоящее время проекты территориальной организации, можно сказать, что их многообразие сводится к трем вариантам, среди которых: а) децентрализация и перераспределение полномочий в рамках нынешней конституционной схемы, предусматривающей 36 штатов; б) учреждение новых штатов; в) укрупнение «нарезки» посредством создания новых федерирующихся единиц в виде округов, вбирающих в себя по несколько современных штатов. Оценивая их, приходится признавать, что ни один из этих сценариев не решает фундаментальных проблем нигерийского национального единства, расшатывающих страну сегодня – и объясняется это двумя основными причинами. Во-первых, поскольку характер нигерийской федеральной системы предопределяется экономикой, которой присуща выраженная нефтяная зависимость, ни о каком подлинном федерализме нельзя говорить до тех пор, пока нынешние варианты распределения нефтяных доходов не станут консенсусными; однако, на протяжении несколько десятилетий, с самого превращения Нигерии в нефтяную державу, они ожесточенно оспариваются, что не может не блокировать проекты «подлинного федерализма». Во-вторых, на территории Нигерии в настоящее время действуют мощные политические силы, которые вообще не интересуются будущим федерации – либо потому, что считают наилучшим решением выход каких-то регионов из состава федеративного государства, либо из-за того, что безальтернативно придерживаются унитаристской идеологии. Как будет показано ниже, упомянутые факторы отчасти накладываются друг на друга; тем не менее, их удобнее рассмотреть по отдельности.

Начнем с нефти, добыча которой, согласно статистическим данным, покрывает 40% нигерийского ВВП, а продажа приносит стра-

не 95% всей валютной выручки [Babalola 2019, p. 66]. На текущий момент иные отрасли экономики и близко не могут конкурировать с сырьевым сектором, так как начавшийся полвека назад нефтяной бум довольно быстро сделал невыгодными инвестиции сначала в сельское хозяйство (хотя до открытия нефтяных месторождений страна специализировалась именно на аграрном производстве, культивируя в первую очередь земляной орех и какао), а потом и в легкую промышленность. Как и в некоторых других государствах -рантье, в Нигерии приобщение к государственной власти означает доступ к сырьевым ресурсам, посредством которого укрепляется положение отдельных лиц и целых групп, включая этнические. Последствия такого положения вещей тройственны. Прежде всего крупные этнические общности неизбежно начинают соперничать между собой за обладание федеральным центром и его деньгами, подстраивая под эти задачи систему политической конкуренции. Далее, чем шире поток нефтяных денег, тем более зависимыми оказываются субъекты федерации, поскольку распределение нефтяной ренты неизменно остается прерогативой центра, превращая федерализм в пустую формальность. Наконец, в недемократических контекстах нефтяное изобилие неизбежно порождает коррупцию, которая размывает типовые модели федеративного торга, причем Нигерия в коррупционном плане опережает многие другие нефтедобывающие страны. Каждый из перечисленных факторов успел нанести больший или меньший урон нигерийским федеральным устоям.

В национальных моделях фискального федерализма ключевое значение имеют два вопроса: за сбор каких конкретно налогов отвечают различные уровни власти и как между этими уровнями делятся общенациональные налоговые поступления. В Нигерии, где углеводородные доходы обеспечивают львиную долю пополнения казны, а на центральное правительство приходятся 98% совокупных налоговых поступлений, субъекты федерации зависят от трансфертных выплат из федерального бюджета на 87% [Андерсон 2009, с. 48–51]. Сказанное означает, что руки региональных властей, превращенных в «экономический придаток федерального правительства» [Ewetan 2012, p. 1083], вечно связаны, а единственная доступная им политическая линия – это беспрекословное следование курсу, намечаемому в Абудже, поскольку иначе можно лишиться федеральных грантов. Это «равенство в покорности» не может устраивать всех хотя бы потому, что в одних штатах нефть добывается, а в других – нет, и первые хотят большего куска пирога, чем вторые. Возмущение наличным положением вещей приобретает разные формы; о неконвенциональных, опирающихся на вооруженное насилие, будет

сказано ниже, а если же говорить о конвенциональных формах, то нефтедобывающие штаты многократно требовали от федерального правительства более чуткого отношения к их вкладу в общенациональную копилку. В частности в 2005 г. в ходе Национальной конференции по вопросам политической реформы, которую инициировал тогдашний президент Олусегун Обасанджо, они предлагали поднять порог деривационных выплат территориям, добывающим нефть, до 17% [Babalola 2019, p. 144]. Однако, как образно пишет Олабанджи Эветан, «агитация в пользу более децентрализованных фискальных установлений, исходящая от нижестоящих уровней власти, неизменно наталкивается на яростное сопротивление федерального Левиафана» [Ewetan 2012, p. 1079]. Отсюда делается вывод о том, что в нефтяной федерации «подлинный федерализм» должен в первую очередь восторжествовать в финансовой сфере, а она подтянет за собой все остальные. Открытым, впрочем, остается вопрос о том, как должна выглядеть «идеальная» матрица, ибо, как справедливо отмечает Деле Бабалола, «всякий раз, когда внедрялась какая-то новая схема, одни регионы приобретали, а другие теряли» [Babalola 2019, p. 107]. Это не удивительно, поскольку универсального понятия «подлинного федерализма» в Нигерии нет: различные акторы трактуют этот концепт по-разному, приспосабливая его к собственным запросам и нуждам.

Теперь следует остановиться на силах распада, блокирующих приближение Нигерии к «подлинному федерализму». На сегодня признанным фактом является то, что центральное правительство Федеративной Республики Нигерия не контролирует всей территории страны. Иначе говоря, на ее карте есть такие участки, где федеральные законы не действуют, а федеральные органы власти функционируют лишь номинально [см., например: Ojo, Aina, Oyewole 2024; Okoli, Ngom 2024]. Причем, как подчеркивают специалисты, «политическое и символическое значение таких анклавов значительно превосходит их географические размеры» [Hill 2012, p. 22] – и это несомненная правда. К числу проблемных, пусть и в разной степени, можно отнести как минимум три фрагмента национальной территории: а) отдельные части некогда разгромленной Республики Биафра; б) нефтеносную дельту реки Нигер; в) некоторые районы северо-восточного штата Борно, примыкающего к озеру Чад. В каждом из упомянутых участков действуют собственные носители антифедералистской идеологии, по-разному подрывающие административно-территориальные основы государства.

Во-первых, на деконструкции нигерийской федерации вместо любого ее обновления настаивают учрежденное на рубеже 1990-х и 2000-х гг. «Движение за восстановление суверенного государства

Биафра» (Movement for the Actualisation of the Sovereign State of Biafra – MASSOB) и появившаяся в начале 2010-х гг. группа «Коренной народ Биафры» (Indigenous People of Biafra – IPOB), претендующие на правопреемство в отношении самопровозглашенной республики конца 1960-х [Nwankpa 2023, pp. 110–112]. Хотя их активисты придерживаются ненасильственных методов политической борьбы, власти Нигерии объявили обе группировки незаконными. (IPOB, которая была запрещена в соответствие с федеральным Актом о терроризме в 2017 г., удалось успешно оспорить это решение в судебном порядке: осенью 2023 г. запрет официально был снят.) Целью сецессионистов провозглашается политическое самоопределение народа игбо, одного из трех наиболее многочисленных этносов страны, предусматривающее создание собственного этнического государства.

Впрочем, согласно экспертным оценкам, эта инициатива пользуется минимальной поддержкой даже среди самих игбо, «хотя сепаратисты утверждают, что идею независимости разделяют до 80% представителей группы» [Попов 2012, с. 432]. «Кампания по возрождению Биафры непопулярна среди элит игбо, поскольку их политические и деловые интересы охватывают всю страну, а не только один регион, – пишет в той же связи нигерийский исследователь. – Вероятно, для игбо разговоры о возможной сецессии служат просто одним из козырей в сложной игре, целью которой выступает максимально благоприятная аккомодация этнической группы в рамках многонациональной федерации» [Babalola 2019, p. 142]. Несмотря на то что о притязаниях на территориальный контроль речь здесь вообще не идет, а в электоральном плане группировки абсолютно безвредны, поскольку их устремления не поддерживаются ни одной из зарегистрированных партий, неспособность центрального правительства справиться с подобными умонастроениями показательна. Она свидетельствует о том, что в бывшем Восточном регионе даже спустя полвека после завершения кровавого междоусобного конфликта есть люди, навсегда исключившие из будущего страны опцию федеративного торга. В этой связи вполне можно согласиться с учеными, которые утверждают, что «влияние войны в Биафре на национальную душу сопоставимо с аналогичным влиянием американской Гражданской войны 1861–1865 гг.» [Campbell, Page 2018, p. 31].

В реакции федеральных властей на сепаратистское брожение в бывшей Биафре преобладает «мягкий» подход, который противопоставляется исследователями подходу «жесткому»; он нацелен на выравнивание уровня жизни всех территорий, входящих в федерацию, а также на восполнение недостаточной представленности

игбо в рядах федерального чиновничества и офицерства. Прежде всего на первый план в государственной стратегии выдвигаются мероприятия, призванные ликвидировать ощущение депривации, которое разделяют многие жители юго-восточной части страны. С этой целью еще в 2016 г. правительство запустило процедуру создания федеральной Комиссии по развитию Юго-Востока (South East Development Commission – SEDC), которой за счет федерального бюджета будет поручено инфраструктурное развитие региона, включая строительство жилья, дорог, медицинских и образовательных объектов. Несмотря на почти восьмилетнюю законотворческую волокиту, в апреле 2024 г. федеральный акт об учреждении этого органа был, наконец, принят нигерийским парламентом, на что местная пресса отреагировала с немалым воодушевлением. Так, согласно комментарию одной из федеральных газет, закон «восстановит живущий на юго-востоке народ игбо в его правах, сделав его равноправным бенефициаром дивидендов, приносимых нигерийской демократией», и «послужит катализатором развития юго-восточных регионов страны» [Ohajuruka 2024]. Удастся ли достичь ожидаемого эффекта, сказать пока трудно, особенно помня о запредельном уровне коррупции, отличающем нигерийскую государственную машину [см., например: Hope 2017, pp. 125–162]; тем не менее обновление институциональной «начинки» федеративного государства вполне может оказаться полезным лекарством, минимизирующим его срывы и сбои.

Во-вторых, дисфункции нигерийского федерализма запустили сепаратистское брожение в тех частях страны, где добывается нефть. Говоря об этом, стоит подчеркнуть, что географические очертания этих территорий во многом совпадают с теми землями, где в 1967–1970 гг. действовали сепаратисты Биафры. В нефтеносных районах обосновались сразу несколько группировок, которые, в отличие от мирно ностальгирующих поклонников Республики Биафра из MASSOB и IPOB, ведут не словесную, а вооруженную борьбу с центральным правительством [Mai-Bornu 2020, pp. 65–83; Nwankpa 2023, pp. 94–102]. В настоящее время самыми крупными из них остаются созданные в середине 2000-х гг. «Движение за освобождение дельты Нигера» (Movement for the Emancipation of the Niger Delta – MEND) и «Народные добровольческие силы дельты Нигера» (Niger Delta Peoples Volunteer Force – NDPVF), выступающие от имени этнического меньшинства иджо. В отношении этих и родственных им структур федеральное правительство применяет комбинацию «мягких» и «жестких» методов.

Организации мятежников, перечень которых время от времени меняется, действуют на территории шести штатов, входящих в

субрегион дельты Нигера, и добиваются, согласно их собственным декларациям, экономической и экологической справедливости. Решение этих задач видится им в утверждении «принципа ресурсного контроля» – авторство термина приписывают Джеймсу Ибори, служившему губернатором нефтедобывающего штата Дельта в 1999–2007 гг., – подразумевающего нерушимое юридическое право сообществ в сколько-нибудь существенной степени контролировать естественные богатства, содержащиеся в недрах населяемых ими территорий [Babalola 2019, p. 122]. Для сторонников такой позиции это несомненный атрибут рассматриваемого в этом тексте «подлинного федерализма», причем ресурсный контроль, полагают они, гораздо более благоприятствует местным сообществам, чем применяемый в настоящее время принцип деривации: согласно последнему, следует напомнить, чем шире объемы углеводородов, добываемых на конкретной территории, тем больше доля достающихся ей бюджетных средств. Между тем, по мнению скептиков, «ресурсный контроль» – понятие менее четкое, хотя и более броское: это не столько легально-правовой, сколько политико-агитационный термин, который трудно встроить в структуры фискального федерализма [Egwim 2020, pp. 77–82].

Если говорить конкретно о MEND, то требования этой группировки не менялись с 2006 г. – с того момента, когда они впервые были обнародованы. Среди прочего движение настаивает на том, чтобы международные нефтяные компании, которые работают в Нигерии, выплатили жителям дельты Нигера 1,5 млрд долларов компенсации за причиненный региону экологический ущерб, а федеральное правительство начало передавать нефтедобывающим штатам *половину* доходов от нефтедобычи. Очевидно, что, по крайней мере часть этой программы имеет отношение к федеративному устройству: ведь вопросы оптимального распределения углеводородной ренты для Нигерии уже много десятилетий остаются крайне болезненными. Серия нападений на объекты нефтяной инфраструктуры, подготовленных и проведенных MEND с конца 2000-х гг., а также заявления группировки о том, что она в любой момент может полностью блокировать экспорт нигерийской нефти, заставили власти сочетать силовое ее подавление с методами кооптации. Как отмечают специалисты, «решение MEND отказаться от наличия единой и иерархической структуры командования сделало движение организационно зыбким, но зато вполне эффективным в плане партизанских вылазок по всему региону. ...Из-за невидимой природы группировки ни армия, ни корпорации, ни правительство не могут обозначить ее в виде подлежащей уничтожению конкретной цели и, соответственно, пресечь ее активность» [Kilungu 2021, pp. 7–8].

По этой причине налеты силовиков на партизанские базы в последние годы чередовались с амнистированием инсургентов – в частности, большая программа амнистии, включающая помилование 30 тысяч партизан, а также образовательные, реабилитационные, финансовые меры, была запущена федерацией в 2009 г., – а полевые командиры первого поколения время от времени получали должности в исполнительной и законодательной власти южных штатов. Такая стратегия, однако, в одно и то же время оказывается и действенной, и бесплодной. С одной стороны, действительно, «покушаясь на нефтяную выручку государства, даже самые амбициозные из вооруженных группировок могут рассчитывать на то, что правительство так или иначе допустит их к кормушке и включит в свои патронажные сети» [Campbell, Page 2018, pp. 130–131]; но, с другой стороны, поскольку ни один из дефектов нигерийского федерализма этими трюками не устраняется, место подкупленных и кооптированных бойцов незамедлительно занимают очередные инсургенты из все новых и новых группировок.

В-третьих, мощным фактором, подрывающим само существование нигерийской федерации, не говоря уже о внедрении «нового федерализма», выступает деятельность воинствующих исламистов в лице, прежде всего, группировки «Боко Харам»* и ее наследников [Thurston 2018; Zenn 2020]. Именно она несет первейшую ответственность за то, что Федеративная Республика Нигерия в последние годы часто оказывается в «десятке» государств, наиболее страдающих от террористических атак; по итогам 2023 г. эта страна, где за двенадцать месяцев от рук террористов погибли 5575 человек, оказалась по упомянутому показателю восьмой[1]. Как подчеркивают Олумуйива Фалуйи, Султан Хан и Адеойе Акинола, «Боко Харам»* «отличается от прочих террористических групп своей мотивацией, в которой политическое, социальное и религиозное перемешаны друг с другом» [Faluyi, Khan, Akinola 2019, p. 3]. В плане неприятия нынешних устоев местной государственности эта структура гораздо более радикальна, нежели иные группы, упомянутые выше: нынешнее устройство не интересует ее ни в каком из своих аспектов, включая и его федеративную природу, поскольку оно считается заслуживающим только сноса и замены на так называемую «первозданную» мусульманскую государственность. Соответственно, все наличные государственные структуры объявляются «греховными» и «нечистыми», а причастные к ним мусульмане клеймятся как «отступники» [Faluyi, Khan, Akinola 2019, p. 68].

[1] Institute for Economics & Peace. Global Terrorism Index 2024. Sydney: Institute for Economics & Peace, 2024. 82 p.

Федералистские мотивы, которые так или иначе присутствуют в дискурсивном поле сепаратистов бывшей Биафры или повстанцев дельты Нигера, в данном случае сведены к нулю: фанатиков-исламистов эта тема попросту не интересует. Вместе с тем, практические приемы, которыми они утверждают свои идеалы, имеют самое непосредственное отношение к устоям Четвертой республики: насилие, сеемое «Боко Харам» с 2002 г., серьезно дискредитирует нигерийскую государственность и изобличает ее слабость. Спустя два десятилетия после того, как организация из трех тысяч религиозных фанатиков начала свою деятельность, она разрослась до самой настоящей армии с десятками тысяч боевиков, а ее террористические вылазки фиксируются более чем в трети нигерийских штатов. Число людей, погибших от рук «Боко Харам»* за двадцать лет, составляет десятки тысяч, а превратившихся из-за нее в беженцев исчисляется миллионами. В приграничных регионах северо-востока «Боко Харам»* сформировала квазигосударство с собственной администрацией, налогообложением, судами и даже СМИ, причем зона его оперативного охвата, неуклонно расширяясь, перекинулась на соседние районы Камеруна, Нигера и Чада. «Пористая» граница между упомянутыми странами – а она и не может быть иной, составляя около 1700 км с Камеруном и около 1500 км с Нигером (выделяется в указанном отношении лишь Чад, с которым Нигерия граничит на протяжении лишь 87 км), – облегчает активистам «Боко Харам»* переброску оружия, связи с иностранными спонсорами и вербовку иностранных боевиков [Faluyi, Khan, Akinola 2019, p. 41]. Нигерийское правительство время от времени закрывает официальные пограничные переходы, но это почти не сдерживает экстремистов: согласно данным федерального министерства внутренних дел, в середине прошлого десятилетия на 84 легальных магистрали, ведущих в страну, приходились 1499 нелегальных [Faluyi, Khan, Akinola 2019, p. 96].

Несмотря на то что и в данном случае федеральное правительство не отказывается от «мягких» мер, среди которых, в частности, Президентская инициатива для Северо-Востока (Presidential Initiative on the North East – PINE), деятельность Фонда поддержки жертв (Victims Support Fund – VSF), учреждение Комиссии по развитию Северо-Востока (North East Development Commission), в данном случае преобладающим инструментом остается «жесткое» силовое реагирование. И это естественно, поскольку в отличие от ситуаций в бывшей Биафре и дельте Нигера здесь речь не идет о том, чтобы мирными протестами или вооруженными вылазками привлечь внимание к разбазариванию региональных ресурсов, порче окружающей среды или маргинализации этнических групп;

ключевым отличием нигерийских исламистов от иных сепаратистских или партизанских группировок выступает то, что «Боко Харам»* не добивается ни территориального расчленения Нигерии, ни освобождения какой-либо ее части из-под власти Абуджи. Напротив, эта организация пусть своеобразно, но ценит единство того политико-географического пространства, которое ныне занимает «гигант Африки» – поскольку рассчитывает распространить законы шариата на всю его территорию [Hill 2012, p. 126].

В контекстах того направления исламской общественно-политической мысли, которого придерживаются нигерийские религиозные экстремисты, тема рассредоточения власти никак не звучит; наоборот, призывы к религиозной войне с «неверными» подкрепляются желанием реанимировать централизованный халифат, некогда рухнувший вместе с Османской империей, но сегодня призванный, как считают исламисты, преодолеть наличные политические формы и вобрать их в себя. Именно об этом заявлял, в частности, лидер «Боко Харам»* Абубакар Шекау в 2014 г., учреждая подобие халифата на контролируемых его сподвижниками землях: «Мы не хотим иметь ничего общего со словом “Нигерия”. Мы используем его лишь потому, что люди к нему привыкли. Эта земля – исламский халифат. И никакая Нигерия нам не нужна» [Shekau 2018]. Произошедший в 2016 г. раскол «Боко Харам»* на две враждующие фракции – сохранившую изначальное название и новую, именуемую «Ансару» – в указанном отношении ничего не изменил: каждая из них по-прежнему рассматривает нигерийскую государственность как временное явление, подлежащее искоренению вместе с ее федеративными устоями – в глазах их руководителей «Нигерия есть лишь трамплин, позволяющий развернуть глобальную экспансию халифата в Западной Африке» [Omenma, Abada, Omenma 2023, p. 57].

Наконец, в этой связи и в заключение необходимо упомянуть о еще одном вызове, который Нигерии придется преодолевать в попытках обрести «подлинный федерализм». Речь идет о сохранении светского характера государственности в стране, где соседствуют несколько крупных религий. Согласно имеющимся статистическим данным, нигерийская конфессиональная палитра выглядит так: мусульмане – 50%, христиане – 40%, анимисты – 10%. Здравый смысл подсказывает, что подобное соотношение настоятельно требует, чтобы государство провозглашало и отстаивало свой светский характер, поскольку любая другая альтернатива чревата межрелигиозной рознью, имеющей в независимой Нигерии довольно богатую историю [Alao 2022; Vaughan 2022]. Внешне страна придерживается именно такого курса: в Конституции 1999 г. прямо

говорится о том, что государство, являясь секулярным, придерживается равенства вероисповеданий, не ассоциируя себя ни с одним из них. Но политическая практика, сдобренная элементами федерализма, рисует гораздо более сложную картину.

Осенью 1999 г. расположенный на севере страны штат Замфара официально провозгласил шариат своей правовой системой, а вслед за этим его примеру последовали еще одиннадцать северных штатов с преобладающим мусульманским населением [Babalola 2019, p. 128]. Такой шаг расколол нигерийское общество: если одна его часть сочла меру антиконституционной и избыточной, то другая, указывая на ее соответствие федералистским установлениям, считала недостаточной, поскольку шариатские суды на севере продолжали действовать параллельно со светскими государственными судами [Faluyi, Khan, Akinola 2019, p. 69]. Очень быстро спор о границах федерализма перешел в плоскость, сопряженную с насилием: в 2003 г. «Боку Харам» поддержала избрание нового губернатора штата Борно на том условии, что он, получив должность, превратит шариат в единственный правовой инструмент, применяемый в штате, но, когда этого не произошло, религиозные экстремисты развернули против регионального правительства Борно – и соответственно, против федеративных устоев в целом – настоящую войну, быстро перекинувшуюся на остальные одиннадцать штатов, вовлеченных в эксперимент с шариатом.

Следует ожидать, что в рамках реформирования федеративной модели нигерийские власти сократят дистанцию между состояниями de jure и de facto: как указывают местные эксперты, если официально признать за северными регионами страны право внедрять в свои правовые системы элементы шариата, одновременно обставив это набором жестких условий и ограничений, то подобная мера, во-первых, укрепит административную сплоченность и умиротворит умеренных исламистов, руководящих северными штатами, а во-вторых, углубит противоречия между ними и мусульманскими экстремистами, не готовыми довольствоваться подобными «полумерами» [Faluyi, Khan, Akinola 2019]. Маргинализация же экстремистов благотворно скажется на всей федеративной системе и облегчит дальнейшее ее совершенствование.

* * *

Любая федеративная система представляет собой динамичную, меняющуюся во времени сущность. Поиски «подлинного федерализма», идущие в Нигерии в последние десятилетия, нацелены, в первую очередь, на избавление от удушающе избыточной централизации, тормозящей национальное развитие, и в этом смысле они

вполне закономерны. Однако, позитивные намерения инициаторов дискуссии не гарантируют успеха преобразований – хотя бы потому, что в стране так и не оформилось консолидированное представление о том, что такое желанный «подлинный федерализм». Различные акторы, участвующие в федералистских дебатах, видят этот идеал по-разному, а это означает, что дорожная карта перемен так и не выработана. Кроме того, пока нигерийские федералисты полемизируют о частностях – например о том, сколько субъектов нужно иметь в обновленной федерации или каким должно быть справедливое распределение нефтяных доходов, в стране продолжают действовать влиятельные акторы, которые вообще не приемлют слово «федерализм». Это серьезнейшая проблема, которая в обозримой перспективе будет, по-видимому, лишь обостряться. Нигерия как сложнейший социум едва ли сможет существовать без федеративного устройства, но на нынешнем этапе его радикальное усовершенствование практически едва ли возможно. Сказанное означает, что дебаты о «подлинном федерализме» будут продолжены – хотя результат этих исканий отнюдь не предрешен.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (№ 24-18-00650).

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation (№ 24-18-00650).

Литература

Андерсон 2009 – *Андерсон Дж.* Федерализм: введение. М.: Экономика, 2009. 127 с.

Добрынин 2003 – *Добрынин Н.М.* Новый федерализм: модель будущего государственного устройства Российской Федерации. Новосибирск: Наука, 2003. 468 с.

Захаров 2023 – *Захаров А.А.* О колониальных предпосылках федерализма в Нигерии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 3. С. 80–94.

Попов 2012 – *Попов Ф.А.* География сецессионизма в современном мире. М.: Новый хронограф, 2012. 672 с.

Alao 2022 – *Alao A.* Rage and carnage in the name of God. Religious violence in Nigeria. Durham; L.: Duke University Press, 2022. 312 p.

Adeniran 2020 – *Adeniran O.* Nigeria (Federal Republic of Nigeria) // The Forum of federations handbook of federal countries – 2020 / ed. by A. Griffiths, R. Chattopadhyay, J. Light, C. Stieren. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 255–270.

Babalola 2019 – *Babalola D.* The political economy of federalism in Nigeria. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. 180 p.

Campbell, Page 2018 – *Campbell J., Page M.* Nigeria: What everyone needs to know. Oxford: Oxford University Press, 2018. 240 p.

Egwim 2020 – *Egwim A.I.* The dynamics of federalism in Nigeria. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 136 p.

Erk 2014 – *Erk J.* Federalism and decentralization in Sub-Saharan Africa. Five patterns of evolution // Regional and Federal Studies. 2014. Vol. 24. No. 5. P. 535–552.

Ewetan 2012 – *Ewetan O.O.* Fiscal federalism in Nigeria: Theory and practice // International Journal of Development and Sustainability. 2012. Vol. 1. No. 3. P. 1075–1087.

Falola 2025 – *Falola T.* Understanding colonial Nigeria: British rule and its impact. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. 694 p.

Faluyi 2023 – *Faluyi O.T.* National integration and rotational presidency in Nigeria: Setting the 'rules' of integration in a plural state. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. 384 p.

Faluyi, Khan, Akinola 2019 – *Faluyi O.T., Khan S., Akinola A.O.* Boko Haram's* terrorism and the Nigerian state. Federalism, politics, and policies. Cham: Springer, 2019. 157 p.

Hill 2012 – *Hill J.N.C.* Nigeria since independence. Forever fragile? Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. 173 p.

Hope 2017 – *Hope K.R., Sr.* Corruption and governance in Africa: Swaziland, Kenya, Nigeria. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. 204 p.

Horowitz 2007 – *Horowitz D.* The many uses of federalism // Drake Law Review. 2007. Vol. 55. P. 953–966.

Ifegwu, Eberinwa 2023 – *Ifegwu A.N., Eberinwa O.M.* True federalism. Catalyst for sustainable growth and development in Nigeria // International Journal of Public Administration. 2023. Vol. 2. No. 2. P. 1–20.

Kilungu 2021 – *Kilungu M.* Movement for the "Emancipation of the Niger Delta" (MEND) constitutes a threat to the U.S. national security // Open Access Library Journal. 2021. Vol. 8. No. 6. P. 7–8.

Lenshie, Yenda 2015 – *Lenshie N.E., Yenda H.B.* Is there any true federalism? Revisiting the "true federalism" debate in Nigeria // Research on Humanities and Social Sciences. 2015. Vol. 5. No. 15. P. 54–66.

Lewis 2014 – *Lewis J.I.* When decentralization leads to recentralization. Subnational state transformation in Uganda // Regional and Federal Studies. 2014. Vol. 24. No. 5. P. 571–588.

Mai-Bornu 2020 – *Mai-Bornu Z.L.* Political violence and oil in Africa. The case of Nigeria. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 253 p.

Nwaeze 2017 – *Nwaeze N.C.* "True" federalism in a well-structured Nigeria. The panacea to her economic development challenges // Greener Journal of Economics and Accountancy. 2017. Vol. 6. No. 2. P. 26–42.

Nwankpa 2023 – *Nwankpa M.* Nigeria's Fourth Republic, 1999–2021. A militarised democracy. N.Y.: Routledge, 2023. 188 p.

Ohajuruka 2024 – *Ohajuruka S.* SEDC bill as a new foundation for peace, prosperity and justice in Nigeria // Vanguard (Lagos). 2024. April 29. URL: https://www.vanguardngr.com/2024/04/sedc-bill-as-a-new-foundation-for-peace-prosperity-and-justice-in-nigeria/ (дата обращения 29.01.2025).

Ojo, Aina, Oyewole 2024 – Armed banditry in Nigeria. Evolution, dynamics, and trajectories / ed. by J.S. Ojo, F. Aina, S. Oyewole. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. 311 p.

Okoli, Ngom 2024 – Banditry and security crisis in Nigeria / ed. by A.Ch. Okoli, S. Ngom. L.: Routledge, 2024. 306 p.

Omenma, Abada, Omenma 2023 – *Omenma J.T., Abada M.I., Omenma Z.O.* Boko Haram* insurgency. A decade of dynamic evolution and struggle for a Caliphate // Ten years of Boko Haram* in Nigeria. The dynamics and counterinsurgency challenges / ed. by J.T. Omenma, I.E. Onyishi, A.-M. Okolie. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. P. 43–67.

Osaghae 2002 – *Osaghae E.E.* Crippled giant. Nigeria since independence. Ibadan: John Archers Publishers Limited, 2002. 342 p.

Shekau 2018 – *Shekau A.* Declaration of an Islamic Caliphate // The Boko Haram* reader. From Nigerian preachers to the Islamic state / ed. by A. Cassim, M. Nwankpa. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 321–326.

Thurston 2018 – *Thurston A.* Boko Haram*. The history of an African jihadist movement. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2018. 352 p.

Vaughan 2022 – *Vaughan O.* Christian-Muslim conflict in post-civil war Nigeria // Nigeria in the Fourth Republic. Confronting the contemporary political, economic, and social dilemmas / ed. by E.I. Udogu. Lanham: Lexington Books, 2022. P. 113–129.

Zenn 2020 – *Zenn J.* Unmasking Boko Haram*. Exploring global jihad in Nigeria. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2020. 415 p.

References

Adeniran, O. (2020), "Nigeria (Federal Republic of Nigeria)", in Griffiths, A., Chattopadhyay, R., Light, J. and Stieren, C., eds., *The Forum of Federations handbook of federal countries*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 255–270.

Alao, A. (2022), *Rage and carnage in the name of God. Religious violence in Nigeria*, Duke University Press, Durham, London, UK.

Anderson, G. (2009), *Federalism: vvedenie* [Federalism. An introduction], Ekonomika, Moscow, Russia.

Babalola, D. (2019), *The political economy of federalism in Nigeria*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.

Campbell, J. and Page, M. (2018), *Nigeria: What everyone needs to know*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Dobrynin, N.M. (2003), *Novyi federalizm: model' budushchego gosudarstvennogo ustroistva Rossiiskoi Federatsii* [New federalism: A model of future government system in the Russian Federation], Nauka, Novosibirsk, Russia.

Egwim, A.I. (2020), *The dynamics of federalism in Nigeria*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.

Erk, J. (2014), "Federalism and decentralization in Sub-Saharan Africa. Five patterns of evolution", *Regional and Federal Studies*, vol. 24, no. 5, pp. 535–552.

Ewetan, O.O. (2012), "Fiscal federalism in Nigeria: Theory and practice", *International Journal of Development and Sustainability*, vol. 1, no. 3, pp. 1075–1087.

Falola, T. (2025), *Understanding colonial Nigeria: British rule and its impact*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Faluyi, O.T. (2023), *National integration and rotational presidency in Nigeria. Setting the 'rules' of integration in a plural state*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.

Faluyi, O.T., Khan, S. and Akinola, A.O. (2019). *Boko Haram's® Terrorism and the Nigerian State: Federalism, Politics, and Policies,* Springer, Cham, Switzerland.

Hill, J.N.C. (2012), *Nigeria since independence. Forever fragile?* Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK.

Hope, K.R., Sr. (2017), *Corruption and governance in Africa: Swaziland, Kenya, Nigeria*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.

Horowitz, D. (2007), "The many uses of federalism", *Drake Law Review*, vol. 55, pp. 953–966.

Ifegwu, A.N., and Eberinwa, O.M. (2023), "True federalism. Catalyst for sustainable growth and development in Nigeria", *International Journal of Public Administration*, vol. 2, no. 2, pp. 1–20.

Kilungu, M. (2021), "Movement for the 'Emancipation of the Niger Delta' (MEND) constitutes a threat to the U.S. national security", *Open Access Library Journal*, vol. 8, no. 6, pp. 7–8.

Lenshie, N.E. and Yenda, H.B. (2015), "Is there any true federalism? Revisiting the 'true federalism' debate in Nigeria", *Research on Humanities and Social Sciences*, vol. 5, no. 15, pp. 54–66.

Lewis, J.I. (2014), "When decentralization leads to recentralization. Subnational state transformation in Uganda", *Regional and Federal Studies*, vol. 24, no. 5, pp. 571–588.

Mai-Bornu, Z.L. (2020), *Political violence and oil in Africa. The case of Nigeria*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.

Nwaeze, N.C. (2017), " 'True' federalism in a well-structured Nigeria. The panacea to her economic development challenges", *Greener Journal of Economics and Accountancy*, vol. 6, no. 2, pp. 26–42.

Nwankpa, M. (2023), *Nigeria's Fourth Republic, 1999–2021. A militarised democracy*, Routledge, New York, USA.

Ohajuruka, S. (2024), "SEDC bill as a new foundation for peace, prosperity and justice in Nigeria", *Vanguard (Lagos)*, April 29, available at: https://www.vanguardngr.com/2024/04/sedc-bill-as-a-new-foundation-for-peace-prosperity-and-justice-in-nigeria/ (Accessed 29 Jan. 2025).

Ojo, J.S., Aina, F. and Oyewole, S., eds. (2024), *Armed banditry in Nigeria. Evolution, dynamics, and trajectories*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.

Okoli A.Ch. and Ngom S., eds. (2024), *Banditry and security crisis in Nigeria*, Routledge, London, UK.

Omenma, J.T., Abada, M.I. and Omenma, Z.O. (2023), "Boko Haram* insurgency: A decade of dynamic evolution and struggle for a Caliphate", in Omenma, J.T., Onyishi, I.E., Okolie, A.-M., eds., *Ten years of Boko Haram* in Nigeria: The dynamics and counterinsurgency challenges*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 43–67.

Osaghae, E.E. (2002), *Crippled giant: Nigeria since independence*, John Archers Publishers Limited, Ibadan, Nigeria.

Popov, F.A. (2012), *Geografiya setsessionizma v sovremennom mire* [The geography of secessionism in contemporary world], Novyi khronograf, Moscow, Russia.

Shekau, A. (2018), "Declaration of an Islamic Caliphate", in Cassim, A. and Nwankpa, M., eds., *The Boko Haram* reader: From Nigerian preachers to the Islamic state*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 321–326.

Thurston, A. (2018), *Boko Haram*: The history of an African jihadist movement*, Princeton University Press, Princeton, Oxford, USA.

Vaughan, O. (2022), "Christian-Muslim conflict in post-civil war Nigeria", in Udogu, E.I., ed., *Nigeria in the Fourth Republic: Confronting the contemporary political, economic, and social dilemmas*, Lexington Books, Lanham, USA, pp. 113–129.

Zakharov, A.A. (2023), "On colonial prerequisites of federalism in Nigeria", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 80–94.

Zenn, J. (2020), *Unmasking Boko Haram*: Exploring global jihad in Nigeria*, Lynne Rienner Publishers, Boulder, USA.

Информация об авторе

Андрей А. Захаров, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; zakharov.aa@rggu.ru

Information about the author

Andrei A. Zakharov, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; zakharov.aa@rggu.ru

УДК 322(44)
DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-47-58

Трансформация представительных органов «французского ислама» в период президентства Эммануэля Макрона

Алексей В. Чистяков
Институт Европы Российской академии наук,
Москва, Россия, alfor4@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются события, связанные с политическим курсом, реализуемым президентом Эммануэлем Макроном в рамках его стремления освободить ислам во Франции от иностранного влияния, результатом которого стало нарушением функционирования Французского совета мусульманского вероисповедания, долгое время являвшегося основным «собеседником» правительства Пятой Республики по вопросам представления интересов мусульманского сообщества Франции на государственном уровне. Также освещаются вопросы формирования двух новых религиозно-политических структур – Национального совета имамов и Форума ислама Франции. Кроме того, автором демонстрируются меры, принимаемые Алжиром в качестве ответа на реализуемую Парижем политику по ограничению иностранного финансирования исламских организаций, устанавливающую контроль за иностранными пожертвованиями (и ограничивающую вмешательство иностранцев в деятельность религиозных учреждений) на основе закона от 24 августа 2021 г., направленного на укрепление уважения республиканских принципов и Хартии принципов ислама Франции. Приводятся факты, указывающие на сохранение Большой парижской мечетью своей финансовой независимости, обеспечиваемой АНДР, и, как следствие, укрепление ее позиций во Франции и в Европе, что вызывает недовольство представителей Европейского парламента, а также наглядно демонстрирует вовлеченность якобы аполитичных и сугубо религиозных французских организаций и объединений в политические процессы не только на национальном, но уже и на континентальном уровне.

Ключевые слова: Франция, Эммануэль Макрон, религиозная политика, ислам, Национальный совет имамов, Французский совет мусульманского вероисповедания, ислам во Франции, «французский ислам»

Для цитирования: Чистяков А.В. Трансформация представительных органов «французского ислама» в период президентства Эммануэля Макрона // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 3. С. 47–58. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-47-58

© Чистяков А.В., 2025

The transformation of the representative structures of "French Islam" during the presidency of Emmanuel Macron

Aleksei V. Chistyakov
The Institute of Europe of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia, alfor4@yandex.ru

Abstract. The article considers events related to the political course of French president Emmanuel Macron and his attempts to liberate Islam in France from foreign influence, which led to the disruption of the functioning of the French Council of the Muslim Faith, an organization that for a long time was the main "interlocutor" of the government of the Fifth Republic on issues of representing the interests of the French Islamic community at the state level. The issues of the formation of two new religious and political structures – the National Council of Imams and the Forum of Islam of France – are also highlighted. In addition, the author demonstrates the measures taken by Algeria as a response to Paris's policy, restricting the foreign financing of Islamic organizations, establishing control over large foreign donations and limiting foreign interference in the activities of religious institutions through the law of August 24, 2021, aimed at strengthening respect for republican principles and the Charter of Principles of Islam of France. The author also points to the fact that the Great Paris Mosque retains its financial independence, provided by the PDRA, and, as a result, strengthens its position in France and in Europe, which causes discontent among representatives of the European Parliament, and also clearly demonstrates the involvement of supposedly apolitical and purely religious French organizations and associations in political processes not only at the national, but also at the continental level.

Keywords: France, Emmanuel Macron, religious policy, Islam, National Council of Imams, French Council of the Muslim Faith, Islam in France, "French Islam"

For citation: Chistyakov, A.V. (2025), "The transformation of the representative structures of 'French Islam' during the presidency of Emmanuel Macron", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 47–58, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-47-58

Введение

Эммануэль Макрон пришел к власти во Франции в 2017 г. и уже с самого начала своего правления имел планы на модернизацию Республики в самых разнообразных областях: в экономике, во внешнеполитической сфере, в общественной жизни [Лапина

2019, с. 85]. И хотя в рамках своей первой избирательной кампании глава Французской Республики не акцентировал внимание непосредственно на исламской проблематике, однако исторический контекст поставил его перед необходимостью обсуждения данного вопроса, в рамках которого к 2020 г. он принял решение о начале кампании по противодействию сепаратизму, среди ее целей было освобождение ислама во Франции от влияния иностранных государств [Гордон 2024, с. 111]. Однако с учетом роста мусульманского населения Европы вообще и Франции в частности, а также с учетом возросшей роли религии в качестве одного из инструментов «мягкой силы» уже изначально было очевидно, что подобная деятельность неизбежно приведет к «реструктуризации» организаций, представляющий французских мусульман на государственном уровне.

Французский совет мусульманского вероисповедания

В 2003 г. Николя Саркози обеспечил формирование «Французского совета мусульманского вероисповедания» (далее – ФСМВ, «Совет») – организации, призванной защищать достоинство мусульманской веры, обеспечивать взаимодействие между различными местами отправления культа и представлять интересы мусульман, проживающих в стране, перед ее высшим военно-политическим руководством, а также обеспечивать взаимодействие с представителями других религиозных течений [Zeghal 2005].

Почти на протяжении 20 лет «Совет» справлялся, в той или иной мере, со стоящими перед ним задачами, а его руководители были основными участниками диалога между мусульманским сообществом Франции и властями страны.

Однако в конце 2020 – начале 2021 г. произошло значимое для французского ислама событие – ряд мусульманских сообществ, входящих в состав ФСМВ, отказался от подписания «Хартии принципов ислама Франции» (далее – Хартия). Ректор «Большой парижской мечети» (далее – БПМ, Мечеть) сообщил о невозможности дальнейшей работы с соответствующими объединениями, а также заявил о своем выходе из состава «Совета» и намерении сформировать новую структуру, представляющую интересы французских мусульман. Его решение было поддержано организациями «Мусульмане Франции» (далее – МФ), «Французская федерация исламских ассоциаций Африки, Коморских и Антильских островов» (далее – FFAIACA), «Собрание мусульман Франции»

(далее – RMF). В результате был сформирован «Национальный совет имамов» (далее – CNI, «Совет имамов»).

Интересно отметить тот факт, что подобный шаг («развал» ФСМВ, инициированный Мечетью) если и был совершен не с ведома французских властей, то, как минимум, получил их полное одобрение. Так, например, еще в декабре 2021 г. министр внутренних дел Франции Жеральд Дарманен, выступая в СМИ, отметил, что «ФСМВ, представляющий консульский ислам марокканцев и алжирцев, умер. ФСМВ для властей и для Французской Республики более не существует».

Мохаммед Муссауи (глава организации «Союз мечетей Франции», далее – UMF, «Союз мечетей...») опротестовал подобное заявление отметив, что оно было сделано не в официальном порядке (т. е. «Совет» не получал каких-либо соответствующих документов и уведомлений), парировав «выпад» господина Дарманена и указав, что «Подобные серьезные заявления не могут быть сделаны министром неоднозначно, в качестве ответа на вопрос журналиста»[1].

Собственно, позиция господина Муссауи по данному вопросу имеет принципиальное значение, так как он является законно избранным президентом ФСМВ.

«Вместе с ним» в составе «Французского совета мусульманского вероисповедания» остались следующие объединения: протурецкие сообщества «Милли герюш» (далее – CIMG) и «Координационный комитет турецких мусульман Франции» (далее – CCMTF), пропакистанское движение «Вера и практика» (далее – FP), а также «Исламская ассоциация Суннат Джаматт».

Любопытно отметить, что в дальнейшем ассоциации, отказавшиеся подписывать Хартию (CIMG, CCMTF, FP), все же изменили свое решение[2]. Опираясь на текст коммюнике, опубликованного в связи с этим событием, можно предположить, что причиной изменения их позиции стало желание не допустить «распада» CFCM, дабы остаться в составе признанной государством и обществом структуры, участвующей в диалоге с высшим военно-политическим руководством страны.

---

[1] Islam de France: le CFCM dénonce les propos de Darmanin sur la “mort” de cette instance // BFMTV. 13.12.2021. URL: https://www.bfmtv.com/politique/islam-de-france-le-cfcm-denonce-les-propos-de-darmanin-sur-la-mort-de-cette-instance_AD-202112130351.html (дата обращения 10.02.2025).

[2] Charte de l’islam de France: trois fédérations sont décidées à signer // Europe1. 25.12.2021. URL: https://www.europe1.fr/societe/charte-de-lislam-de-france-trois-federations-sont-decidees-a-signer-4084614 (дата обращения 10.02.2025).

Учитывая, что предшествующие описываемым событиям годы характеризовались сложностями во франко-турецких отношениях (по причине роста интереса Турецкой Республики к Африке, где Франция стремится сохранить свое влияние [Зуева, Тимофеев 2023], введения в 2019 г. во Франции дня памяти армянского геноцида [Тимофеев, Хорольская 2022], поддержки Парижем антитурецкой коалиции, образовавшейся в 2020 г. во время кризиса в Средиземноморье, связанного с обнаружением месторождений газа вблизи Кипра [Гасанов 2023] и, наконец, намерения господина Макрона ввести контроль за преподаванием турецкого языка во Франции [Осипов 2020, с. 37]), а также «помня» реакцию господина Дарманена, отвечающего перед президентом Пятой Республики за контакт с религиозными сообществами и не выразившего никакой обеспокоенности «расколом» во «Французском совете мусульманского вероисповедания», но сразу же заявившем о кончине «консульского ислама во Франции», можно предположить, что одной из целей (или, как минимум, «попутно решенных» задач) данных действий была законная изоляция от высшего руководства Франции протурецких исламских организаций (таких как «Координационный комитет турецких мусульман во Франции» и движения «Милли герюш»), используемых Анкарой в качестве одного из инструментов «мягкой силы» [Чистяков 2024], оставшихся в составе ФСМВ и «дискредитировавших» себя в глазах французской общественности отказом подписать Хартию, а также снижение значимости и роли данных структур.

В феврале 2023 г. о своем нежелании видеть «Французский совет мусульманского вероисповедания» в качестве официального собеседника государства сообщил и президент страны – Эммануэль Макрон, заявивший, что он «решил положить конец деятельности CFCM»[3]. Несмотря на это, ФСМВ продолжает функционировать, публикуя коммюнике, имеющие ярко выраженный политический оттенок.

Подобная «запоздалая» реакция президента Пятой Республики (на фоне существовавших между Францией и АНДР в 2021–2022 гг. противоречий по вопросу реадмиссии нелегальных мигрантов [Ходинова 2024]) в настоящее время может быть объяснена как фрагмент его политики по поиску пути урегулирования

[3] Macron déclare “avoir décidé de mettre fin” au Conseil français du culte musulman // Times of Israel. 16.02.2023. URL: https://fr.timesofisrael.com/macron-declare-avoir-decide-de-mettre-fin-au-conseil-francais-du-culte-musulman/ (дата обращения 06.06.2024).

отношений с бывшей колонией (одним из «встречных шагов», направленных на поиск компромиссов, как раз и могло стать повышение роли «Большой парижской мечети»), в рамках которой он сам, а также представители военного руководства Французской Республики, посетили АНДР летом 2022 г.

Национальный совет имамов

Как было сказано ранее, в 2021 г. «Большой парижской мечетью», «Мусульманами Франции», «Французской федерацией исламских ассоциаций Африки, Коморских и Антильских островов» и «Собранием мусульман Франции» был образован новый орган, представляющий мусульман Франции перед высшим военно-политическим руководством государства – «Национальный совет имамов», одной из основных целей деятельности которого была заявлена работа по подготовке священнослужителей для французских мечетей [Шумилин 2021, с. 58]. Закономерно, что CNI потребовался и официальный лидер, который, в том числе, мог бы исполнять представительские функции. В ходе состоявшегося в ноябре 2021 г. голосования 26 выборщиков единогласно поддержали кандидатуру малоизвестного в кругах «французского ислама» имама Амаду Ба – представителя FFAIACA. При этом должность генерального секретаря и казначея организации занята женщиной – «выходец» из числа приверженцев MF, а должность вице-президента занята представителем Мечети. Учитывая традиционно слабую роль FFAIACA, а также тот факт, что во Франции в контексте мусульманской проблематики часто говорят о влиянии «алжирского ислама», «марокканского ислама», но никогда не говорят о влиянии «ислама Коморских и Антильских островов», можно сделать вывод о том, что новый президент, являющийся выходцем из соответствующей структуры, создает иллюзию того, что CNI не представляет собой организацию «консульского ислама».

Также стоит отметить и ряд других фактов, имевших место в рамках одного из первых собраний сторонников CNI:

- среди почетных гостей находился главный раввин Франции Хаим Корсия, призвавший участников встречи к совместной молитве за Францию, в ходе которой провозглашались благословения французским солдатам и представителям служб правопорядка, сражающимся за Францию;
- по итогам проведенной встречи гостям были переданы распечатанные тексты коммюнике, содержащего итоги проведен-

ного мероприятия, в котором, в том числе, заявлялось, что CNI – это «орган, инициированный президентом Республики господином Эммануэлем Макроном»[4].

Форум ислама Франции

Еще одним важным этапом, демонстрирующим изменения в привычном для Франции порядке представительства мусульман на государственном уровне, стало учреждение «Форума ислама Франции» (далее – «Форум...»), сформированного при непосредственном участии министра внутренних дел (первое соответствующее мероприятие проведено в феврале 2022 г.). Его специфической чертой является «представительство снизу» – делегаты форума выбираются «на местах», в регионах, и ежегодно проводят свои встречи в Париже.

При этом результаты их работы (посвященной вопросам обобщения трудностей, с которыми сталкиваются исламские объединения в сфере банковского обслуживания, разработке руководств по безопасности для мест отправления культа и т. п.) в дальнейшем передаются участникам Территориальных конференций ислама Франции (так называемая ATIF)[5].

В связи с этим некоторые представители общественности отмечают некую «совещательность» и даже неполноценность данной структуры в качестве организации, представляющей мусульман, обращая внимание на тот факт, что у «Форума...» нет ни спикера, ни президента, а это, в совокупности с его хотя и периодическим, но кратковременным (в рамках календарного года) функционированием, фактически лишает его возможности реагировать на актуальные события, происходящие в жизни государства и приверженцев ислама. Указывается, например, что «Форумом...» никак не были освещены или прокомментированы:

---

[4] Conseil National des imams: la coordination des fédérations musulmanes ouvre le bal, et tire la première // FranceMaghreb2. 26.11.2021. URL: https://www.francemaghreb2.fr/conseil-national-des-imams-la-coordination-des-federations-musulmanes-ouvre-le-bal-et-tire-la-premiere (дата обращения 10.10.2024).

[5] Forum de l'Islam de France: une étape nouvelle dans le dialogue entre les pouvoirs publics et le culte musulman // Ministère de l'Intérieur. 05.02.2022. URL: https://www.interieur.gouv.fr/actualites/communiques-de-presse/forum-de-lislam-de-france-etape-nouvelle-dans-dialogue-entre (дата обращения 10.10.2023).

– встреча ректора «Большой парижской мечети» и писателя Мишеля Уэльбека, систематически подвергающегося обвинениям в исламофобии;
– разбирательства официальных властей, связанные с деятельностью марокканского имама Хасана Икиуссена (в контексте его заявлений антисемитского характера);
– «поведение» руководства и духовенства ряда французских мечетей, выразивших свою поддержку Хасану Икиуссену[6].

«Большая парижская мечеть» и вопросы иностранного финансирования

Важным аспектом для каждой мусульманской организации, действующей во Франции, являются вопросы финансирования ее деятельности. При этом ни закон от 24 августа 2021 г., направленный на укрепление уважения республиканских принципов, ни «Хартия принципов ислама Франции» не запрещают финансирование со стороны иностранных государств. Так, например, названный нормативно-правовой акт указывает на то, что начиная с определенной суммы иностранные пожертвования подлежат декларированию и контролю со стороны властей, а «Хартия...» запрещает мусульманским организациям допускать влияние иностранных жертвователей на деятельность объединений.

Очевидно, что в подобных условиях получение иностранной материальной поддержки способно «бросить тень» на любую из религиозных организаций и сделать ее объектом особого внимания властей, в связи с чем правительство Алжирской Народной Демократической Республики выработало потенциальное решение соответствующей проблемы. Так, по данным французских СМИ, 20 декабря 2022 г. было подписано соглашение между ректором Мечети и господином Камелем Резигом – министром торговли АНДР[7], в рамках которого «Большая парижская мечеть» получила статус эксклюзивного агента по сертификации халяль-

[6] Le CFCM est mort, le FORIF l'est déjà: l'Islam de France est bien mal parti. L'édito de Michel Taube // Opinion internationale. 16.02.2023. URL: https://www.opinion-internationale.com/2023/02/16/le-cfcm-est-mort-le-forif-lest-deja-lislam-de-france-est-bien-mal-parti-ledito-de-michel-taube_111800.html (дата обращения 11.01.2025).

[7] Certification halal: la petite cuisine de la Grande Mosquée de Paris // L'Opinion. 20.01.2025. URL: lopinion.fr/politique/halal-la-petite-cuisine-de-la-grande-mosquee-de-paris (дата обращения 22.01.2025).

ной продукции, поставляемой из Франции в Алжир[8]. А в соответствии с заявлениями ректора Мечети, господина Шемс-Эддин Хафиза с июня 2023 г. Мечеть и вовсе является обладателем эксклюзивного мандата, выданного правительством Алжира для сертификации всей продукции, поступающей в страну из государств Евросоюза, что уже вызвало недовольство представителей Европарламента[9].

Любопытно отметить, что по данным издания "L'Opinion", опубликованным в январе 2025 г., деятельность по сертификации касается не только мяса, но и сухого молока, тортов, печенья, шоколада, конфет и т. п. продуктов, а за сертификацию каждого килограмма из числа перечисленных товаров коммерческая компания, руководителем которой и является Шемс-Эддин Хафиз, получает от двух до десяти центов. Прибыль данной организации, расходуемая, по словам ректора Мечети, на деятельность религиозного объединения, за 2023 г. составила порядка двух миллионов евро (сам ректор ожидал, что заработок составит порядка пяти миллионов)[10].

Заключение и выводы

На основе изложенного выше представляется закономерным сделать ряд заключений и выводов, которые, в некоторой степени, могут характеризовать текущее состояние «исламского вопроса» во Франции:

1. К началу 2025 г. во Франции в полной мере сохраняется «консульский» ислам Алжира, хотя о победе над ним уже заявил в

---

[8] Certification halal: comment Alger bichonne financièrement la Grande mosquée de Paris // Europe1. 14.01.2025. URL: https://www.europe1.fr/france/certification-halal-comment-alger-bichonne-financierement-la-grande-mosquee-de-paris-240406 (дата обращения 20.01.2025).

[9] Communiqué – Mise au point sur la certification Halal Grande Mosquée de Paris des produits européens importés en Algérie // Grande Mosquée de Paris. 20.09.2024. URL: https://www.grandemosqueedeparis.fr/post/communique-mise-au-point-sur-la-certification-halal-grande-mosquee-de-paris-des-produits-europeens (дата обращения 12.02.2025).

[10] "Je joue un rôle religieux": le recteur de la Grande mosquée de Paris pointé du doigt pour son système de certification Halal // Le Parisien. 24.01.2025. URL: https://www.leparisien.fr/societe/je-joue-un-role-religieux-le-recteur-de-la-grande-mosquee-de-paris-pointe-du-doigt-pour-son-systeme-de-certification-halal-24-01-2025-EP5RMJHE4BCPPJZHOFEV3ZNF4E.php (дата обращения 26.01.2025).

пору своего нахождения в должности бывший министр внутренних дел Жеральд Дарманен.

2. «Большой парижской мечети» (опосредованно лоббирующей интересы Алжира) удалось укрепить свои позиции в качестве представителя французских мусульман на государственном уровне (возможно, в том числе, благодаря той поддержке, которую она оказала Эммануэлю Макрону в ходе президентских выборов 2022 г.). Также важно отметить и то, что «Большая парижская мечеть» в начале 2025 г. подверглась волне критики со стороны СМИ из-за предоставления ей эксклюзивного права на сертификацию халяльной продукции, поставляемой из Франции и Евросоюза в Алжир. Учитывая, что подобная работа ведется ею еще с середины 2023 г., можно предположить, что в данном случае Мечеть и ее деятельность (а также кампания по ее осуждению) используются в рамках политической борьбы на фоне ухудшения отношений между АНДР и Парижем.

3. Протурецкие исламские организации были «выведены» из диалога с высшим политическим руководством Франции и лишились ряда каналов взаимодействия с властями страны, что может быть интерпретировано как часть противостояния в рамках существующих противоречивых отношений между Францией и Турцией.

4. Французский президент, одобрив деятельность «Форума ислама Франции», продемонстрировал готовность услышать голоса мусульман из регионов, но не гарантировал представителям исламского сообщества, не участвующих в деятельности «Национального совета имамов», что их чаяния могут в полной мере стать каким-либо руководством к действию.

Литература

Гасанов 2023 – *Гасанов К.Н.* Влияние Великобритании на политику Турции в Закавказье и на Ближнем Востоке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. № 1. С. 168–190.

Гордон 2024 – *Гордон А.В.* Идеология интеграции мусульманского сообщества от Н. Саркози к Э. Макрону // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 3. С. 101–122.

Зуева, Тимофеев 2023 – *Зуева К.П., Тимофеев П.П.* Французская защита: внешняя политика Франции Э. Макрона в 2022–2023 гг. // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2023. № 3. С. 62–78.

Лапина 2019 – *Лапина Н.Ю.* Эммануэль Макрон: время перемен // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 2. С. 70–99.

Осипов 2020 – *Осипов Е.А.* Карикатуры, франко-турецкое обострение 2020 г. и последствия для ислама Франции // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11-1 (50). С. 35–42.

Тимофеев, Хорольская 2022 – *Тимофеев П.П., Хорольская М.В.* Подходы франко-германского тандема к взаимодействию с Турцией в очагах нестабильности Средиземноморья // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 134–159.

Ходинова 2024 – *Ходинова О.С.* Внешнее измерение миграционной политики современной Франции: дис. ... канд. полит. наук. Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации. М., 2024. 275 с.

Чистяков 2024 – *Чистяков А.В.* Протурецкие исламские организации во Франции как инструмент «мягкой силы» Турецкой Республики // Управленческое консультирование. 2024. № 6. С. 229–239.

Шумилин 2021 – *Шумилин А.И.* Франция: республика против «политического ислама» (ч. 1) // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 1. С. 54–61. URL: https://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/Shumilin22021.pdf (дата обращения 26.01.2025).

Zeghal 2005 – *Zeghal M.* La constitution du Conseil Français du Culte Musulman: reconnaissance politique d'un Islam français? // Archives de sciences sociales des religions. 2005. No. 1. P. 97–113.

References

Chistyakov, A.V. (2024), "Pro-Turkish Islamic organizations in France as a tool of the soft power of the Turkish Republic", *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 6, pp. 229–239.

Gasanov, K.N. (2023) "Influence of Great Britain on Turkish policy in the Transcaucasia and the Middle East", *Vestnik RUDN. International Relations*, no. 1, pp. 168–190.

Gordon, A.V. (2024) "Ideology of integtation of the Muslim community. From N. Sarkozy to E. Macron", *Urgent problems of Europe*, no. 3, pp. 101–122.

Khodinova, O.S. (2024), *Vneshnee izmerenie migratsionnoi politiki sovremennoi Frantsii* [The foreign dimension of migration policy in contemporary France], Ph.D. Thesis (Political Science), Moscow, Russia.

Lapina, N.Yu. (2019), "Emmanuel Macron: Time for changes", *Urgent problems of Europe*, no. 2, pp. 70–99.

Osipov, E.A. (2020), "Caricatures of the Franco-Turkish aggravation 2020 and the implications for France's Islam", *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, vol. 50, no. 11-1, pp. 35–42.

Shumilin, A.I. (2021), "France: Republic against 'Political Islam' (part 1)", *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*, no. 1, pp. 54–61, available at: https://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/Shumilin22021.pdf (Accessed 26 Jan. 2025).

Timofeev, P.P. and Horolskaya, M.V. (2022), "Approaches of the Franco-German tandem to interaction with Turkey in the hotbeds of instability in the Mediterranean", *Urgent problems of Europe*, no. 4, pp. 134–159.

Zeghal, M. (2005), “La constitution du Conseil Français du Culte Musulman: reconnaissance politique d’un Islam français?”, *Archives de sciences sociales des religions*, no. 1. pp. 97–113.

Zueva, K.P. and Timofeev, P.P. (2023), “The French defense: Macron’s foreign policy in 2022–2023”, *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, no. 3, pp. 62–78.

Информация об авторе

Алексей В. Чистяков, Институт Европы Российской академии наук, Москва, Россия; Россия, Москва, 125009, ул. Моховая, д. 11; alfor4@yandex.ru

Information about the author

Alexei V. Chistyakov, The Institute of Europe of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia; 11, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009; alfor4@yandex.ru

УДК 327(520)
DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-59-72

Оценка международного положения Японии в геополитических моделях

Яков В. Литвинов
Группа «ГУТА», Москва, Россия, wtnhk13@mail.ru

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ современной геополитической стратегии Японии в контексте трансформации международной системы безопасности и динамики Восточно-азиатского региона. Автор исследует эволюцию японской внешнеполитической доктрины, опираясь на исторический и теоретический анализ традиционных геополитических моделей – континенталистской и атлантической, а также на разработки японских авторов. Особое внимание уделяется влиянию глобальной напряженности и региональных вызовов, включая военно-политическую активность Китая и угрозу со стороны Северной Кореи, на формирование японской стратегии национальной безопасности.

Исследуются ключевые геополитические предпосылки, предопределяющие международные приоритеты Японии, в том числе фактор ее островного положения, ограниченность природных ресурсов и необходимость поддержания стабильного экономического роста через интеграцию в глобальные торговые и оборонные союзы. В статье проводится сравнительный анализ идей ведущих японских геополитиков, таких как Икки Кита и Танака Гиити, и их сопоставление с концепциями западных мыслителей, включая К. Хаусхофера и Н. Спикмена.

Отдельное внимание уделяется роли Японии в альянсах коллективной безопасности, прежде всего в рамках стратегического партнерства с США. Анализируются изменения в оборонной политике Японии, включая пересмотр ограничений на применение Сил самообороны и рост военного сотрудничества с союзниками.

В статье также рассматривается экономический аспект японской внешней политики, включая инициативы по расширению торгового влияния и участие в ключевых региональных экономических объединениях. Особое внимание уделено японской дипломатии в области «мягкой силы», включая культурное и технологическое влияние в регионе.

В заключении формулируются выводы о характере японской геополитической стратегии, ее перспективах в условиях глобальных изменений и возможных направлениях эволюции в XXI веке. Работа представляет интерес для специалистов в области международных отношений, страте-

© Литвинов Я.В., 2025

гических исследований и регионоведения, а также для всех, кто изучает динамику безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: Япония, геополитика, Юго-Восточная Азия, международная безопасность, атлантизм, континенталистская модель, японская модель, экспансия, США, Китай, Северная Корея, QUAD, региональная напряженность

Для цитирования: Литвинов Я.В. Оценка международного положения Японии в геополитических моделях // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 3. С. 59–72. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-59-72

Assessment of Japan's international position in geopolitical models

Yakov V. Litvinov
GUTA Group, Moscow, Russia, wtnhk13@mail.ru

Abstract. The article offers a comprehensive analysis of Japan's contemporary geopolitical strategy in the context of transformations in the international security system and the dynamics of the East Asian region. The author studies evolving in Japan's foreign policy doctrine, drawing on historical and theoretical analyses of traditional geopolitical models – continentalist and Atlanticist – as well as the works of Japanese scholars. Particular attention is given to the impact of global tensions and regional challenges, including China's military-political activity and the threat posed by North Korea, on the formulation of Japan's national security strategy.

It studies key geopolitical factors shaping Japan's international priorities, including its island geography, limited natural resources, and the need to sustain economic growth through integration into global trade and defense alliances. The article provides a comparative analysis of the ideas of leading Japanese geopolitical thinkers, such as Ikki Kita and Tanaka Giichi, in contrasting with the concepts of Western theorists, including Karl Haushofer and Nicholas Spykman.

Special attention is paid to Japan's role in collective security alliances, particularly within the framework of its strategic partnership with the United States. The article analyzes changes in Japan's defense policy, including the revision of restrictions on the use of the Self-Defense Forces and the expansion of military cooperation with allies.

Additionally, the study considers the economic dimension of Japan's foreign policy, including initiatives to expand its trade influence and participation in key regional economic frameworks. There is particular focus on Japan's soft

power diplomacy, including its cultural and technological influence in the region.

In conclusion, the article presents findings on the nature of Japan's geopolitical strategy, its prospects amid global transformations, and potential directions for its evolution in the 21st century. This work is of interest to specialists in international relations, the strategic and regional studies, as well as to anyone studying security dynamics in the Asia-Pacific region.

Keywords: Japan, geopolitics, Southeast Asia, international security, Atlanticism, continental model, Japanese model, expansion, USA, China, North Korea, QUAD, regional tension

For citation: Litvinov, Ya.V. (2025), "Assessment of Japan's international position in geopolitical models", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series,* no. 3, pp. 59–72, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-59-72

Цель данной работы – проанализировать и определить место Японии в современной архитектуре региональной и глобальной безопасности на основе использования подходов, сформировавшихся в рамках традиционных геополитических моделей, а также в работах японских геостратегов.

В Юго-Восточной Азии непосредственными источниками международной напряженности выступают ядерная программа КНДР и очередной виток обострения территориального конфликта между КНР и Тайванем. В обоих случаях Япония является противником материковых государств и как самостоятельный актор, и как региональный партнер США. Так, именно с Японией стремится наладить сотрудничество Тайвань, закрывая глаза на историческое прошлое между двумя странами[1].

В первой трети XX в. Япония, будучи активной милитаристской державой, оказалась перед выбором по какому пути территориальной экспансии ей следовало бы двигаться: завоевывать обширные морские владения Азиатско-Тихоокеанского региона или сосредоточиться на континентальных пространствах Кореи, Манчжурии, Китая и русского Дальнего Востока. Неспособность четко определиться с указанным выбором и попытка двигаться по двум путям одновременно, вероятно, также являются причинами,

[1] Визит зампредседателя ЛДП Асо Таро на Тайвань: заявление о «решимости сражаться», выверенное соображениями «сдерживающей силы» (15.01.2024) // Современный взгляд на Японию. URL: https://www.nippon.com/ru/in-depth/d00955/ (дата обращения 17.11.2024).

по которым Япония оказалась в проигрышном положении по итогам Второй мировой войны.

Тем не менее понимание географического положения и особенностей Японии, а также возможные пути развития государства были ясны еще в то время как японским, так и западным аналитикам. Поскольку современная конфигурация баланса сил в регионе берет свое начало из итогов Второй мировой войны, географическое положение, естественно, не изменилось, а технологический прогресс шагнул заметно дальше, знакомство с международным положением Японии в традиционных геополитических моделях может способствовать не только пониманию текущей ситуации в регионе, но также и оценке возможных перспектив и сценариев ее развития.

Японская геостратегическая модель

Япония – страна, в которой еще на ранних этапах существования государства начала оформляться идеология, содержащая в себе определенные геополитические и геостратегические элементы.

С образованием единого государства и формированием общенациональной культуры географическое положение Японии начало рассматриваться мыслителями и правителями как привилегия высшей степени и божественный дар. Во-первых, Япония была изолирована морем от материка, раздираемого конфликтами. Во-вторых, все остальные страны были обязаны Японии за то, что именно там «рождалось солнце», а японская императорская династия возводила свою родословную к богине солнца Аматэрасу.

Уже в «Нихон сёки», одном из первых литературных памятников страны, имелись зачатки национальной геополитической идеи, которая в свое время оформилась в идеологию милитаристской Японии. Данная идея имеет название «восьми углов под одной крышей» или же «Хакко Итиу»: «Под этой формулой понималось, что весь мир (“восемь углов” или “восемь направлений”, где “восемь” – показатель множественности) надлежит “накрыть” одной крышей, историческая миссия по возведению которой принадлежит Японии» [Мещеряков 2009].

В 30-е годы XX в. произошло геополитическое оформление японского империализма, целью которого была экономическая и военная экспансия в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и на Дальнем Востоке. В период до Второй мировой войны основным центром японской геополитической мысли, в ядре которой был заложен тезис о божественности всей империи, являлся Императорский университет в Киото [Го Юйци 2013].

Среди японских мыслителей того периода можно выделить Икки Кита, Танака Гиити и Фумимаро Коноэ.

Икки Кита можно назвать ключевой фигурой в японской геополитической мысли, поскольку он подготовил идеологическое обоснование оккупации прочих азиатских стран, став теоретиком «паназиатизма». Китайский исследователь Го Юйци отмечает: «В своей книге “Теория кокутай и истинный социализм” Кита подчеркнуто призывал к расширению японской территории. В состав японской империи должны входить Корея, Рюкю, Тайвань, Австралия, Новая Зеландия. Гонконг, Восточная Сибирь и советский Дальний Восток» [Го Юйци 2013]. Также в своей работе «План реорганизации Японии» Икки Кита утверждал, что Япония имеет полное право на территориальные притязания и может начинать войны по своему усмотрению[2].

Другим видным японским геополитиком выступал генерал Танака Гиити, которому приписывают создание «Меморандума Танака», содержащего географический план будущих завоеваний Японии. Хотя подлинность этого документа сегодня оспаривается [Молодяков 2005, с. 295], считается, что Танака придерживался идеи территориальной экспансии Японии по всей Азии, и что его взгляды во многом повлияли на формирование доктрины «Великой восточноазиатской сферы сопроцветания».

Еще одним важным направлением японской геополитической мысли было «Японское евразийство», сосредоточенное на противостоянии главным морским гигантам эпохи – США и Великобритании. Основателем этой школы был Фумимаро Коноэ, который выдвинул программу создания крупной колониальной империи. Его доктрина включала несколько ключевых положений: 1) «новая структура» внутренней политики – объединение всех партий в одно корпоративное общество; 2) создание «Великой восточноазиатской сферы взаимного процветания и нового порядка в Азии»; 3) внешнеполитическая ориентация на Германию и Италию [Го Юйци 2013].

Союз с государствами «Оси», направленный против США, Великобритании и поддерживаемого ими порядка гармонирует с идеями немецкой школы классической геополитики, разработанной К. Хаусхофером, который много лет жил в Японии.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что несмотря на незначительные различия в геополитических школах, идеология

[2] *Kita Ikki.* An outline plan for the reorganization of Japan (Excerpts from a classic of modern Japanese fascist thought) // World Future Fund. Alexandria VA: WFF, cop. 1995–2024. URL: http://www.worldfuturefund.org/Reports/Japan/Kitta.htm (дата обращения 17.11.2024).

остается общей для всех. В ее основе лежат следующие позиции: 1) Япония – единственная страна с божественным происхождением и потому особенная; 2) японский народ и японское государство – единое целое, Япония превыше всего; 3) сложившийся мировой порядок ущемляет интересы Японии; 4) Япония имеет полное право на экспансию, и это ее миссия.

Положение Японии в немецкой классической (континентальной) геополитике

Япония – островная страна, стесненная в территориях, которую К. Хаусхофер отнес к региону «внешнего полумесяца», лежащего на геополитической картине мира за пределами «внутреннего полумесяца» прибрежных зон Евразийского материка.

Хартленд, «внутренний полумесяц» и «внешний полумесяц» – геополитические регионы, обозначающие континентальный массив Евразии, его прибрежный регион и все, что, соответственно, лежит за их пределами [Маккиндер 2021].

В период написания Хаусхофером своих трудов Япония встала на путь экспансии, обладая потенциалом стать своего рода «азиатским аналогом» Великобритании, с которой ее в свое время и сравнил немецкий геополитик: «События последнего времени указали Японской империи границы и рубежи (Корея, Маньчжурия) подобные тем, которые часто открывались старой Венеции в ее связи с terra firma, а позже в родственной форме, но в неизмеримо большем масштабе Британской империи» [Хаусхофер 2001с, с. 303].

Причины японской экспансии и особого имперского строительства Хаусхофер видит в катастрофической нехватке территорий и высоком уровне жизненной энергии японской нации [Хаусхофер 2001а, с. 108].

Япония, будучи островной морской державой, вынуждена терпеть тесноту в своих границах: «Тесность жизненного пространства самых многонаселенных жизненных форм Западной и Восточной Евразии с наднациональной имперской традицией и в результате этого неслыханно усиливающееся в нем <пространстве> пограничное давление, которое должно вести к насильственным прорывам!» [Хаусхофер 2001а, с. 142].

В идеях Хаусхофера граница является органом осязания государства, которым оно взаимодействует с соседними пространствами и «прощупывает» их. Успешность государства зависит от многих факторов – не только географических, но и психологических

(национальные менталитеты). Так, воспитание у народа чувства границы и проживания на ней, а не отношения как к периферии страны, способствует защите и благополучию государства.

В качестве примера сплоченного народа, способного остро чувствовать внешнюю опасность, Хаусхофер приводит именно японцев: «Воспитание должно, в конечном счете, воплотиться в более высокое осознание принадлежности друг другу, в более сильное чувство единства жизненной формы всего народа, даже в почти телепатическую чуткость отдаленной пограничной опасности, что мы наблюдаем в Японии. Только тогда народ способен и в более высоких рамках организации части Света или человеческой общности в целом вносить свой вклад в мировую культуру как сплоченный, отграниченный природой и искусством характер» [Хаусхофер 2001а, с. 119].

Границы самой Японии, как морские, так и заморские, Хаусхофер относил к заокеанскому типу (Űberseegrenze). В таких границах водная поверхность является звеном, связующим территории государства, а не природной преградой. Она является частью океанской жизненной формы, «трансформированного морем государственного и экономического организма» [Хаусхофер 2001а, с. 141]. Такое государство, как комплексный, измененный под воздействием моря организм, сравнивается с осьминогом: «...спрут, направляющий свои высокочувствительные щупальца к опорным пунктам (Wachstumsspitzen) на противоположных побережьях» [Хаусхофер 2001а, с. 141].

Хаусхофер отмечает географическую защищенность Японии и опорных пунктов внутри метрополии, а также отмечает правильную, с геополитической точки зрения, колониальную политику: «Как заботливо поступала старая и поступает новая Япония, стремясь привязать к побережью и блокировать чужие опорные пункты, поскольку их нельзя отделить лагунами, как Осиму или Хирадо, лежащие на островах, или как Иокогаму» [Хаусхофер 2001а, с. 132].

Несмотря на внутреннюю геополитическую гармонию, у Японской империи оставались критически слабые места: развиваясь в рамках привязки к побережью и морским путям, она могла получить катастрофические для себя последствия в результате проигрыша лишь одной битвы на море.

Не стоит забывать и нехватку необходимых ресурсов для поддержания огромной военной машины, стремясь восполнить которые Япония пошла на конфликт с западными державами и США.

По мнению Хаусхофера, одним из фундаментальных различий между континентальным и морским типом держав является отно-

шение к приграничным территориям. Безусловно, для возможностей эффективной обороны все государства должны обживать свои границы, однако у морских держав в этой сфере есть явное преимущество: менталитет их правителей устремлен во внешний мир, тогда как население стран с континентальным мышлением больше заботится о внутренних изменениях. Подобная замкнутость порождает противоречия между центром и периферией таких стран, периферийные приграничные территории которых становятся предметом интереса для соседей с точки зрения возможностей их захвата [Хаусхофер 2001a, с. 142].

Япония встала на путь экспансии вскоре после Реставрации Мэйдзи по нескольким причинам: 1) намерение доказать, что она способна находиться на одном уровне с мировыми державами; 2) стремление уйти от захвата западными странами; 3) страх перед Китаем, который всегда был соперником Японии; 4) потребность в плодородных землях, ресурсах и жизненном пространстве.

В то время Хаусхофер одним из первых отметил, что Япония и Китай идут по разным путям, и что их союз на равных практически невозможен. Так, государства, у которых в ядре заложено «морское мышление», обладают большей пластичностью, способностью к адаптации и развитию в стремительно меняющихся условиях. Они лучше откликаются на изменения окружающей среды, чем континентальные страны, склонны к разрыву с традициями и к стремительному, порой революционному, продвижению вперед, если таковое требуется и несет объективное преимущество. И в данном отношении Юго-Восточная Азия демонстрирует яркий пример соседства двух противоположных сил: континентальная держава – Китай и морская держава – Япония [Хаусхофер 2001c, с. 313].

Он также отмечал, что между двумя странами присутствует высокий конфликтный потенциал: «Япония верит, что нельзя чувствовать себя в безопасности, если соседний Китай будет строиться как орудие дичайшего крупного капитализма, насаждаемого плутократическими закулисными заправилами» [Хаусхофер 2001b].

Таким образом, подытоживая идеи Хаусхофера, который начал первым изучать Японию в рамках геополитики, можно выделить следующие тезисы: 1) Япония – самобытная в рамках азиатского региона страна (цивилизация); 2) Япония всегда чувствует угрозу со стороны Китая; 3) только имея под своим контролем территории и ресурсы Китая, Япония может быть империей. В то же время Хаусхофер полагал, что Япония способна сотрудничать с континентальными странами и что потенциальный союз Германии, России и Японии в состоянии бороться с англо-саксонским миром за передел мирового порядка.

Место и роль Японии в американской геополитической модели

Другим ученым-геополитиком, который отмечал важность роли Японии, был первый идеолог атлантизма – Николас Спикмен. На его взгляды повлияли идеи Х. Маккиндера о географической оси истории и идеи А. Мэхэна о влиянии морской силы[3]. В своей работе «Стратегия Америки в мировой политике» он сравнивает Японию с Великобританией прошлого, говоря о том, что она так же постоянно испытывала на себе угрозы со стороны континента [Spykman 1942, p. 136]. При этом ситуацию, сложившуюся в Азии к концу XIX в., Спикмен сравнивает с положением дел в Европе четырьмя столетиями ранее: «Политическая география Дальнего Востока мало чем отличается от ситуации в Европе XIV–XV вв., когда на континентальном побережье не было буферных государств, и его удерживали Франция и Германская Римская империя. На побережье Японского моря в конце XIX в. также не было барьерных государств; лишь две крупные империи – Россия и Китай – противостояли островному государству за узкими морями» [Spykman 1942, p. 136][4].

Сравнивая Великобританию и Японию, Спикмен утверждает, что подобные островные государства решают проблему своей безопасности по принципу «лучшая защита – нападение» и завоевывают или колонизируют прибрежные зоны. Суммарно его выводы можно сформулировать следующим образом: источником роста для островных государств служат соседние прибрежные районы материка (для Великобритании – западное побережье Европы, для Японии – восточное побережье Китая), а их естественное устремление – контроль над морскими путями из экономических и стратегических соображений (Великобритания, Япония, Голландия, Соединенные Штаты) [Sempa 2006].

Все развитие Японской империи Спикмен делит на этапы, первый из которых сравнивает с колониальной Британской империей, а второй – с чисто азиатской континентальной державой наподобие Монгольской империи.

Рассматривая Японию в качестве геополитического актора региона, он во многом пересекается в своих взглядах с идеями Хаусхофера: 1) мощь Японии невозможна без ресурсов Китая, который способен стать великим промышленным центром;

---

[3] [Маккиндер 2021]. См. также: *Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на историю, 1660–1783. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 634 с.

[4] Перевод автора.

2) Япония – сильнейший актор в регионе [Spykman 1942, p. 159]; 3) для создания коалиции, способной противостоять англосаксонскому миру, необходим союз материковых государств с Японией: «Ответом на любой план установления постоянной японо-американо-британской гегемонии, основанной на морской мощи, было бы создание контр-альянса великими сухопутными державами» [Spykman 1942, p. 159][5].

Спикмен говорит, что игнорировать Японию нельзя в любом случае, так как эта страна является прямым конкурентом Америки в Тихоокеанском регионе, поскольку у США имеются как владения в Тихом океане, так и коммерческие интересы в Китае, а это означает, что баланс сил в Азии также затрагивает и американскую безопасность.

В Европе на тот момент на восходе была сила континентальной Германии, а в Азии и Тихоокеанском регионе – морской Японии. Спикмен отметил, что во время Первой мировой войны, когда европейские страны и США были сосредоточены на немецкой угрозе, Япония укрепила свои позиции благодаря действиям в Азии. После окончания войны США и Великобритания на Вашингтонской военно-морской конференции договорились о демилитаризации своих владений в западной части Тихого океана [Sempa 2006].

Такой вектор развития Японии был задан после Реставрации Мэйдзи, когда страна взяла курс на становление державы, равной западным. Для достижения поставленных целей Япония провела стремительную индустриализацию и, в первую очередь, развивала и наращивала военный сектор. Агрессивная экспансия и война рассматривались многими политическими деятелями Японии тех лет как единственный эффективный способ удовлетворения всех японских потребностей.

Спикмен считал, что Япония может потеснить позиции США не только в зоне Тихого океана, но и во всем западном полушарии. Он говорил, что, если бы японцам удалось воплотить свою имперскую мечту, это нанесло бы значительный удар по позициям США на мировой арене. Такая ситуация привела бы к прекращению политики «открытых дверей» в Китае и поставила бы США в зависимость от японской «доброй воли» в вопросе доступа к стратегическим ресурсам региона: «“Великая восточноазиатская сфера совместного процветания”, созданная Японией, разрушила бы баланс сил в транстихоокеанском пространстве, что имело бы серьезные последствия для военной и политической позиции США в Западном полушарии» [Sempa 2006].

[5] Перевод автора.

Следовательно, Спикмен утверждал, что Япония – это игрок уровня тогдашних США и Великобритании в своем регионе. А следовательно, для построения мировой гегемонии необходим союз этих трех стран [Spykman 1944].

По утверждению Спикмена, контроль именно над «внутренним полумесяцем», который он стал называть «окраинной землей» или Римлендом, а отнюдь не над Хартлендом, позволял бы получить контроль над всем миром [Спикмэн 2015; Спикмэн 2016]. Исходя из этого, чтобы стать мировым гегемоном, Соединенным Штатам, которые географически располагаются во «внешнем полумесяце», нужен стратегический союз с двумя сильнейшими морскими державами Римленда, к которым он относил Великобританию с Японией.

Таким образом, был бы создан блок во главе с Соединенными Штатами, которые, управляя действиями Японии и Великобритании, держал бы под контролем Западное и Восточное полушарие за счет территорий и сил этих двух морских империй. При этом Южной Америке отводилась роль сырьевого придатка. Подобные идеи можно проследить во внешнеполитических действиях США второй половины XX в.

Спикмен не считал, что после окончания Второй мировой войны Германия и Япония никогда больше не смогут стать сильными и опасными державами: «В заключении к “Стратегии Америки в мировой политике” Спикмен напомнил читателям, что “конец войны не есть конец борьбы за власть.” Он предостерег государственных деятелей союзников против полной ликвидации потенциала могущества Германии и Японии. Он пророчески предупредил, что “российское государство от Урала до Северного моря не может быть большим шагом вперед по сравнению с немецким государством от Северного моря до Урала.” Аналогично, поражение Японии не должно означать полного устранения ее военной силы и “сдачи Западного Тихого океана Китаю или России”» [Sempa 2006]. Он предсказывал Китаю будущее «континентальной силы огромных масштабов», чей размер, географическое положение, природные и трудовые ресурсы вынудят Соединенные Штаты пойти на союз с Японией для сохранения баланса сил в Азии.

Подытоживая выводы, сделанные Спикменом, можно выделить следующие тезисы: 1) Япония – сильнейшая держава в Азии (на тот момент); 2) Япония нуждается в ресурсах Китая для полного укрепления своего господства; 3) союз с Японией обеспечит США главенство в Азиатско-Тихоокеанском регионе даже после разгрома Японии в войне.

В настоящее время положение Японии частично соответствует каждой из перечисленных схем. Она остается главным союзником США в регионе и может играть роль как передовой базы, так и доверенного союзника в случае полного отказа от принципов пацифизма. По оценкам Global Firepower, в 2024 г. силы самообороны Японии, в соответствии с действующей конституцией государства формально не имеющие права участвовать в войнах, находятся на седьмом месте среди 10 сильнейших армий мира[6].

Не оставила Япония и своего мироощущения в качестве «центра силы» и приложила немало усилий как по наращиванию и использованию собственного потенциала, так и к участию в создании новых форматов военно-стратегического сотрудничества между странами в регионе, одним из которых выступает Четырехсторонний диалог по безопасности (QUAD)[7] – геополитическое сообщество по вопросам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе, объединяющее Австралию, Индию, США и Японию.

Также Япония осознает свою зависимость от континентальных ресурсов и вместо экспансии стремится развивать экономическое и дипломатическое партнерство с державами по обе стороны Тихого океана[8].

Литература

Го Юйци 2013 – *Го Юйци*. Российско-японские отношения с точки зрения геополитики // Центр славянских исследований университета Хоккайдо. Саппоро: Hokkaido University, cop. <2004–2024>. URL: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/jcrees/2013Osaka/76GuoYuqi.pdf (дата обращения 17.11.2024).

Маккиндер 2021 – *Маккиндер Х.* Географическая ось истории / пер. с англ. В. Желнинова. М.: АСТ, 2021. 288 с. (Мировой порядок)

[6] 2024 Japan military strength // Global Firepower. URL: https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.php?country_id=japan (дата обращения 17.11.2024).

[7] Speech by Mr. Taro Aso, minister for foreign affairs on the occasion of the Japan Institute of International Affairs seminar “Arc of freedom and prosperity: Japan’s expanding diplomatic horizons” (November 30, 2006) // Official site of Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/announce/fm/aso/speech0611.html (дата обращения: 17.11.2024).

[8] Геополитика: В 8 кн. Кн. 6: Азиатско-Тихоокеанский регион: учеб. пособие / гл. ред. Ю.П. Бойко; Дипломатическая акад. МИД России. М.: Весь мир, 2016. 714 с.

Мещеряков 2009 – *Мещеряков А.Н.* Быть японцем // Окно в Японию – E-mail бюллетень Общества «Россия-Япония». М.: Общество «Россия-Япония», cop. 2001–2024. URL: http://ru-jp.org/mesheryakov_byt_yapontsem.htm (дата обращения 17.11.2024).

Молодяков 2005 – *Молодяков В.Э.* Россия и Япония: поверх барьеров: Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929). М.: АСТ: Астрель, 2005. 369 с.

Спикмэн 2015 – *Спикмэн Н.Дж.* Политическая карта Евразии. Ч. 1 / пер. М.Н. Грачева // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2015. № 1. С. 41–50.

Спикмэн 2016 – *Спикмэн Н.Дж.* Политическая карта Евразии. Ч. 2 / пер. М.Н. Грачева // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2016. № 2. С. 51–56.

Хаусхофер 2001a – *Хаусхофер К.* Границы в их географическом и политическом значении // Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. С. 7–250.

Хаусхофер 2001b – *Хаусхофер К.* Континентальный блок: Центральная Европа – Евразия – Япония // Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. С. 371–418.

Хаусхофер 2001c – *Хаусхофер К.* Панидеи в геополитике // Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. С. 251–352.

Sempa 2006 – *Sempa F.P.* Spykman's world // American diplomacy. NC: Publishers Chapel Hill, cop. 1996–2017. URL: https://web.archive.org/web/20060621182618/http://www.unc.edu/depts/diplomat/item/2006/0406/semp/sempa_spykman.html (дата обращения 17.11.2024).

Spykman 1942 – *Spykman N.J.* America's strategy in world politics: The United States and the balance of power. N.Y.: Transaction Publishers, 1942. 500 p.

Spykman 1944 – *Spykman N.J.* The geography of the peace / ed. by H.R. Nicholl. N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1944. 66 p.

References

Guo Yuqi (2013), "Russian-Japanese relations from the point of view of geopolitics", in *Slavic-Eurasian Research Center*, available at: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/jcrees/2013Osaka/76GuoYuqi.pdf (Accessed 17 Nov. 2024).

Haushofer, K. (2001), "Der Kontinentalblock: Mitteleuropa, Eurasien, Japan", in Haushofer, K., *O geopolitike: Raboty raznykh let* [About geopolitics: Works from different years], Mysl', Moscow, Russia.

Haushofer, K. (2001), "Geopolitik der Pan-Ideen", in Haushofer, K., *O geopolitike: Raboty raznykh let* [About geopolitics: Works from different years], Mysl', Moscow, Russia.

Haushofer, K. (2001), "Grenzen in ihrer geographischen und politischen Bedeutung", in Haushofer, K., *O geopolitike: Raboty raznykh let* [About geopolitics: Works from different years], Mysl', Moscow, Russia.

Mackinder H.J. (2021), *Geograficheskaya os' istorii* [The geographical pivot of history], AST, Moscow, Russia.

Meshcheryakov, A.N. (2009), "Being Japanese", in *Okno v Yaponiyu – E-mail byulleten' Obshchestva "Rossiya-Yaponiya"*, available at: http://ru-jp.org/mesheryakov_byt_yapontsem.htm (Accessed 17 Nov. 2024).

Molodyakov, V.E. (2005), *Rossiya i Yaponiya: poverkh bar'erov: Neizvestnye i zabytye stranitsy rossiisko-yaponskikh otnoshenii (1899–1929)* [Russia and Japan. Over the barriers. Unknown and forgotten pages of Russian-Japanese relations (1899-1929)], AST, Astrel', Moscow, Russia.

Sempa, F.P. (2006), "Spykman's world", in *American diplomacy*, Publishers Chapel Hill, Chapel Hill, NC, USA, available at: https://web.archive.org/web/20060621182618/http://www.unc.edu/depts/diplomat/item/2006/0406/semp/sempa_spykman.html (Accessed 17 Nov. 2024).

Spykman, N.J. (1942), *America's strategy in world politics: The United States and the balance of power*, Transaction Publishers, New York, USA.

Spykman, N.J. (1944), *The geography of the peace*, Harcourt, Brace and Company, New York, USA.

Spykman, N.J. (2015), "The political map of Eurasia, part 1", *RSUH/RGGU Bulletin, "Political Science. History. International Relations, Area Studies. Oriental Studies" Series*, no. 1, pp. 41–50.

Spykman, N.J. (2016), "The political map of Eurasia, part 2", *RSUH/RGGU Bulletin, "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 51–56.

Информация об авторе

Яков В. Литвинов, группа «ГУТА», Москва, Россия; 107078, Россия, Москва, Орликов пер., д. 5, стр. 3; wtnhk13@mail.ru

Information about the author

Yakov V. Litvinov, GUTA Group, Moscow, Russia; 5-3, Orlikov Line, Moscow, Russia, 107078; wtnhk13@mail.ru

УДК 329.14(495)
DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-73-85

Левый популизм в Греции: государство и бюрократия под управлением популистов

Артур С. Сергеев
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия, prihodk67s@gmail.com

Аннотация. Статья рассматривает влияние политики партии Всегреческое социалистическое движение (ПАСОК) на развитие государственного сектора и бюрократии в Греции с 1980-х гг., уделяя особое внимание процессам национализации частных компаний и росту числа госслужащих. В статье обосновывается, что политика ПАСОК в указанный период имела популистский характер и способствовала созданию масштабной клиентелистской системы, где партийная принадлежность определяла доступ к государственным должностям, что вело к снижению эффективности управления и значительным бюджетным расходам. В результате Греция столкнулась с долговыми проблемами, которые усугубились в ходе экономического кризиса 2010-х гг. В статье также исследуется, как популистская логика, заложенная ПАСОК, оказала влияние на трансформацию политической системы Греции, включая крах традиционных партий, попадание Греции в порочный круг финансового расточительства и появление новых радикальных движений, таких как СИРИЗА и АНЭЛ, пришедших к власти на волне разочарования в существующем политическом устройстве, в то же время унаследовав от ПАСОК многие популистские стратегии, что еще более углубило кризис греческой политической системы.

Ключевые слова: популизм, Греция, популистские партии, экономика, клиентелизм

Для цитирования: *Сергеев А.С.* Левый популизм в Греции: государство и бюрократия под управлением популистов // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 3. С. 73–85. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-73-85

© Сергеев А.С., 2025

Left-wing populism in Greece: The state and bureaucracy under populist rule

Artur S. Sergeev
Kazan Federal University, Kazan, Russia, prihodk67s@gmail.com

Abstract. The article considers the influence of the Panhellenic Socialist Movement (PASOK) on the development of Greece's public sector and bureaucracy since the 1980s, placing particular emphasis on the nationalization of private companies and the marked increase in the number of civil servants. It argues that PASOK's policies during that period were inherently populist and contributed to the establishment of a large-scale clientelist system, in which party affiliation decided access to government positions – ultimately compromising managerial efficiency and incurring substantial budgetary outlays. As a result, Greece faced debt troubles that worsened during the economic crisis of the 2010s. The article further studies how the populist framework introduced by PASOK shaped the transformation of Greece's political landscape, leading to the collapse of traditional parties, the country's entrapment in a vicious cycle of financial wastefulness, and the rise of new radical movements such as SYRIZA and ANEL. Those parties came to power amid widespread disillusionment with the existing political order, inherited many of PASOK's populist strategies, and thus deepened the crisis of Greece's political system.

Keywords: populism, Greece, populist parties, economy, clientelism

For citation: Sergeev, A.S. (2025), "Left-wing populism in Greece: The state and bureaucracy under populist rule", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 73–85, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-73-85

После падения в 1974 г. правой военной диктатуры, называемой режимом «черных полковников», в Греции произошел демократический транзит («метаполитефси», или «смена режима») [Clogg 1987, p. 62]. Лидером демократических преобразований стал Константинос Караманлис, стремившийся создать двухпартийную систему и стимулировать экономический рост посредством государственного вмешательства. Его правительство контролировало ключевые сектора экономики и активно инвестировало, так как частный капитал проявлял осторожность. Это было особенно важно в условиях, когда как внутренний, так и иностранный капитал неохотно вкладывался в Грецию [Pappas 2014]. При правительстве партии «Новая демократия», возглавляемом Караманлисом, началось формирование государства с развитым государственным сек-

тором, что способствовало укреплению патронажных практик. Еще одним важным событием стало вступление Греции в Европейский Союз, что, безусловно, способствовало укреплению демократии в стране.

Либеральный и умеренный демократический режим, который Караманлис стремился утвердить во второй половине 1970-х гг., вскоре столкнулся с вызовом. Оппозицией «Новой демократии» стала партия ПАСОК (Всегреческое социалистическое движение) под руководством Андреаса Папандреу. Несмотря на ее официальное позиционирование как социал-демократической партии, ее ключевой идеологией и практическим курсом стал популизм. Как отмечает Паппас, различие между «Новой демократией» Караманлиса и ПАСОК Папандреу можно выразить следующим образом: «Программа Караманлиса акцентировала внимание на конституционной законности, формальных процедурах, традиционной партийной политике, умеренности, обсуждении, компромиссе и постепенных политических изменениях. В то время как Папандреу отдавал предпочтение внеинституциональной, неформальной политике, массовой плебисцитарной мобилизации, конфликтным тактикам и радикальному разрыву с существующими реалиями ради искупления» [Pappas 2014, p. 25].

Когда партия ПАСОК впервые пришла к власти в октябре 1981 г., Греция уже была устоявшейся демократией с либеральной конституцией, структурированной партийной системой и, с января того же года, десятым членом Европейского сообщества [Pappas 1999]. Однако в итоге правления ПАСОК Греция оказалась в порочном круге финансового расточительства и пренебрежения государственными и гражданскими институтами.

Во-первых, поляризация проявилась на массовом уровне, когда общество разделилось на непримиримые группы сторонников популистского правительства и главной оппозиционной партии – «Новой демократии» (НД). Это разделение было физически ощутимо: через интенсивную политическую мобилизацию, политизацию общества вдоль партийных линий и даже через разделение кафе по всей стране на «зеленые» (сторонников ПАСОК) и «синие» (сторонников «НД») в зависимости от партийной принадлежности посетителей. Во-вторых, финансовое расточительство стало очевидным по всем экономическим показателям: рост оставался на месте, инвестиции снижались, а государственный долг резко вырос с 39,4% ВВП в 1980 г. до 109,2% ВВП в 1990 г.[1] Рост государственных расходов и государственного долга Греции в 1980-е гг. показан

[1] OECD economic surveys: Greece 1990/1991. P.: OECD, 1991. P. 13.

в табл. 1. В-третьих, харизматичный лидер ПАСОК Андреас Папандреу был склонен к жестам популистского характера: накануне парламентских выборов 1989 г., стоя перед толпой сторонников, он приказал своему министру финансов «опустошить казну» для народа, чтобы сорвать аплодисменты собравшейся публики [Pappas 2019, p. 247]. Это означало срыв программы стабилизации экономики, которая была ранее предложена самой же партией ПАСОК. Предпочитая обращаться к народу напрямую, Папандреу заявлял: «Институтов не существует – только народ правит в этой стране» [Pappas 2014, p. 28].

Таблица 1

Основные показатели государственного сектора Греции (в % к ВВП)[2]

Показатель	*1980*	*1990*	*Изменение*
Процентные платежи	2,3	11,2	+8,9
Общие государственные расходы	32,1	53,5	+21,4
Чистое заимствование	2,9	19,2	+16,3
Государственный долг	39,4	109,2	+69,8

На уровне риторики Папандреу занял ярко выраженную популистскую позицию, представляя политику своим сторонникам как борьбу между добром и злом, правдой и ложью. Как отмечал Лириндзис, стратегия, основанная на разделении греческого общества на «несправедливо обездоленное» большинство и малочисленную «привилегированную» олигархию, представляющую иностранные интересы и внутренние монополии, объясняет успех ПАСОК в начале 1980-х гг. [Lyrintzis 1987, p. 668]. По мнению Ставракакиса, ПАСОК не только обращался к «народу», но и упрощал социальную картину, подчеркивая противостояние между «властью» и «народом» [Stavrakakis 2005, p. 248]. Примечательна цитата из одной из речей Папандреу: «Нашу национальную независимость обеспечат непривилегированные греки: рабочие, крестьяне, ремесленники, служащие, мелкие предприниматели и молодежь»[3]. Папандреу противопоставлял этот «союз угнетенных классов» «буржуазии,

[2] Ibid.

[3] *Papandreou N.* Life in the first person and the art of political storytelling: The rhetoric of Andreas Papandreou. L.: The Hellenic Observatory. The London School of Economics, 2014. P. 20–21. (Greece Paper; no. 85)

крупным промышленникам и предпринимателям», а также «укоренившимся олигархическим силам» [Pappas 2014, p. 25].

Одной из ключевых особенностей ПАСОК в период оппозиции, повлиявших на стиль ее правления, стала организация. Папандреу утверждал, что «ПАСОК – это движение, родившееся из народа»[4]. Папандреу стремился «создать массовую народную базу, включающую большинство угнетенных греков»[5]. В своем выступлении на Корфу в августе 1975 г. он призывал к активной организации: «Нам нужна широкая организация во всех аспектах движения»[6]. К 1977 г. ПАСОК уже представляло собой массовую партию с активным участием членов на местном уровне и ярко выраженной идеологией. В период с 1977 по 1980 гг. структура ПАСОК значительно расширилась, что сопровождалось ростом ее популярности среди избирателей. К 1981 г. партия насчитывала около 110 тысяч членов, а центральное руководство контролировало как местные отделения, так и парламентскую фракцию. После прихода ПАСОК к власти в 1981 г. число членов удвоилось [Moschonas 1999]. Как отметил Мосхонас, «ожидания личной выгоды сыграли свою роль в увеличении числа новых членов, особенно в условиях найма на госслужбу среди членов партии» [Moschonas 1999, p. 113]. Лириндзис отмечает, что ПАСОК также опирался на новые элиты и склонялся к централизованным формам клиентелизма, обходя традиционные местные элиты [Lyrintzis 1984, pp. 680–681].

Популизм ПАСОК оказал влияние и на стиль управления страной. Партия инициировала масштабные программы перераспределения, трансформировав государственную занятость и политику, опираясь на модифицированные кейнсианские экономические принципы с акцентом на перераспределение [Spourdalakis 1985; Moschonas 1999]. Эти радикальные изменения стали возможными благодаря поляризующему дискурсу, направленному против «Новой демократии» и правых сил [Pappas 2014]. Акцент был сделан на расширении государственного сектора, национализации частных предприятий и назначении членов ПАСОК на ключевые государственные должности. Как отметил Маврогордатос, такие изменения могли быть оправданы лишь при представлении прежней «меритократической» структуры как авторитарной [Mavrogordatos 1997, pp. 18–19]. Однако ПАСОК также добилось значительных успехов в улучшении жизни обездоленных слоев: повышение статуса женщин, улучшение условий для бедных, расширение систе-

[4] Ibid. P. 21.

[5] Ibid. P. 19.

[6] Ibid.

мы образования и создание бесплатной системы здравоохранения [Spourdalakis 1985]. Эти меры сделали партию особенно привлекательной для избирателей в ее ранние годы.

Политическая система Греции также изменилась с приходом ПАСОК. Как отмечает Паппас, популистский дискурс партии оказал влияние на стратегию «Новой демократии». Когда она вернулась к власти в 1990-е гг., ей пришлось выбирать между либерализмом и популизмом для завоевания голосов. В итоге «Новая демократия» также стала применять поляризующий дискурс и перераспределительные меры, чтобы конкурировать с ПАСОК. В 1990-е гг. обе партии вступили в гонку обещаний, чтобы завоевать поддержку на выборах. Например, лидер «Новой демократии» пообещал минимальную пенсию в 152 000 драхм, в то время как ПАСОК предложил 150 000 [Pappas 2014]. Таким образом, популизм стал определяющим фактором греческой политической системы, превратив ее в «популистскую демократию», где и правящая, и оппозиционная партии были популистскими.

В период «популистской демократии» греческие правительства формально внедряли финансовую дисциплину и меритократические подходы к бюрократии. Однако эти меры часто сопровождались популистскими практиками, противоречащими или подрывающими технократическую направленность решений. Таким образом, можно утверждать, что после прихода к власти ПАСОК популистская логика играла ключевую роль в греческой политике.

Эта «популистская демократия», как будет обсуждаться далее, оказалась нестабильной и завершилась с началом экономического кризиса 2008 г. Кризис заставил ПАСОК и «Новую демократию» согласиться на реформы под давлением ЕС. Однако в системе, где избиратели привыкли к популизму, такой переход оказался неприемлемым. Это подготовило почву для появления в 2010-е гг. более радикальных популистских движений, таких, как СИРИЗА.

Греческая бюрократия сталкивалась с проблемами задолго до прихода к власти популизма ПАСОК и установления так называемой «популистской демократии», просуществовавшей до 2010-х гг. [Pappas 2014]. Исследователи отмечают, что даже до ПАСОК греческая бюрократия не была меритократической системой [Sotiropoulos 1996; Spanou 2020]. Однако приход ПАСОК привел к структурным изменениям в клиентелистских практиках, связанных с бюрократией. Ранее клиентелизм находился под контролем влиятельных семей и олигархов, но популизм ПАСОК, с его идеологией и организацией, изменил этот порядок. Как отмечает Маврогордатос, приход ПАСОК к власти

в 1981 г. стал «переломным моментом» в партийном патронаже, превратив традиционный клиентелизм в партийную машину [Mavrogordatos 1997, p. 1].

Если ранее патронаж основывался на личных связях, то при ПАСОК клиентелизм стал управляться партийной машиной, ориентированной на членов партии [Mavrogordatos 1997]. Это привело к двум важным последствиям: политизации бюрократии и расширению государственного сектора за счет популистских мер.

Хотя патронат существовал и до прихода ПАСОК, его механизмы были более личными, основанными на связях с политиками и влиятельными лицами. С приходом ПАСОК партийная принадлежность стала основным критерием для назначения на должности в государственных структурах, а партийные организации начали играть ключевую роль в этих процессах [Sotiropoulos 2020]. Слабая государственная бюрократия легко подчинялась мощной организации ПАСОК, и эта практика продолжалась даже при правительствах «Новой демократии». Политическая борьба за патронаж ослабляла демократическое развитие и усиливала контроль ПАСОК над администрацией, в результате чего многие компетентные чиновники были заменены политическими назначенцами [Spanou 2020].

Эта динамика распространилась на все сферы. В сфере образования, например, «партийный клиентелизм» влиял на выбор консультантов и администраторов [Mavrogordatos 1997]. В телекоммуникациях ПАСОК назначал временных сотрудников по партийной принадлежности [Mavrogordatos 1997]. Даже в Национальном банке, который ранее был меритократическим, стали доминировать клиентелистские практики, а временные сотрудники массово переводились в штат [Mavrogordatos 1997].

Расширение государственного сектора стало результатом популистской политики ПАСОК, включая национализацию частных компаний. Численность сотрудников государственных предприятий значительно возросла: к середине 1990-х гг. в государственном секторе Греции работали около 130 000 человек, что составляло 6% от всех наемных работников. Эти предприятия часто отличались низкой эффективностью, а их содержание отягощало бюджет [Pappas 2014].

Значительные изменения коснулись и государственного аппарата. До прихода ПАСОК бюрократия Греции была раздутой и неэффективной, несмотря на высокую численность сотрудников, качество предоставляемых услуг оставалось низким. При ПАСОК численность работников государственного аппарата продолжала расти. Как отмечает Паппас, в начале 1980-х гг. в государственном

секторе насчитывалось около 500 000 сотрудников. К 1990 г. их количество достигло 786 200, увеличившись более чем на 50% за десятилетие [Pappas 2014, p. 47]. К 2009 г. эта цифра превысила 1 миллион, что составляло 22% всей рабочей силы страны [Pappas 2014]. В течение трех десятилетий ведущие партии соревновались в обещаниях предоставить все больше государственных льгот [Pappas 2014].

Расширение системы высшего образования также стало результатом популистской политики. Как отмечает Лириндзис, в обществе, где высшее образование считалось ключом к социальной мобильности, правительство ПАСОК инициировало создание новых университетов и увеличение числа студентов, не решая системных проблем. Это привело к снижению ценности дипломов и росту безработицы среди выпускников [Lyrintzis 1987, pp. 680–681].

Популизм также оказывал влияние на политику занятости: временные контракты предлагались популистскими политиками, после чего электорат требовал более стабильных льгот, что приводило к постоянным назначениям. Спану отмечает, что число краткосрочных контрактов, поддерживаемых партийными интересами, неуклонно росло, и многие временные работники получали постоянные должности в предвыборные периоды. Это подрывало рациональное планирование человеческих ресурсов, приводя к неэффективному распределению и тормозя модернизацию [Spanou 2020, p. 174].

Популистские практики затрагивали не только найм, но и оплату труда, а также пенсионное обеспечение. ПАСОК повысил заработные платы, так как до 1981 г. зарплата госслужащих была низкой, а инфляция высокой. К середине 1990-х гг. зарплаты в госсекторе оказались вдвое выше, чем в частном секторе. Профсоюзы госслужащих часто «держали страну в заложниках» своих требований [Pappas 2014].

Популистская логика также проявлялась в системе социального обеспечения. В начале 1980-х гг. пенсии были увеличены, а их охват расширен. Минимальная пенсия достигла уровня 20 минимальных зарплат неквалифицированных рабочих [Pappas 2014]. Привилегированные пенсионеры, особенно из госсектора, получали пенсии, превышающие их зарплаты. Несмотря на установленный пенсионный возраст 65 лет, более ранний выход на пенсию был широко распространен и зачастую сопровождался нарушениями правил [Pappas 2014].

Популистская практика в Греции также выражалась в игнорировании многочисленных незаконных действий, которые приносили выгоду широким слоям общества. Паппас и Асланидис отмечают,

что наряду с «материальными» благами, такими как государственная занятость, высокие зарплаты и пенсии, популистская демократия в Греции предлагала и нематериальные привилегии. Это включало «государственную защиту определенных профессий от рыночных рисков и повсеместную безнаказанность за нарушения закона, например, уклонение от налогов, незаконное строительство или захват государственной собственности» [Pappas, Aslanidis 2015]. Проблемы со сбором налогов существовали и до этого, но в эпоху «популистской демократии» они усугубились. Большая часть теневой экономики оставалась вне контроля, а популистская политика еще больше затрудняла сбор налогов, особенно в предвыборные периоды, когда государство избегало преследования налоговых уклонистов. Пример популистской безнаказанности также проявлялся в сфере незаконного строительства. По оценкам, за последние десятилетия в Греции было построено до миллиона нелегальных домов и сооружений. Перед выборами часто объявлялись амнистии для таких строений [Pappas 2014].

Неэффективная государственная администрация стала поводом для обсуждения реформ. В 1990-е, 2000-е и 2010-е гг. административные реформы были в центре политической повестки, но историческое наследие, при котором «социальные функции подчинялись клиентелистским и корпоративистским интересам», стало серьезным препятствием для изменений [Spanou 2020]. Кроме того, большинство греков были привязаны к популистским практикам, извлекая из них материальные выгоды и не поддерживая реформаторов [Pappas 2014].

Эти проблемы накапливались и в итоге привели к экономическому и политическому кризису 2010-х гг. В 2010 г. Греция обратилась за помощью к МВФ, и международные кредиторы навязали жесткие меры экономии. Система популистской демократии начала рушиться в конце 2000-х гг., а сокращение рабочих мест в государственном секторе, уменьшение роли государства и создание условий для частного бизнеса вызвали недовольство электората [Pappas 2014]. Это привело к социальным волнениям, краху партийной системы, в которой доминировали ПАСОК и «Новая демократия», и приходу к власти в 2015 г. уже открыто популистской леворадикальной партии СИРИЗА (Коалиция радикальных левых – Прогрессивный альянс) [Кузнецова 2020]. Быстрая потеря ПАСОК влияния и голосов получила название «пасокификация» [Сергеев, Дубровин 2020].

Взаимодействие между государственной бюрократией и конкурентной политикой, начиная с прихода к власти ПАСОК, представляет собой важный материал для изучения эффектов популизма

в государственном управлении. Сначала существовала олигархическая демократия, в которой влиятельные патроны контролировали греческую бюрократию, а затем правительство ПАСОК внедрило массовый клиентелизм. Это создало почву для глубоко укорененного популизма в государственной практике Греции. До демократического транзита патронажные отношения и олигархическая политика сделали государственную бюрократию важным ресурсом для элит, что сформировало неформальный «социальный контракт» между политиками и гражданами. Политическая элита предоставляла рабочие места, привилегии и возможность избегать неудобных законов, а граждане, в свою очередь, поддерживали патронов на выборах. Постепенно эта практика распространилась на все уровни общества и стала частью обычной политической жизни.

В определенной мере можно утверждать, что популистская практика, начиная с олигархической эпохи и продолжавшаяся при ПАСОК, успешно интегрировала греческое общество в политическую систему. Массовый клиентелизм позволил включить в политический процесс левые силы, которые были исключены после гражданской войны. Популизм также способствовал интеграции периферийных регионов в национальную политику сначала через местных патронов, а затем через популистские партии. Материальные запросы масс удовлетворялись вне зависимости от их справедливости, что укрепляло политическую поддержку элит.

Такая краткосрочная отзывчивость греческой политической системы привела к экономическому кризису 2010-х гг. Массовое увеличение числа госслужащих, неэффективный сбор налогов, щедрые повышения зарплат и пенсий перед выборами – все эти популистские меры способствовали возникновению кризиса. Политика, ориентированная на удовлетворение немедленных нужд избирателей, оказалась неустойчивой.

Главная проблема популизма заключалась в его тактическом, оперативном и антиинституциональном характере. Популистская логика пренебрегала долгосрочной институциональной рациональностью, необходимой для устойчивого развития.

С приходом ПАСОК система личного патронажа сменилась массовым клиентелизмом, направленным на обездоленные слои населения. ПАСОК трансформировал греческую бюрократию, заменив ее кадры на популистские, но сохранил клиентелизм как ключевой элемент политики. Даже после ослабления ПАСОК популистская практика продолжала определять греческую политику, а «Новая демократия», оказавшись под влиянием популизма ПАСОК, также вступила в гонку за голоса, предлагая гражданам безответственные обещания.

Литература

Кузнецова 2020 – *Кузнецова А.В.* Леворадикальные партии и движения современной Греции // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. № 5. С. 167–181.

Сергеев, Дубровин 2020 – *Сергеев А.С., Дубровин В.Ю.* Пасокификация и подъем популизма в современном мире // «Дни науки» факультета социотехнических систем КНИТУ: сб. статей и сообщений Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов (26 апреля – 8 мая 2019 г.). Казань: КНИТУ, 2020. С. 177–181.

Clogg 1987 – *Clogg R.* Parties and elections in Greece: the search of legitimacy. Durham (NC): Duke University Press, 1987. 268 p.

Lyrintzis 1984 – *Lyrintzis C.* Political parties in post-junta Greece: A case of "bureaucratic clientelism"? // West European Politics. 1984. Vol. 7. No. 2. P. 99–118.

Lyrintzis 1987 – *Lyrintzis C.* The power of populism: The Greek case // European Journal of Political Research. 1987. Vol. 15. No. 6. P. 667–686.

Mavrogordatos 1997 – *Mavrogordatos G.T.* From traditional clientelism to machine politics: The impact of PASOK populism in Greece // South European Society and Politics. 1997. Vol. 2. No. 3. P. 1–26.

Moschonas 1999 – *Moschonas G.* The Panhellenic socialist movement // Social democratic parties in the European Union – history, organization, policies / ed. by R. Ladrech, P. Marliere. L.: MacMillan, 1999. P. 110–122.

Pappas 1999 – Pappas T. Making party democracy in Greece. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1999. 242 p.

Pappas 2014 – Pappas T. Populism and crisis politics in Greece. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2014. 174 p.

Pappas 2019 – *Pappas T.* Populism and liberal democracy: A comparative and theoretical analysis, Oxford: Oxford University Press, 2015. 332 p.

Pappas, Aslanidis 2015 – *Pappas T., Aslanidis A.* Greek populism: A political drama in five acts // European populism in the shadow of the Great recession / ed. by H. Kriesi, T.S. Pappas. Colchester: ECPR Press, 2015. P. 181–196.

Sotiropoulos 1996 – *Sotiropoulos D.A.* Populism and bureaucracy: The case of Greece under PASOK, 1981–1989. Notre Dame; L.: Univ. of Notre Dame Press, 1996. 198 p.

Sotiropoulos 2020 – *Sotiropoulos D.A.* State-society relations in Greece // The Oxford handbook of modern Greece / ed. by K. Featherstone, D.A. Sotiropoulos. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 38–53.

Spanou 2020 – *Spanou C.* Public administration // The Oxford handbook of modern Greece / ed. by K. Featherstone, D.A. Sotiropoulos. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 171–186.

Spourdalakis 1985 – *Spourdalakis M.* The Greek experience // Socialist Register. 1985. Vol. 22. P. 249–267.

Stavrakakis 2005 – *Stavrakakis Ya*. Religion and populism in contemporary Greece // Populism and the mirror of democracy / ed. by F. Panizza. L.; N.Y.: Verso. 2005. P. 224–249.

References

Clogg, R. (1987), *Parties and elections in Greece: the search of legitimacy,* Duke University Press, Durham (NC), UK.

Kuznetsova, A.V. (2020), "Left-wing radical parties and movements of modern Greece", *General Russian Journal of Social Sciences*, no. 5, pp. 167–181.

Lyrintzis, C. (1984), "Political parties in post-junta Greece: A case of 'bureaucratic clientelism'?", *West European Politics*, vol. 7, no. 2, pp. 99–118.

Lyrintzis, C. (1987), "The power of populism: The Greek case", *European Journal of Political Research*, vol. 15, no. 6, pp. 667–686.

Mavrogordatos, G.T. (1997), "From traditional clientelism to machine politics: The impact of PASOK populism in Greece", *South European Society and Politics*, vol. 2, no. 3, pp. 1–26.

Moschonas, G. (1999), "The Panhellenic socialist movement", in Ladrech, R. and Marliere, P., eds., *Social democratic parties in the European Union – history, organization, policies*, MacMillan, London, pp. 110–122.

Pappas, T. (1999), *Making party democracy in Greece*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK.

Pappas, T. (2014), *Populism and crisis politics in Greece*, Palgrave Macmillan, New York, USA.

Pappas, T. (2019), *Populism and liberal democracy: A comparative and theoretical analysis*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Pappas, T. and Aslanidis, A. (2015), "Greek populism: A political drama in five acts", in Kriesi, H. and Pappas, T. S., eds., *European populism in the shadow of the Great recession,* ECPR Press, Colchester, UK, pp. 181–196.

Sergeev, A.S. and Dubrovin, V.Yu. (2020), "Pasokifikation and the rise of populism in the modern world", in *"Dni nauki" fakul'teta sotsiotekhnicheskikh sistem KNITU: sb. statei i soobshchenii Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh, aspirantov i studentov (26 aprelya – 8 maya 2019 g.)* ["Science Days" of the faculty of sociotechnical systems of KNITU: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference of young scientists, postgraduates and students (April 26 – May 8, 2019)], KNITU, Kazan, Russia, pp. 177–181.

Sotiropoulos, D.A. (1996), *Populism and bureaucracy: The case of Greece under PASOK, 1981–1989*, Univ. of Notre Dame Press, Notre Dame, USA, London, UK.

Sotiropoulos, D.A. (2020), "State-society relations in Greece", in Featherstone, K. and Sotiropoulos, D.A., eds., *The Oxford handbook of modern Greece*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 38–53.

Spanou, C. (2020), "Public administration", in Featherstone, K. and Sotiropoulos, D.A., eds., *The Oxford handbook of modern Greece*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 171–186.

Spourdalakis, M. (1985), "The Greek experience", *Socialist Register*, vol. 22, pp. 249–267.

Stavrakakis, Ya. (2005), "Religion and populism in contemporary Greece", in Panizza, F., ed., *Populism and the mirror of democracy*, Verso, London UK, New York, USA, pp. 224–249.

Информация об авторе

Артур С. Сергеев, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; 420097, Россия, Казань, Кремлевская ул., д. 35; prihodk67s@gmail.com

Information about the author

Artur S. Sergeev, Kazan Federal University, Kazan, Russia; 35, Kremlyovskaya St., Kazan, Russia; prihodk67s@gmail.com

УДК 323.2(430)
DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-86-105

Сравнительный анализ левого и правого терроризма в ФРГ

Андрей В. Белинский
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, belinskii_andrei@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу правого и левого терроризма в ФРГ на основе выделенных критериев (причины возникновения, социальный состав, тактика, связи с другими группами и т. д.). Отмечается, что в своем становлении обе разновидности терроризма прошли три стадии – общественный раскол, радикализация протестного движения и появление в ее рядах группы, готовой перейти к вооруженной борьбе, уход в подполье. И для левого, и для правого терроризма было характерно отрицание либеральной демократии и позиционирования себя в качестве авангарда экстремистских сил, выступающих против государства.

Вместе с тем детальный анализ показывает, что между правыми и левыми террористическими организациями есть существенные отличия, продиктованные как идеологией, так и историческим контекстом, в котором они действовали. К наиболее существенным из них следует отнести различный социальный состав, объекты атаки, коммуникацию, формы организации и др. Также отмечается, что правый терроризм на протяжении долгого времени был недооценен властями, что имело в будущем фатальные последствия.

Ключевые слова: правый терроризм, левый терроризм, ФРГ, «Фракция Красной Армии», «Национал-социалистическое подполье», «Движение 2 июня», политический экстремизм

Для цитирования: Белинский А.В. Сравнительный анализ левого и правого терроризма в ФРГ // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 3. С. 86–105. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-86-105

© Белинский А.В., 2025

A comparative analysis of left-wing and right-wing terrorism in Germany

Andrei V. Belinskii
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, belinskii_andrei@mail.ru

Abstract. The article deals with a comparative analysis of right-wing and left-wing terrorism in the FRG on the basis of selected criteria (causes of emergence, social composition, tactics, ties with other groups, etc.). It is noted that in its formation both varieties of terrorism have passed three stages – social division, radicalization of the protest movement and the emergence in its ranks of a group ready to move to armed struggle, going underground. Both left-wing and right-wing terrorism were characterized by the rejection of liberal democracy and positioning themselves as the vanguard of extremist forces opposed to the state.

At the same time a detailed analysis shows that there are significant deals with between right-wing and left-wing terrorist organizations, dictated by both ideology and the historical context in which they operated. The most significant of those distinctions include different social composition, objects of attack, communication, forms of organization, and others. It is also noted that for a long-time right-wing terrorism was underestimated by the authorities, which subsequently had fatal consequences.

Keywords: right-wing terrorism, left-wing terrorism, FRG, "Red Army Faction", "National Socialist Underground", "June 2 movement", political extremism

For citation: Belinskii, A.V. (2025), "A comparative analysis of left-wing and right-wing terrorism in Germany", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series,* no. 3, pp. 86–105, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-86-105

Зажженные по всей Германии 21 декабря 2024 г. свечи возвестили "urbi et orbi"[1] не только о приближении четвертого адвента[2], но и о потрясшем страну кровавом теракте на рождественской ярмарке в Магдебурге. Жертвами врезавшегося на полной скоро-

[1] Urbi et orbi – латинская фраза, означающая «городу (Риму) и миру». Использовалась в Древнем Риме, а затем римскими папами для объявления важных новостей.

[2] Четвертый адвент – это праздник, когда зажигается четвертая свеча на рождественском венке.

сти в толпу автомобиля, за рулем которого находился выходец из Саудовской Аравии Талеб Аль-Абдулмохсен, стали 6 человек; еще около 299 граждан получили увечья различной степени тяжести.

И хотя конкретные мотивы[3] задержанного полицией бывшего врача-психиатра только еще предстоит выяснить следствию, события в Магдебурге вновь всколыхнули в немецком обществе дебаты о терроризме и противодействии ему. Безусловно, в настоящей момент главную угрозу для ФРГ, а вместе с ней и для всей Европы, представляют радикальные исламистские группировки, а также разделяющие их идеологию террористы-одиночки, совершившие теракты в Париже, Брюсселе и Берлине.

Вместе с тем было бы большой ошибкой считать левый и правый терроризм в ФРГ частью прошлого, которое заняло свое место в учебниках истории между двумя мировыми войнами и эпохой глобализации. Несмотря на разгром спецслужбами или самоликвидацию ведущих правых и левых террористических организаций в Западной Германии и объединенной ФРГ, потенциал для их рецидива по-прежнему сохраняется. Как отмечалось в докладе Федерального ведомства по охране конституции Германии за 2023 г., правые экстремисты совершили порядка 1148 преступлений с применением насилия[4]. Тенденцию к увеличению преступлений с применением насилия демонстрировали и левоэкстремистские группировки, на счету которых в 2023 г. было 727 аналогичных преступлений[5]. А принимая во внимание достаточно зыбкую границу между деятельностью экстремистских групп и террористическими организациями, всестороннее исследование природы и особенностей правого и левого терроризма в Федеративной республике Германия продолжает оставаться крайне актуальной задачей для политической науки.

Решению данной задачи, с нашей точки зрения, мог бы способствовать сравнительный анализ ведущих террористических организаций правого («Национал-социалистическое подполье»[6],

---

[3] Сама личность Талеба Аль-Абдулмохсена – выходец из Саудовской Аравии, критикующий ислам и не скрывающих своих симпатий в отношении правопопулистской «Альтернативы для Германии» – достаточно примечательна, поскольку не укладывается в привычный для исследователя портрет представителя правого или исламского терроризма.

[4] Verfassungsschutzbericht 2023. Bundesministerium des Innern und für Heimat. 2023. Juni. S. 29.

[5] Ibid. S. 151.

[6] «Национал-социалистическое подполье» (нем. Nationalsozialistischer Untergrund) – террористическая организация, созданные в 1998 г. неона-

группа Фрайталь[7]) и левого («Фракция Красной Армии»[8], Тупамарос Западного Берлина[9], «Революционные ячейки»[10], «Движение 2 июня»[11]) толка на основе выделенных немецким исследователем-криминалистом А. Пфаль-Траугхбером критериев – активисты (социальный состав, биографии и т. д.), интенсивность насилия, идеология и др. [Pfahl-Traughber 2014, S. 401–423.] Именно такой подход позволит лучше «высветить» родовые черты и особенности обеих разновидностей террора, и на их основе выработать в дальнейшем эффективную стратегию противодействия ему.

цистами У. Мундлосом, У. Бенхардтом и Б. Чепе. На счету группировки 10 убийств, два теракта и многочисленные ограбления банков. В ноябре 2011 г. после неудачного ограбления У. Мундлос и У. Бёнхардт были окружены полицией и покончили жизнь самоубийством. Б. Чепе была приговорена к пожизненному заключению.

[7] Группа Фрайталь (нем. Die Gruppe Freital) – правотеррористическая группировка, созданная в 2015 г. в саксонском городе Фрайталь. Группировка осуществляла нападения на общежития для беженцев, а также гражданских активистов, оказывающих им помощь. В 2018 г. группа была разгромлена полицией, а ее члены приговорены судом к тюремному заключению.

[8] «Фракция Красной Армии» (нем. Rote Armee Fraktion) – крупнейшая левая террористическая организация в ФРГ, созданная в А. Баадером, У. Майнхоф, Г. Энслин и др. в 1970 г. Жертвами «Фракции Красной Армии» становились высокопоставленные чиновники, представители крупного бизнеса, полицейские, американские военные. В 1998 г. оставшиеся на свободе члены организации (так называемое «третье поколение») заявили о ее самороспуске.

[9] Тупамарос Западного Берлина (нем. Tupamaros West-Berlin) – леворадикальная организация, действовавшая в ФРГ в конце 1960 – начале 1970-х гг. Свое название взяла в честь уругвайской крайне левой организации – Тупамарос. В 1970 г. группа самораспустилась, часть членов вошли в состав Фракции Красной Армии.

[10] Революционные ячейки нем. (нем. Die Revolutionären Zellen) – левая террористическая организация, действовавшая на территории ФРГ с 1970 по 1993 г.

[11] Немецкая леворадикальная террористическая организация, действовавшая в Западном Берлине в 1970-х гг. Название отсылает к дате смерти Бенно Онезорга, застреленного полицейским во время демонстрации 2 июня 1967 г. в Западном Берлине. В 1980 г. организация самораспустилась, часть ее членов влилась в ряды «Фракции Красной Армии».

Природа терроризма

Проводя сравнительный анализ двух разновидностей терроризма в ФРГ, в первую очередь нам необходимо понять, на какой почве он возник и произрос. Даже беглое изучение «биографии» левотеррористических организаций, действовавших на территории ФРГ и Западного Берлина, и «Национал-социалистического подполья», подхватившего эту «эстафету»[12] в объединенной, но не единой Германии, наглядно демонстрирует схожую тенденцию. Исходной точкой отсчета в зарождении терроризма как левого, так и правого толка был глубокий общественно-политический раскол, пусть он в обоих случаях и носил разный характер.

Середина – конец 1960-х гг. ознаменовались для Западной Германии, как, впрочем, для большинства стран Европы и США, расколом между государством и основной частью общества и радикально настроенной молодежью, отрицающей культ успеха и стяжательства, ставших фактически символом веры поднявшейся из руин Западной Германии, ультраконсервативной морали и социальной иерархии. На обострившийся конфликт «отцов» и «детей» легла длинная тень национал-социалистического прошлого, которое в 1950-е гг. активно замалчивалось и вытеснялось из общественной жизни. Для выросшего в послевоенной Германии, воспитанного на работах Г. Маркузе и Т. Адорно, открыто восхищавшегося Че Геварой, Мао и Хо Ши Мином, молодого поколения западных немцев пребывание на посту федерального президента бывших членов НСДАП Г. Любке и К.Г. Кизингера свидетельствовало о том, что демократия в западногерманском государстве является лишь ширмой. «Германия 1960 года: каждый третий сравнивает ее с Германией 1933-го; что 10 лет назад отвергалось как чудовищное, сегодня под аплодисменты провозглашается само собой разумеющимся. Профессора, “как тогда” (1933 г. – *А. Б.*), лишаются мест и званий, военные вовсю действуют на политической сцене, социал-демократы зажаты в тиски между оппортунизмом партийного руководства и оппозиционной позой, конституция имеет репутацию поддающейся манипуляциям и постоянно переписываемой», – написала в 1960 г. журналистка и активистка антивоенного движения, а впоследствии соосновательница «Фракции Красной Армии» У. Майнхоф [Майнхоф 2004, с. 32]. Сложившаяся к концу «ревущих» 1960-х гг. ситуация в стране усугублялась отсутствием

[12] Примечательно, что в 1998 г., когда «Фракция Красной Армии» официально объявила о своем самороспуске, ушедшие в подполье У. Мундлос, У. Бенхардт и Б. Чепе создали «Национал-социалистическое подполье».

возможности конструктивного диалога между властью и стремительно радикализующейся молодежью; вступив в большую коалицию с ХДС/ХСС социал-демократы фактически лишили себя в глазах ореола оппозиционности, а либеральная СвДП была для них абсолютно «классово чуждой». «Рудольф Аугштайн пишет: “Если бы <в ФРГ> была политическая партия, в которой практиковались бы откровенные дискуссии и в открытом порядке принимались решения, многие из этих протестующих студентов вступили бы в такую партию”. То, что такой партии нет, Аугштайн знает», – отмечала У. Майнхоф [Майнхоф 2004, с. 171].

Вторым шагом на тернистом пути к созданию подпольной террористической организации стала эскалация насилия между правоохранительными органами западногерманского государства и протестующей молодежью. И если в начале представители крайне левых организаций ограничивались символическими акциями (пощечина канцлеру К.Г. Кизингеру Б. Кларсфельд[13], попытка бросить пудинг в прибывшего с официальным визитом в Западный Берлин вице-президента США Х. Хамфри и т. д.), то после убийства 2 июня 1967 г. студента Б. Онезорге и покушения на лидера левого движения Р. Дучке 11 апреля 1968 г. маховик насилия с обеих сторон стал стремительно раскручиваться. Ответом на действия властей стали поджоги здания издательского концерна Шпрингера, который на протяжении многих месяцев обвинял студентов в «терроризме», а затем универмага во Франкфурте, являвшегося для протестующий молодежи вящим символом общества потребления. На пути к созданию подпольной террористической организации этот этап имел огромное значение, поскольку с одной стороны государство и его представители окончательно превратились в открытого врага, а с другой – у радикалов постепенно снимаются психологические барьеры, которые до этого времени удерживали их от применения открытого насилия в отношении политических оппонентов.

В конечном счете внутри быстро радикализующейся внепарламентской оппозиции выкристаллизовалась группа, которая в силу идеологических (У. Майнхоф), либо индивидуально-психологических особенностей личности (А. Баадер) готова была пойти дальше своих единомышленников. «На пресс-конференции в Берлине Хорст Малер заявил, что если делать революцию, то нужно считаться с жертвами. <...> После покушения на Дучке У. Майнхоф переписала свою колонку “От протеста к сопротивлению”: “Про-

[13] Кларсфельд Б. (1939 – н. в.) – немецкая журналистка. Вместе со своим мужем С. Кларсфельдом занималась поиском нацистов, скрывавшихся после войны в различных странах.

тест – это когда я говорю, что это и это мне не подходит. Сопротивление – это, когда я стремлюсь к тому, чтобы, что мне не подходит, прекратило существование. <...> И в задумчивости добавила: Ответное насилие подвергается опасности превратиться в насилие, там, где жестокость полиции определяет закон поведения, там, где бессильная ярость сменяет высокомерную рациональность, там, где на парамилитарное насилие со стороны полиция отвечает парамилитарным насилием"» [Aust 2008, S. 104]. Именно эти два десятка молодых людей и составят костяк первого поколения «Фракции Красной Армии», организации, наводившей ужас на политическую элиту ФРГ в 1970-х гг.

Правый терроризм в объединенной Германии прошел свой путь по сходной траектории. Крушение ГДР и вхождение восточных земель в состав Федеративной республики имели своим следствием отнюдь не обещанные Г. Колем «цветущие ландшафты», а закрытие десятков предприятий и массовую безработицу. Утрата социального статуса, отсутствие жизненных перспектив, как и у многих представителей его поколения после крушения ГДР, привели к тому, что он испытывал потерю ориентиров и шаткость своего положения в новой Германии. Его антикоммунистические взгляды сделали его восприимчивым для правого экстремизма» [Jüttner 2013, S. 67].

И, как и в случае с левыми радикалами в Западной Германии 1960-х гг., своеобразным «мостиком», в конечном счете приведшим правых экстремистов У. Мундлоса, У. Бёнхардта и Б. Чепе в подполье, стало насилие. Однако в отличие от основателей «Фракции Красной Армии» и других левых террористических организаций, чья радикализация была не в последнюю очередь обусловлена и действиями западногерманских властей (разгон студенческой демонстрации 2 июня 1967 г., убийство Б. Онезорге, покушение на Р. Дучке), сторонники неонацистской и правоэкстремистских взглядов в Восточной Германии изначально были ориентированы на применение насилия по отношению к политическим оппонентам[14].

В начале 1990-х гг. Восточную Германию захлестнула настоящая волна насилия со стороны праворадикальной молодежи против иностранцев (вьетнамцы, турки, курды). «Очевидно этот подъем был замечен лишь после сильный расистских атак в саксонской Хойерсверде, где с 17 сентября (1991 г. – *А. Б.*) в течение нескольких вечеров подряд более сотни погромщиков атаковали

[14] По всей видимости, эта особенность была обусловлено целым рядом факторов: низким уровнем образования правых экстремистов, идеологией, авторитарной политической культурой ГДР и т. д.

общежития с трудовыми мигрантами и беженцами» [Virchow 2022, S. 15]. Именно в этой атмосфере ненависти и страха проходила дальнейшая радикализация троих молодых людей из Йены, чьи действия становились все более дерзкими, выходя за рамки обычных для их круга нападений на левых активистов и иностранных рабочих и посещения рок-концертов ультраправых музыкальных групп.

В ноябре 1996 г. во время обыска машины У. Бёнхардта, который уже давно находился в поле зрения полиции, «были найдены предметы, подпадающие под закон об оружии: шлем, тесак, дубинка, боевой нож бундесвера, газовый пистолет, нож, пневматический пистолет, два магазина с газовыми патронами и постер с изображением вермахта» [Белинский 2017, с. 150–151].

Два портрета

Если становление левого и правого терроризма в Федеративной республике в целом прошло через схожие стадии (отчуждение от общества через отрицание его основных политических институтов и ценностей, радикализация, уход в подполье и начало открытого террора), то социальные портреты обоих течений терроризма будут различаться. Подавляющее большинство (около 70–80%) членов левоэкстремистских и левотеррористических организаций в Западной Германии 1970–1990-х гг. были выходцами из вполне благополучных семей среднего класса, а некоторые из них, как, например, Карл-Ян Распе[15] или Ульрих Весселъ[16] даже принадлежали к высшим слоям общества.

При этом важно подчеркнуть, что немалая часть членов леворадикальных или левотеррористических организаций имела академическое образование, а некоторые из них даже входили в интеллектуальный бомонд Федеративной республики. Классическим, почти каноничным примером этого может послужить биография одной из основательниц «Фракции Красной Армии» Ульрики Майнхоф (1977). Дочь искусствоведов еще в раннем детстве проявила недюжинные способности, которые предопределили ее профес-

[15] Распе К.-Я. (1934–1977) – западногерманский террорист, один из основателей «Фракции Красной Армии». Отец Распе был крупным фабрикантом. Правда, он умер до рождения сына, а сам Распе был вынужден перебраться с матерью из Восточного Берлина на Запад.

[16] Весселъ У. (1946–1975) – западногерманский террорист, член «Фракции Красной Армии». Отец У. Весселя был бизнесменом и миллионером.

сиональную карьеру. «В некоторых областях Майнхоф была более развитой, чем ее сверстники, в особенности, что касается литературы», – отмечает ее биограф К. Лехто-Блекерт [Lehto-Bleckert 2010, S. 70]. После окончания университета она стала одним из ведущих журналистов ФРГ.

Подобного рода картина в целом является достаточно типичной для левоэкстремистских и левотеррористических организаций в разных странах и на разных временных отрезках, начиная от российских народников и эсеров и заканчивая итальянскими «Красными бригадами» и латиноамериканскими крайне левыми, использующими террор для борьбы против диктаторских режимов.

Совсем другая ситуация наблюдается при изучении социального состава правоэкстремистских и вышедших из их рядов правотеррористических организаций. В отличии от своих левых визави их костяк составили выходцы из социальных низов или нижнего слоя среднего класса, как правило без академического образования. Это отчетливо видно на примере действовавшего с 1998 по 2011 г. на территории ФРГ «Национал-социалистического подполья». Уве Бёнхардт был сначала оставлен за неуспеваемость на второй год, а затем и вовсе исключен из школы за кражу. Беата Чепе также бросила обучение в школе после 10-го класса и работала на различных, как правило, низкоквалифицированных должностях. Сын профессора математики Йенского университета У. Мундлос выделялся среди других представителей правоэкстремистской сцены не только социальным происхождением, но и недюжинными способностями к естественным и техническим наукам. Однако связь с неонацистами и дальнейшая радикализация не позволили ему реализоваться на этом поприще [Белинский 2017, с. 147]. Исключение в этой картине составили правотеррористические организации, ядро которых образовывали действующие или отставные военные и полицейские (французская Секретная вооруженная организация, OAC, Nordkreuz и др.).

Это существенное отличие социальной базы левого и правого терроризма в ФРГ до недавнего времени несомненно требует серьезного осмысления. Можно предположить, что оно было обусловлено по меньшей мере двумя обстоятельствами. Во-первых, как показывает практика, интеллектуальная прослойка общества (профессура, СМИ, студенчество) в большей степени сочувствует либо левым, либо либеральным идеям, в то время как влияние правоэкстремистских, националистических идей было весьма ограничено. Во-вторых, нужно учитывать исторически-временной контекст, в котором действовали террористические группировки левого и правого толка.

Вторым существенным отличием между левыми и правыми террористическими организациями были гендерный вопрос. Для всего левого политического спектра, начиная от умеренных социал-демократов и заканчивая экстремистскими течениями, равенство полов и борьба против любой дискредитации женщин были одним из краеугольных камней их идеологии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в левоэкстремистских и террористических организациях, женщины составляли не только значительный процент ее членов (30–50%), но и занимали руководящие посты (У. Майнхоф, Г. Энслин)[17].

Совершенно иную картину мы видим в правоэкстремистских и правых террористических организациях, процент женщин в рядах которых был ничтожно мал. Подобное положение дел объяснялось патриархальными установками крайне правых, которые предполагали четкое разделение гендерных ролей, первенство мужчин в общественно-политической жизни и т. д. [Белинский, Хорольская 2023, с. 61–81]. Фигура Б. Чепе в «Национал-социалистическом подполье» является скорее исключением из общего неписаного правила. Впрочем, даже она играла в организации скорее второстепенную роль, обеспечивая тыловое прикрытие группы.

На идеологическом фронте

Детальный анализ идеологии и программ, действовавших на территории ФРГ левых и правых террористических организаций, наглядно показал как общие, родовые черты, так и серьезные отличия. В первую очередь левые и правые террористические организации объединяет отрицание либеральной демократии и ее основных институтов – парламентаризма, партий и т. д. С их точки зрения, она являет собой лишь ширму, которая, с одной стороны, создает иллюзию свободы и выбора, а с другой – помогает скрыть деятельность настоящих властителей страны (капиталистов, масонов, мирового правительства и т. д.). Тезис о «мнимости» народовластия в стране стал своего рода индульгенцией для оправдания: «Вооруженная борьба как высшая форма классовой борьбы проистекает из того факта, что господствующим классам необходимо обеспечить решающее влияние на рычаги власти и установить государственную монополию над ключевыми инструментами

[17] Здесь, впрочем, можно обратиться к российской истории и вспомнить фигуры С. Перовской, В. Засулич и М. Спиридоновой, которые играли важную роль в революционном движении.

власти – армией и полицией» [Rote Armee Fraktion 1997, S. 50]. Примечательно, что для обоих течений терроризма характерен антиамериканизм, это нашло свое прямое отражение в ряде терактов против американских военных на территории Западной Германии.

Второй отличительной чертой идеологии обеих течений является отрицание политического плюрализма и четкое разделение общества на угнетаемый «народ» (класс, нация) и его «врагов» (правительство, финансовый капитал, мигранты). Именно это поистине манихейское мировоззрение определило бескомпромиссный характер борьбы как левых, так и правых террористических группировок.

Третьей общей чертой, органично вытекающей из предыдущей, является восприятие себя как авангарда борьбы за освобождения общества от «гнета» системы. И, наконец, в-четвертых, для обеих форм терроризма характерна утопичность идеологии, которая была направлена на построение идеального общества. Ни построение коммунизма, ни создание этнически однородного «народного сообщества» не могло быть реализовано на практике. Впрочем, этот утопизм конечной цели «компенсировался» в глазах членов террористических организаций их борьбой с политической системой.

Вместе с тем между программами левых и правых террористических организаций ФРГ существовали серьезные различия, которые касались не только определения основного врага. Если фундамент идеологии «Фракции Красной Армии» и других левых террористических группировок в Западной Германии 1970–1980-х гг. – доведенный до крайности принцип равенства, отрицавший как государство, так и социальную структуру общества с ее делением на классы, то правоэкстремистские и правые террористические группировки априори исходили из существующего неравенства народов и рас.

Другим важным отличием между левым и правым терроризмом в ФРГ являлась степень разработанности идеологии и степень ее влияния на деятельность той или иной организации. В этом отношении левые далеко опережали своих визави из крайне правого лагеря, поскольку их идеологические концепты, несмотря на явную утопичность конечной цели, отличались достаточной разработанностью и детализированностью. Это обстоятельство объяснялось, с одной стороны, огромным влиянием латиноамериканских революционеров (Э. Че Гевара[18],

[18] В конце 1960-х гг. Э. Че Гевара выдвинул лозунг «Создать два, три, много Вьетнамов», в основе которого лежала идея формирования революционных очагов в различных частях мира. Такая стратегия должна была нивелировать военно-техническое превосходство США и их союзников.

Ж.К. Маригелла[19] и др.), оставивших большое теоретическое наследие, а с другой стороны, наличием в рядах левоэкстремистских организаций немалого количества интеллектуалов (У. Майнхоф), способных воспринять и адаптировать эти идеи. Высокая степень идеологизированности левых террористических организаций проявлялась в первую очередь в том, что почти каждое убийство и похищение представителя политического истеблишмента левые террористы сопровождали публичным заявлением, призванным обосновать перед общественностью мотивы своих действий. Лишь с конца 1980 – начала 1990-х гг. роль идеологической составляющей в действиях левых террористов начнет спадать, что объяснялось как сменой поколений внутри «Фракции Красной Армии», так наступившим после распада Советского Союза и социалистического лагеря в Восточной Европе общим кризисом коммунистической идеологии.

Нельзя утверждать, что правоэкстремистский лагерь, из которого вышли «Национал-социалистическое подполье», "Nordkreuz" и др., испытывал недостаток в теориях и концепциях борьбы против демократического государства, однако на уровне самих террористических организаций он без сомнения отступал на второй план. Так, например, осуществлявшее на протяжении многих лет убийства мигрантов по всей Германии «Национал-социалистическое подполье» руководствовалось принципом «Дела вместо слов» ("Taten statt Worten", нем.). Некое «пренебрежение» вопросами идеологии со стороны правых террористических организаций объяснялось не только невысоким уровнем образования их участников или симпатизантов, но и другой коммуникационной стратегией. В то время как левые террористы, требующие одобрения и поддержки (финансовой, кадровой, моральной) общества, были вынуждены идеологически обосновывать свои шаги, действующим в подполье правым экстремистам просто не нужно было подводить идеологический фундамент под свои преступления.

---

[19] Маригелла Ж.К. (1911–1969) – бразильский коммунист, революционер. Автор концепции городской герильи, которая должна была стать основой вооруженной борьбы. Написал учебник «Краткий учебник городской герильи», который был переведен на множество языков мира. Идеи Маригеллы получили широкое распространение в различных странах мира. В частности «Фракция Красной Армии», «Движение второго июня» и другие левые террористические группировки использовали концепцию городской герильи в борьбе с западногерманским государством.

В перекрестье прицела: стратегия и тактика левого и правого терроризма

При внешнем сходстве действий левых и правых террористических организаций – убийства политических врагов, финансирование организации за счет ограбления банков и периодические стычки с полицией, более детальное изучение их деятельности обнаруживает существенные различия. В первую очередь они касаются выбора жертв убийств или похищений. Если целью левых террористов становились преимущественно представители политического, экономического истеблишмента (председатель организации ХДС в Западном Берлине Петер Лоренц[20], президент Конфедерации немецких работодателей Ханс Мартин Шлейер[21]) или правоохранительной системы (генеральный прокурор ФРГ Зигфрид Бубак[22]), то жертвами правых террористов в подавляющем большинстве случаев были представители мигрантской общины или беженцы. Так, на счету все того же «Национал-социалистического подполья» было десять убийств (9 выходцев из Турции и Греции и женщина-полицейский) и два взрыва, осуществленных в мигрантских кварталах [Röpke, Speit 2013, SS. 8–9].

Впрочем, это различие в выборе объектов для атаки правых и левых террористов может быть достаточно условным. Так 19 мая 1972 г. в Гамбурге в небоскребе, принадлежащем концерну «Шпрингер», прогремели несколько взрывов, в результате которых ранение получили 17 рядовых сотрудников медиахолдинга. Ответственность за взрыв взяла на себя «Фракция Красной Армии», у которой были давние счеты с издательством Шпрингера. Отход от привычной стратегии демонстрировали и правые тер-

---

[20] Лоренц П. (1922–1977) – западногерманский политик от ХДС, кандидат на пост бургомистра Западного Берлина. В 1975 г. незадолго до выборов был похищен «Движением 2 июня», которое потребовало отпустить из тюрьмы леворадикальных активистов. В результате обмена был выпущен на свободу.

[21] Шлейер Х.М. (1915–1977) – немецкий предприниматель, президент Конфедерации немецких предпринимателей, бывший офицер СС. Был похищен членами «Фракции Красной Армии» в целях освобождения находящихся в тюрьме товарищей. После отказа властей вести переговоры с террористами, Шлейер был убит.

[22] Бубак З. (1920–1977) – генеральный прокурор ФРГ. Был застрелен в 1977 г. членами «Фракции Красной Армии» в качестве мести за смерть У. Майнхоф.

рористы, круг жертв которых после начала миграционного кризиса 2015–2016 гг. существенно расширился. В 2016 г. жертвой неонациста стала мэр Кёльна Хенриетте Рекер, а в 2019 г. правый террорист застрелил немецкого политика от ХДС Вальтера Любке. Все это наглядно свидетельствует о том, что объектами атаки могут стать представители совершенно разных социальных слоев.

Не менее важным различием является интенсивность совершаемых террористами убийств. Анализ деятельности действовавших на территории Западной Германии левых террористических группировок показывает, что, несмотря на уход левых экстремистов в подполье, в первое время они ограничивались ограблением банков и поджогом административных зданий и взятием заложников в целях последующего обмена на находившихся в тюрьме товарищей. При этом на первых порах левые террористические группировки старались избегать излишнего кровопролития, что, конечно, не исключало человеческих жертв, как это было с упомянутым выше взрывом в здании концерна Шпрингер или неудачным похищением. Радикализация «Фракции Красной Армии», «Движения 2 июня» или «Тупамарос Западного Берлина» происходила уже после ареста лидеров группировки или гибели ее членов в перестрелке с полицией. Так после того, как полиция застрелила 2 марта 1972 г. в Аугсбурге члена «Движения 2 июня» Т. Вайсбекера, его соратники организовали взрыв в здании криминальной полиции в Западном Берлине. Своего пика волна насилия достигла «немецкой осенью» 1977 г., когда оставшиеся на свободе члены «Фракции Красной Армии» организовали серию громких убийств и покушений, которые стали местью за гибель в тюрьме Штаммхайм основателей организации.

В этом отношении особняком стоит третье поколение «Фракции Красной Армии», действовавшее во второй половине 1980 – начале 1990-х гг. В отличие от основателей организации (У. Майнхоф, Г. Энслин, А. Баадер) эта генерация левых террористов отличалась высокой интенсивностью насилия. Журналист С. Сумленный в своей книге «Немецкая система. Как устроена Германия» дал ему такую характеристику: «После смерти основателей RAF террор стал более ожесточенным и бессмысленным. Убийцы уже не выдвигали никаких политических требований, их действия выглядели как чистое хладнокровное насилие. Радикализация действий “Фракции Красной Армии”, перешедших фактически к лишенному насилию ради насилия, очевидно, было обусловлено целым рядом обстоятельств – гибелью основателей организации, общим кризисом левой идеологии, делавшим даль-

нейшее существование организации бессмысленным отчаянием оставшихся на свободе боевиков, и т. д.»[23]

Совсем иная картина наблюдается при изучении деятельности правых террористических организаций, которые с самого начала прибегли к насилию в отношении к мигрантам и политическим оппонентам. Террористы не выдвигали политических требований, не брали заложников, не вступали в переговоры с властями, предпочитая сразу расправляться со своими врагами. «Члены группировки (группа Кюне, террористическая группировка 1970-х гг. – *А. Б.*) уделяли внимание анонимности. На месте преступлений они не оставляли ни политических деклараций, ни привлекали к себе внимание посредством взятия ответственности» [Gräfe 2018, S. 9]. Это различие в поведении правых и левых террористов вытекало, с одной стороны, из первоначально более агрессивного, милитантного характера правоэкстремистской среды, а с другой – разными конечными целями, которые ставили перед собой оба течения.

Левые террористические организации Западной Германии, совершая то или иное похищение или убийство, фактически преследовали двойную стратегию. С одной стороны, они посылали властям сигнал о необходимости выполнения своих требований (освобождение заключенных, месть за гибель товарищей, расправа над олицетворявшими систему чиновниками), а с другой – апеллировали к обществу в надежде сподвигнуть его на революцию или по крайней мере получить от него некоторую поддержку. И хотя на первых порах эта стратегия относительно успешно работала, однако после отказа властей от каких-либо переговоров с террористами, нарастающей жестокости и гибели случайных людей, которые отвернули от них даже прежних симпатизантов, она в конечном счете провалилась. А вкупе с общим идеологическим кризисом коммунистических идей это привело к маргинализации террористических организаций.

В случае же правых террористических и правоэкстремистских организаций их коммуникация была направлена исключительно против своих жертв. И хотя неонацистские группировки крайне редко брали на себя ответственность за совершенные преступления, представители мигрантских общин прекрасно осознавали, кто стоит за гибелью их земляков. В этой стратегии практически ис-

[23] Фактически деятельность третьего поколения «Фракции Красной Армии» представляла собой арьергардные бои зародившегося в конце 1960 – начале 1970-х гг. левого терроризма в ФРГ. Неслучайно в 1998 г. организация объявила о самороспуске, а оставшиеся ее члены постепенно перешли вернулись к мирной жизни, пусть и на нелегальном положении.

ключалась какая-либо коммуникация с органами государственной власти или общественностью, что позволяло тому же «Национал-социалистическому подполью» долгое время находиться в тени.

Формат жестко структурированной, подпольной организации, состоящей из нескольких десятков человек и опирающейся на сотни сторонников, и действовавшей на протяжении долгого времени, был вполне типичен для левых экстремистов Латинской Америки, Европы и России, но представлял до недавнего времени скорее исключение в крайне правом лагере. Созданное в 1998 г. тремя правыми экстремистами «Национал-социалистическое подполье» стало по сути первой правой террористической организацией, успешно действовавшей на протяжении многих лет нелегально. Попытки взять эту модель на вооружение предпринимались правыми экстремистами уже после разгрома организации, но ни одна пока не имела успеха. Гораздо более распространенной среди немецких крайнеправых и неонацистов был и остается терроризм «одиноких волков», а также неоформившиеся группировки (Teilzeit-Terroristen), периодически совершающие нападения на мигрантов или поджоги общежитий для беженцев.

Различия между правыми и левыми террористическими организациями проявляются и в налаживании горизонтальных связей с идейно близкими группировками. Ведущие отчаянную борьбу против западногерманского государства «городские партизаны» не только тесно сотрудничали между собой, но и успешно наладили контакты с зарубежными организациями, начиная от итальянских «Красных бригад» и «Фронта освобождения Палестины» и заканчивая Министерством государственной безопасности ГДР[24]. И хотя правые террористические группировки также поддерживали контакты в экстремистской среде, однако степень их кооперации никогда не достигала уровня «Фракции Красной Армии» на пике ее успехов.

Степень опасности

И, наконец, последним различием между ветвями терроризма в ФРГ до недавнего времени являлась разная степень восприятия угрозы со стороны право- и левоэкстремистских группировок органами государственной власти и политическими элитами ФРГ.

[24] Контакты левых террористов со «Штази» сводились к тому, что последняя предоставляла им убежище на территории ГДР и снабжала их новыми паспортами и работой.

Фактически вплоть до разгрома «Национал-социалистического подполья» осенью 2011 г., последовавшей во время миграционного кризиса 2015–2016 гг. волны нападений на беженцев из стран Ближнего востока правый терроризм находился в тени своего левого «собрата». Такая фатальная недооценка немецкими властями ультраправых и неонацистских группировок была продиктована целым рядом обстоятельств. Во-первых, создаваемая в разгар холодной войны и при участии бывших офицеров СС, СД и гестапо правоохранительная система Федеративной республики изначально была нацелена на борьбу с коммунистической угрозой (спецслужбы ГДР и СССР, КПГ). Во-вторых, главным противником правоохранительной системы ФРГ в 1970 – начале 1990-х гг. были левые террористические группировки, совершавшие на протяжении многих лет резонансные преступления. Во-вторых, жертвами «Фракции Красной Армии», «Движения 2 июня» и других левоэкстремистских организаций становились представители истеблишмента, бизнес-элиты или американские военные, что вызывало в правящих кругах ФРГ гораздо большее беспокойство, чем поджоги общежитий с мигрантами или нападения на левых активистов. И, наконец, в-третьих, долгое время в правоохранительных органах превалировало ошибочное мнение о неспособности правых экстремистов создать хорошо организованную, законспирированную организацию, способную систематически осуществлять террор. Дело «Национал-социалистического подполья» отчетливо продемонстрировало ошибочность этих утверждений.

Заключение

Во второй половине XX – начале XXI столетия ФРГ последовательно сталкивалась с несколькими волнами терроризма (левый террор 1970 – начала 1990-х гг., правый террор начала 1990–2010-х гг., совершенные исламистами теракты). Проведенный в рамках данной статьи сравнительный анализ левого и правого терроризма продемонстрировал как общие, родовые черты (основные этапы развития, отрицание либеральной демократии, утопичность политической программы и т. д.), как и серьезные различия (цели, тактика, социальный состав), порожденные как идеологическими факторами, так и конкретными историческими условиями.

В то время как костяк левых террористических организаций в ФРГ составили представители студенчества и левые интеллектуалы, правоэкстремистские и правотеррористические группировки вербовали своих сторонников преимущественно из нижнего сред-

него класса. Последнее обстоятельство определило разную степень идеологизированности обеих ветвей терроризма. Если «Фракция Красной Армии» или «Движение 2 июня» стремились подвести идеологическую базу под свои действия, то правые террористы руководствовались преимущественно принципом «действия вместо слов». Безусловно, это не означало отсутствие идеологического фундамента в действиях «Национал-социалистического подполья» или других террористических групп, однако на первое место выходили насильственные акции против политических оппонентов.

Различия стратегий левых и правых террористических организаций в ФРГ прослеживались и в выборе объектов атаки. Классовая и антиимпериалистическая борьба, которую вели левые экстремисты в 1970–1980-х гг. против западногерманского государства, определила в качестве мишени для их атак представителей политической и экономической элиты, американских военных, сотрудников правоохранительной системы. Главной целью правого терроризма в ФРГ были и остаются мигранты и иностранцы, которые рассматриваются неонацистскими и правоэкстремистскими группами как основной враг. Вместе с тем линия разграничения между обоими разновидностями терроризма является относительно условной, поскольку в последние годы жертвами правых террористов все чаще становятся немецкие политики и активисты общественных организаций.

И, наконец, главным, с нашей точки зрения, отличием между правым и левым терроризмом в ФРГ являлось разное восприятие государством и обществом степени опасности, исходившей от обоих разновидностей терроризма. Громкие покушения на видных представителей истеблишмента, публичность акций левых террористов, вкупе с ориентированностью западногерманской правоохранительной системы на борьбу с левым экстремизмом привело к недооценке угрозы со стороны крайне правых групп. Только после разгрома «Национал-социалистического подполья» в ноябре 2011 г. немецкие власти стали более серьезно относиться к правому терроризму.

Литература

Белинский 2017 – *Белинский А.В.* «Он снова здесь»: Дело «Национал-социалистического подполья» и угроза правого терроризма в Германии // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 4. С. 136–162.

Белинский, Хорольская 2023 – *Белинский А.В., Хорольская М.В.* «Перестройка» или тактика на службе стратегии? Женский вопрос в программах и практиках

праворадикальных популистов ведущих стран Западной Европы // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 4. С. 61–81.

Майнхоф 2004 – *Майнхоф У.* От протеста – к сопротивлению. М.: Гилея, 2004. 192 с.

Aust 2008 – *Aust S.* Der Baader-Meinhof-Komplex. Hamburg: Hoffmann und Campe, 2008. 894 S.

Gräfe 2018 – *Gräfe S.* Ein halbes Jahrhundert Rechtsterrorismus in der Bundesrepublik Deutschland – 1969 bis 2018. Dresden: Sächsischen Landeszentrale für politische Bildung (SLpB), 2018. 27 S.

Jüttner 2013 – *Jüttner J.* Der Nationalsozialistische Untergrund // Blut und Ehre. Geschichte und Gegenwart rechter Gewalt in Deutschland / Hg. A. Röpke, A. Speit. Berlin: Ch. Links Verlag, 2013. 288 S.

Lehto-Bleckert 2010 – *Lehto-Bleckert K.* Ulrike Meinhof: 1934–1976. Ihr Weg zur Terroristin. Marburg: Tectum Verlag, 2010. 720 S.

Pfahl-Traughber 2014 – *Pfahl-Traughber A.* Von den "Aktivisten" über die Kommunikation bis zur "Wirkung". Das AGIKOSUW-Schema zur Analyse terroristischer Bestrebungen / Institut für Sicherheitspolitik an der Universität Kiel // Jahrbuch Terrorismus 2013/14. Opladen, 2014. S. 401–424.

Rote Armee Fraktion 1997 – Rote Armee Fraktion. Texte und Materialien zur Geschichte der RAF. Mannheim: ID-Verlag, 1997. 544 S.

Röpke, Speit 2013 – Blut und Ehre. Geschichte und Gegenwart rechter Gewalt in Deutschland / Hg. A. Röpke, A. Speit. Berlin: Ch. Links Verlag, 2013. 288 S.

Virchow 2022 – *Virchow F.* Rechte Gewalt in Deutschland nach 1945 // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2022. No. 49–50. S. 10–14.

References

Belinskii, A.V. (2017), "He is here again": The case of the 'National Socialist Underground' and the threat of right-wing terrorism in Germany", *Urgent Problems of Europe,* no. 4, pp. 136–162.

Belinskii, A.V. and Khorolskaya, M.V. (2023), " 'Perestroika' or tactics in the service of strategy? The women's question in the programs and practices of right-wing populists of the leading countries of Western Europe"*, Urgent Problems of Europe,* no. 4, pp. 61–81.

Meinhof, U. (2004), *Ot protesta – k soprotivleniyu* [From protest to resistance], Gileya, Moscow, Russia.

Aust, S. (2008), *Der Baader-Meinhof-Komplex*, Hoffmann und Campe, Hamburg, Germany.

Gräfe, S. (2018), *Ein halbes Jahrhundert Rechtsterrorismus in der Bundesrepublik Deutschland – 1969 bis 2018*. Sächsische Landeszentrale für politische Bildung, Dresden, Germany.

Jüttner, J. (2013), "Der Nationalsozialistische Untergrund", in Röpke, A. and Speit, A., eds., *Blut und Ehre. Geschichte und Gegenwart rechter Gewalt in Deutschland*, Ch. Links Verlag, Berlin, Germany.

Lehto-Bleckert, K. (2010), *Ulrike Meinhof: 1934–1976. Ihr Weg zur Terroristin*, Tectum Verlag, Marburg, Germany.

Pfahl-Traughber, A. (2014), "Von den 'Aktivisten' über die Kommunikation bis zur "Wirkung". Das AGIKOSUW-Schema zur Analyse terroristischer Bestrebungen", in *Jahrbuch Terrorismus 2013/14*, Opladen, Germany, SS. 401–424.

Rote Armee Fraktion. Texte und Materialien zur Geschichte der RAF (1997), ID-Verlag, Mannheim, Germany.

Röpke, A. und Speit, A., Hg. (2013), *Blut und Ehre. Geschichte und Gegenwart rechter Gewalt in Deutschland*, Ch. Links Verlag, Berlin, Germany.

Virchow, F. (2022), "Rechte Gewalt in Deutschland nach 1945", *Aus Politik und Zeitgeschichte*, no. 49–50, SS. 10–14.

Информация об авторе

Андрей В. Белинский, кандидат политических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; belinskii_andrei@mail.ru

Information about the author

Andrei V. Belinskii, Cand. of Sci. (Political Sciences), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; belinskii_andrei@mail.ru

УДК 327:323.12(549.1)
DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-106-117

Социально-экономические факторы роста террористической угрозы в Пакистане

Алан Х. Джигкаев
Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия, alan4land@gmail.com

Аннотация. В Пакистане наблюдается устойчивый рост террористических атак, что делает страну одной из наиболее уязвимых в регионе с точки зрения безопасности. Статья посвящена анализу факторов, способствующих росту террористической угрозы в Пакистане, с особым вниманием к влиянию социально-экономических условий на радикализацию населения и террористическую активность. В работе исследуется взаимосвязь между экономическими кризисами, инфляцией, социальным неравенством и ростом угрозы терроризма. Основное внимание уделяется бедности, безработице и экономическому неравенству как ключевым факторам, стимулирующим радикализацию и привлечение молодежи в экстремистские группы.

Одним из ярких примеров такой динамики является Белуджистан, где экономические трудности и высокий уровень безработицы в сочетании с националистической риторикой способствуют росту насилия и напряженности. Особое внимание уделяется действиям террористической организации «Армия освобождения Белуджистана» (БЛА), которая использует социально-экономические проблемы для мобилизации местного населения и борьбы за независимость провинции.

Статья также детально анализирует экономические издержки терроризма для Пакистана, подчеркивая, как увеличение числа террористических атак подрывает экономику страны, ухудшает инфраструктурную и социальную обстановку, а также ведет к снижению инвестиционной привлекательности и международной репутации. Экономический ущерб от терроризма оценивается в миллиардах долларов, что ставит под угрозу развитие страны в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: Пакистан, угроза терроризма, социально-экономические факторы, евразийская безопасность

Для цитирования: Джигкаев А.Х. Социально-экономические факторы роста террористической угрозы в Пакистане // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 3. С. 106–117. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-106-117

© Джигкаев А.Х., 2025

Socio-economic factors behind the rise of terrorist threat in Pakistan

Alan H. Dzhigkaev
The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, alan4land@gmail.com

Abstract. Pakistan is experiencing a steady rise in terrorist attacks, positioning the country among the most vulnerable regions in terms of security. The article deals with a comprehensive analysis of the factors contributing to the growth of the terrorist threat in Pakistan, with a particular focus on the impact of socio-economic conditions on radicalization and terrorist activity. The author studies the relationship between economic crises, inflation, social inequality, and the rise in terrorist incidents. Special attention is given to poverty, unemployment, and economic disparity as key drivers of radicalization and youth recruitment into extremist groups.

A prominent example of this dynamic is Balochistan, where economic hardships and high unemployment, combined with nationalist rhetoric, fuel violence and tensions. Particular focus is made on the activities of the Balochistan Liberation Army (BLA), which exploits socio-economic grievances to mobilize the local population and advocate for the province's independence.

The article also provides an in-depth analysis of the economic costs of terrorism for Pakistan, highlighting how the increasing number of terrorist attacks undermines the country's economy, deteriorates infrastructure and social conditions, and reduces its investment appeal and international reputation. The economic damage from terrorism is estimated in billions of dollars, threatening Pakistan's long-term development prospects.

Keywords: Pakistan, terrorism threat, socio-economic factors, Eurasian security

For citation: Dzhigkaev, A.H. (2025), "Socio-economic factors behind the rise of terrorist threat in Pakistan", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 106–117, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-106-117

Введение

Нетрадиционные угрозы безопасности, такие как терроризм, снова выходят на первый план среди ключевых вызовов для мирового сообщества, и Пакистан стал одной из горячих точек этого роста.

Согласно данным цифровой базы инцидентов Южноазиатского портала по терроризму (SATP), в 2024 г. в Пакистане зарегистрировано 753 террористических атак, которые привели к гибели 575 мирных жителей и 689 сотрудников силовых структур. Этот год стал самым смертоносным с 2015 г., что указывает на дальнейшее ухудшение ситуации с безопасностью в стране[1].

Кроме того, тренд на ухудшение ситуации с террористической угрозой в Пакистане наблюдается последние 5 лет. Так, в 2019 г. было зарегистрировано 136 террористических атак, в 2020 г. – 193, в 2021 г. – 268, в 2022 г. – 365, в 2023 г. – 527, и уже 653 в 2024 г.[2]

Работа анализирует взаимосвязь между историческими событиями и современными социально-экономическими процессами, способствующими радикализации. Особое внимание уделяется влиянию бедности, безработицы, экономической маргинализации и неравенства на рост терроризма. Исследование также подчеркивает связь с эксплуатацией природных ресурсов и ростом террористической угрозы на примере Белуджистана.

Методология. Исследование базируется на историческом и региональном анализе, статистическом изучении террористической активности и оценке социально-экономических факторов. Применяются методы сравнительного анализа, позволяющие определить роль социально-экономических факторов в формировании террористической угрозы.

Исторический контекст развития террористической угрозы в Пакистане

Рассматривая причины, по которым Пакистан стал особо уязвим к угрозе терроризма, необходимо отметить этап войны в Афганистане (1979–1989 гг.), а именно поддержку США антисоветских группировок афганских беженцев на пакистанской территории. В этот период пакистанское руководство во главе с Зия-уль-Хаком [Ahmed 2013, pp. 89–90] проводило процесс исламизации страны, частью которого было поощрение медресе к пропаганде поддержки афганского сопротивления своих единоверцев в Афганистане, или, как его тогда называли, «афганского джихада» [Белокреницкий, Москаленко 2008, с. 345–346]. Это способствовало милитаризации

[1] South Asia terrorism portal. Pakistan – fatalities in terrorist violence. URL: https://www.satp.org/datasheet-terrorist-attack/fatalities/pakistan (дата обращения 18.12.2024).

[2] Ibid.

общества и укоренению религиозного экстремизма. Со временем выпускники этих медресе участвовали в афганской войне, а после ее завершения присоединились к ряду террористических организаций или создали собственные[3].

После террористических атак 11 сентября 2001 г. и последующего вторжения США в Афганистане и свержения режима «Талибана» большинство лидеров «Аль-Каиды»* и их сторонники укрылись в Пакистане. Исламабад тоже изменил свою политику, решив сотрудничать с Вашингтоном в борьбе против своих бывших союзников-радикалов. Это решение поддержать США в «войне с террором» вызвало резкое сопротивление, особенно в племенных районах, где скрывались многие моджахеды. Эти опытные боевики встали против пакистанского государства, так как увидели в его союзе с американцами предательство. Вследствие этого возникла запрещенная в России террористическая организация «Техрик-и-Талибан Пакистан» (ТТП), которая сформировалась из беглых членов «Аль-Каиды»*, талибов и местных экстремистов, объединившихся для борьбы с пакистанскими властями [Степанова 2010, с. 221–223].

В течение следующих двух десятилетий страна столкнулась с серьезными последствиями. Более 85 000 пакистанцев потеряли свои жизни, а экономический ущерб составил примерно 126,79 млрд долларов. Начало особенно тяжелого периода совпало с мировым финансовым кризисом. Пакистан также испытал экономические трудности в виде бюджетного дефицита, высокой инфляции (вплоть до 20%), оскудения золотовалютных резервов, остро ощущалась нехватка электроэнергии [Белокреницкий 2016, с. 81].

Именно в этот период в стране произошел самый крупный скачок террористических атак. Самым критичным в этом отношении стал 2014 г., когда количество терактов дошло до 2347, а жертв среди гражданского населения было около 2700[4] (рис. 1). Ситуация немного улучшилась лишь в 2009 г., после того как армия навела порядок в горном северо-западном ареале, однако вновь вскоре ухудшилась из-за ущербов от сильнейшего наводнения 2010 г.

---

[3] *Воскресенский А.Д.* Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные: учеб. пособие для вузов / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 230.

* Запрещенная в РФ террористическая организация.

[4] Ibid.

Рис. 1. Теракты в Пакистане (2006–2024 гг.)
Данные SATP

Социально-экономические факторы роста экстремизма

Высокий уровень опасности от террористических угроз в Пакистане тесно связан с социально-экономическими факторами, такими как бедность, безработица и неравенство доходов. Эти условия террористические организации используют для рекрутирования новобранцев, особенно из неблагополучных районов.

Взаимосвязь между экономическими рецессиями и ростом терроризма может быть представлена через различные теоретические подходы, анализирующие механизмы, лежащие в основе этого сложного взаимодействия. Одним из ключевых является предположение, что экономические спады усиливают социальные недовольства, что, в свою очередь, может приводить к росту политического насилия и терроризма [Gurr 2015, с. 13].

Стоит отметить, что утверждение не является общепринятым в области исследовании проблемы терроризма, так как были проведены исследования, по результатам которых не удалось выявить значимой корреляции между уровнями бедности и терроризма [Рязанов 2011, с. 104]. Однако более детальный анализ выявил, что показатели макроэкономической активности не отражают того, как люди переживают изменения в экономике. Кроме того, если агрегирование экономических показателей проводится на общенациональном уровне, то оно размывает важные внутристрановые различия. Этот момент особенно заметен для крупных географи-

чески и экономически разнообразных стран, таких как Индия и Пакистан[5].

Одним из основных выводов доклада «Программа развития ООН» 2017 г. также стало то, что экономические факторы могут быть существенными причинами для радикализации, ведущей к насильственному экстремизму[6]. При этом нельзя рассматривать их отдельно от других не менее важных причин, такие как продолжающиеся вооруженные конфликты и рост религиозного радикализма также свойственных для Пакистана [Shaikh 2009, p. 11].

Определенно не только люди, находящиеся за чертой бедности, совершают теракты. Ряд наиболее громких террористических атак был совершен людьми с высшим образованием, такими как летчики-террористы, осуществившие атаки 11 сентября, а также сам бывший лидер «Аль-Каиды»* Усама бен Ладен.

Экономические движущие силы терроризма особенно актуальны именно для Пакистана из-за сочетания в регионе постоянной бедности, социально-экономического неравенства и слабых структур управления, которые создают плодородную почву для экстремизма [Paul 2014, p. 13].

Бедность остается одним из важнейших факторов терроризма в Пакистане. Согласно исследованию уровня жизни и социальных стандартов в Пакистане (2019–2020 гг.), примерно 37,8% населения живут в бедности[7], в сельской местности, где не хватает базовой инфраструктуры, здравоохранения и образовательных учреждений. Существуют сведения, что террористические группы часто вербуют людей, предлагая финансовые стимулы, даже за незначительные преступления. Это больше всего работает с финансово уязвимыми людьми.

Со временем этих людей можно использовать для более серьезных задач, таких как целенаправленные убийства, установка самодельных взрывных устройств (СВУ), транспортная логистика

---

[5] *Omelicheva M., Webb C.* Economic crises and terrorism: Analyzing competing economic pressures on terrorism in Russia // Journal of Global Security Studies. 2021. Vol. 6. No. 3. P. 17.

[6] *Merz F.* United Nations development programme: Journey to extremism in Africa. N.Y., 2017 // SIRIUS – Zeitschrift für Strategische Analysen. 2018. Vol. 2. No. 2. P. 202–203.

[7] Pakistan social and living standards measurement survey (2019–20). (2021). Pakistan Bureau of Statistics, Ministry of Planning Development & Special Initiatives (p. 645). URL: https://www.pbs. gov.pk/sites/default/files//pslm/publications/pslm_district_2019-20/PSLM_2019_20_District_Level.pdf (дата обращения 05.12.2024).

и, при правильных стимулах, даже совершение атак смертников. Сельское население, особенно в Синде, Белуджистане и Южном Пенджабе особенно уязвимо к такого рода «подкупу» [Zaidi, Abbasi, Hayat 2024, p. 13].

Безработица еще больше усугубляет проблему. Отсутствие возможностей трудоустройства для молодежи Пакистана, особенно тех, у кого есть образование, но нет перспектив трудоустройства, порождает разочарование и чувство несправедливости. Это особенно свойственно для районов таких городов, как Карачи и Кветта, где безработные люди часто вступают в экстремистские организации за финансовое вознаграждение, идеологические нарративы и даже чувство принадлежности к группе[8].

Другим важным социально-экономическим фактором выступает резкое повышение цен на товары и услуги. В период с 2020 по 2023 г. в Пакистане наблюдался резкий рост инфляции, что значительно подорвало покупательную способность миллионов граждан. Одновременно увеличилось и количество террористических атак. В 2024 г. динамика инфляции и террористической активности изменилась: экономическая ситуация улучшилась, но число терактов продолжило расти. Эти данные свидетельствуют об отсутствии прямой зависимости между уровнем инфляции и активностью террористических групп, однако указывают на возможность их косвенной связи.

Влияние инфляции на терроризм можно объяснить следующим образом: рост цен на товары первой необходимости ухудшает условия жизни, особенно для низших и средних классов. В условиях экономического кризиса экстремистские группы используют нарратив, представляющий государство как виновника экономических проблем, что позволяет им обращаться к уязвимым слоям общества. Такое состояние общества облегчает вербовку среди тех, кто не видит перспектив улучшения своего положения.

Взаимосвязь между эксплуатацией ресурсов и вооруженными конфликтами также подчеркивает роль социально-экономических факторов в формировании терроризма. Эксплуатация природных ресурсов национальными или иностранными структурами без достаточных выгод для местного населения создает недовольство, которое повстанческие группы используют для оправдания своих действий и мобилизации поддержки.

Пакистану необходимо больше сосредоточиться на потребностях своей молодежи. Пакистанцы в возрасте до 30 лет составляют 64% населения страны, насчитывающего около 220 млн человек, и

[8] Ibid. P. 12.

ожидается, что к 2050 г. их число вырастет до 280 млн[9]. Это демографическая группа, которая больше всего вовлечена в терроризм, а также группа, которая больше всего становится его жертвами.

Крайне важно создать образовательную программу в Пакистане, которая привьет молодежи критическое мышление, чтобы позволить им глубже воспринимать различные идеи и философии, а не слепо верить пропаганде радикалов. Такое образование также создаст возможности для трудоустройства, помогая смягчить один из других факторов, подпитывающих экстремизм. На данный же момент большое количество пакистанских детей учится в незарегистрированных религиозных учебных заведениях (медресе), которые часто становятся рупором пропаганды для радикальных религиозных групп[10].

Экономические мотивы в террористической активности в Белуджистане

Ярким примером перечисленных факторов является ситуация в Белуджистане – самой богатой природными ресурсами, но наименее развитой провинции Пакистана. «Армия освобождения Белуджистана» (БЛА), одна из крупнейших террористических группировок региона, выступает за независимость провинции, применяя насильственные методы для достижения своих целей. БЛА заявляет, что федеральное правительство эксплуатирует природные богатства Белуджистана, игнорируя интересы местного населения.

В августе 2024 г. БЛА провела серию нападений в рамках так называемой операции «Харуф», в результате которых погибло не менее 70 человек. Атаки были направлены как на стратегические объекты, так и на гражданских лиц, включая рабочих из других провинций Пакистана. БЛА активно выступает против трудоустройства в Белуджистане людей не из белуджей, объясняя это высоким уровнем безработицы среди местного населения. Согласно отчету

---

[9] Converting the young population of Pakistan into an asset // Insight. URL: https://issra.pk/pub/insight/2023/converting-youth-asset/Converting-the-Young-Population-of-Pakistan-into-an-Asset.html#:~:text=According%20to%20the%20United%20Nations,of%2015%20and%2029%20years (дата обращения 18.12.2024).

[10] *Arif M.I.A.M., Rahman N.H.A., Hanapi H.* Madrasah education system and terrorism: Reality and misconception // International Journal of Educational Best Practices. 2017. Vol. 1. No. 1. P. 83–92.

за 2021 г., уровень безработицы в Белуджистане составлял около 9,13%, что значительно превышает средний показатель по стране[11].

БЛА использует социально-экономические факторы в сочетании с националистической риторикой, утверждая, что исключение неместных работников необходимо для защиты экономических интересов и культурной идентичности белуджского народа. Эти опасения усиливаются на фоне крупных инфраструктурных проектов, таких как китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК), который может привести к притоку рабочей силы из других регионов и потенциальной маргинализации коренного населения.

Терроризм в провинции вызван не только уязвимой экономической ситуацией, но и усугубляет экономические перспективы. БЛА стремится дестабилизировать регион и сорвать реализацию КПЭК – ключевого элемента инициативы «Один пояс – Один путь» (ОПОП). В 2024 г. китайские рабочие дважды становились целями террористических атак. В марте в результате взрыва в Хайбер-Пахтунхве погибли пять граждан Китая. 6 октября колонна с китайскими инженерами была атакована в Карачи, в результате чего погибли два человека. Ответственность за оба теракта взяла на себя БЛА.

Эти атаки не только подрывают жизненно важные проекты развития, но и посылают сигнал о том, что инвестиционная атмосфера в провинции крайне неблагоприятная, что негативно сказывается на ее экономическом развитии.

Экономические издержки терроризма имеют далеко идущие последствия, влияя на инфраструктуру Пакистана, инвестиционный климат и общее развитие. Согласно отчету министерства финансов Пакистана от 2018 г., за 20 лет войны с терроризмом, включая худшие годы, о которых говорилось ранее, страна понесла 126 миллиардов долларов экономических потерь[12]. Кроме того, терроризм серьезно подорвал международную репутацию Пакистана, сократив прямые иностранные инвестиции и препятствуя туризму. Эти экономические издержки еще больше усугубили бедность,

---

[11] Unemployment in Balochistan // The Nation. URL: https://www.nation.com.pk/25-Jun-2024/unemployment-in-balochistan#:~:text=The%20labor%20force%20survey%20of,in%20Pakistan%2C%20reaching%209.13%25 (дата обращения 18.12.2024).

[12] Impact of war in Afghanistan and ensuing terrorism on Pakistan's economy // Ministry of Finance, Pakistan. URL: https://www.finance.gov.pk/survey/chapters_15/Annex_IV_War_on_Terror.pdf (дата обращения 18.12.2024).

безработицу и социальную незащищенность. Новый скачок терроризма, если его не остановить своевременно, может снова привести Пакистан к этим проблемам.

Заключение

Исследование показало, что терроризм в Пакистане представляет собой многогранную проблему, обусловленную целым рядом факторов, среди которых значительное влияние оказывают социально-экономические условия, такие как бедность, безработица и неравенство. Хотя эти факторы не всегда прямо приводят к росту террористической активности, они создают социально-экономические предпосылки для радикализации, что, в свою очередь, способствует увеличению числа сторонников экстремистских организаций. Особенно остро это проявляется в экономически неблагополучных регионах, где экстремистские группы эффективно используют экономическое недовольство и ощущение социальной несправедливости для мобилизации новых рекрутов.

Экономическая депривация, особенно в сельской местности и в социально уязвимых группах, является важным фактором, способствующим росту экстремизма. Эти районы, часто не имеющие доступа к качественному образованию и здравоохранению, становятся мишенью для экстремистских групп, которые обещают не только материальные блага, но и ощущение цели и значимости. Особенно подвержены радикализации молодежные группы, которые сталкиваются с высокими уровнями безработицы и отсутствием возможностей для самореализации.

Кроме того, в условиях экономического кризиса и социальной нестабильности экстремистские организации могут использовать экономические проблемы для своей пропаганды, направленной против государства и его политики. Растущие уровни инфляции, нехватка рабочих мест и базовых социальных услуг усиливают чувство несправедливости и недовольства, что приводит к росту политической нестабильности и увеличению числа террористических атак.

Таким образом, хотя социально-экономические факторы не имеют прямой корреляции с ростом террористической угрозы в Пакистане, они оказывают существенное влияние на ее усиление, создавая условия, способствующие распространению экстремизма. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода к решению проблемы терроризма в стране.

Литература

Белокреницкий 2016 – *Белокреницкий В.Я.* Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток: Избранные публикации 2008–2016 гг. / отв. ред. В.В. Наумкин. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2016. 712 с.

Белокреницкий, Москаленко 2008 – *Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н.* История Пакистана: XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2008. 573 с.

Рязанов 2011 – *Рязанов Д.С.* Бедность и безработица как факторы терроризма // Полития. 2011. № 4 (63). С. 104–111.

Степанова 2010 – *Степанова Е.А.* Терроризм в асимметричном конфликте: идеологические и структурные аспекты. М.: Научная книга, 2010. 288 с.

Ahmed 2013 – *Ahmed R.* Pakistan: The garrison state – origins, evolution, consequences (1947–2011). Oxford: Oxford University Press, 2013. 494 p.

Gurr 2015 – *Gurr T.R.* Why men rebel. Philadelphia: Routledge, 2015. 446 pp.

Paul 2014 – *Paul T.V.* The warrior state: Pakistan in the contemporary world. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2014. 254 p.

Shaikh 2009 – *Shaikh F.* Making sense of Pakistan. N.Y.: Columbia University Press, 2009. 273 p.

Zaidi, Abbasi, Hayat 2024 – *Zaidi S.M.S., Abbasi S.N., Hayat M.U.* Understanding the rise in violent extremism in Pakistan through the lens of securitization theory // Asian Journal of Political Science. 2024. P. 1–25.

References

Ahmed, R. (2013), *Pakistan: The garrison state – origins, evolution, consequences (1947–2011)*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Belokrenitskii, V.Ya. (2016), *Pakistan, Yuzhnaya Aziya, islamskii mir, Vostok: Izbrannye publikatsii 2008–2016 gg.* [Pakistan, South Asia, the Islamic world, the East: Selected publications 2008–2016], Institut vostokovedeniya RAN, Moscow, Russia.

Belokrenitsky, V.Ya. and Moskalenko, V.N. (2008), *Istoriya Pakistana. XX vek* [History of Pakistan. 20th century], IV RAN, Kraft+, Moscow, Russia.

Gurr, T.R. (2015), *Why men rebel*, Routledge, Philadelphia, USA.

Paul, T.V. (2014), *The warrior state: Pakistan in the contemporary world*, Oxford University Press, Oxford, New York, USA.

Ryazanov, D.S. (2011), "Poverty and unemployment as factors of terrorism", *Politiya*, vol. 63, no. 4, pp. 104–111.

Shaikh, F. (2009), *Making sense of Pakistan*, Columbia University Press, New York, USA.

Stepanova, E.A. (2010), *Terrorizm v asimmetrichnom konflikte: ideologicheskie i strukturnye aspekty* [Terrorism in asymmetric conflict: Ideological and structural aspects], Nauchnaya kniga, Moscow, Russia.

Zaidi, S.M.S., Abbasi, S.N. and Hayat, M.U. (2024), "Understanding the rise in violent extremism in Pakistan through the lens of securitization theory", *Asian Journal of Political Science*, October, pp. 1–25.

Информация об авторе

Алан Х. Джигкаев, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12; alan4land@gmail.com

Information about the author

Alan H. Dzhigkaev, The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 12, Rozhdestvenka St., Moscow, Russia, 107031; alan4land@gmail.com

УДК 327(470+571+476)
DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-118-138

Внешнеполитический аспект интеграционных патриотических мероприятий Союзного государства

Игорь В. Бахлов
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия, bahlov@mail.ru

Ольга В. Бахлова
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия, olga.bahlova@mail.ru

Аннотация. Союзное государство Беларуси и России как интеграционный формат в современных условиях обретает особый геоцивилизационный смысл. Расширение его повестки и спектра интеграционных мероприятий корреспондирует с содержанием и тенденциями трансформации мироустройства глобального и регионального масштаба, включая аксиологический аспект, усложнением вызовов и угроз, коренящихся во внутреннем и внешнем измерениях. Настоящее исследование ориентировано на выявление основных ориентиров и сюжетов взаимодействия России и Беларуси в сфере патриотического воспитания на уровне Союзного государства и верификацию его потенциала в специфической внешней среде с учетом динамики интеграционного развития. Теоретико-методологические рамки образуют многоуровневый системный анализ, качественный и формализованный анализ документов – материалов интернет-ресурсов Союзного государства, диахронный и синхронный анализ патриотических мероприятий; идеи «общего Отечества», «анти-мягкой силы», «кризисной» и цивилизационной геополитики. Показана динамика количественных и качественных параметров в данной области. Акцентирована специфика аргументации патриотических инициатив и мероприятий посредством апелляций к общим ценностям стран и народов Союзного государства и усиливающемуся внешнему давлению. Артикулирован историко-патриотический вектор, сопрягающийся с особенностями позиционирования России и Беларуси как протагонистов исторической правды о Второй

© Бахлов И.В., Бахлова О.В., 2025

мировой войне. Аргументированы тезисы о важности имиджевой, нормативной и ценностной составляющих в постепенно конструируемой союзной политике патриотического воспитания.

Ключевые слова: анти-мягкая сила, внешние вызовы и угрозы, историческая память, патриотическое воспитание, противодействие фальсификации истории, российско-белорусская интеграция, Союзное государство

Для цитирования: *Бахлов И.В., Бахлова О.*В. Внешнеполитический аспект интеграционных патриотических мероприятий Союзного государства // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 3. С. 118–138. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-118-138

The foreign policy aspect of the integration patriotic activities of the Union State

Igor V. Bakhlov
National Research Mordovia State University, Saransk, Russia, bahlov@mail.ru

Olga V. Bakhlova
National Research Mordovia State University, Saransk, Russia, olga.bahlova@mail.ru

Abstract. The Union State of Belarus and Russia as an integration format in modern conditions acquires a special geo-civilizational meaning. The expansion of its agenda and the range of integration activities correspond to the content and trends of transformation of the world order on a global and regional scale, including the axiological aspect, the complexity of challenges and threats rooted in internal and external dimensions. The present study is aimed at identifying the main landmarks and subjects of interaction between Russia and Belarus in the field of patriotic education at the level of the Union State and verifying its potential in a specific external environment with regard to the dynamics of integration development. The theoretical and methodological frameworks form a multi-level system analysis, a qualitative and formalized analysis of documents and materials of the Internet resources of the Union State, a diachronic and synchronous analysis of patriotic events; the ideas of a "common Motherland", "anti-soft power", "crisis" and civilizational geopolitics. The dynamics of quantitative and qualitative parameters in the field is shown. The article emphasizes the specifics of the argumentation of patriotic initiatives and events through appeals to the common values of the countries and peoples of the Union State

and the increasing external pressure. The historical and patriotic vector is articulated in conjugation with the specifics of positioning Russia and Belarus as protagonists of the historical truth about the World War II. The authors argue theses on the importance of image, normative and value components in the gradually constructed union policy of patriotic education.

Keywords: anti-soft power, external challenges and threats, historical memory, patriotic education, countering the falsification of history, Russian-Belarusian integration, Union State

For citation: Bakhlov, I.V. and Bakhlova, O.V. (2025), "The foreign policy aspect of the integration patriotic activities of the Union State", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series,* no. 3, pp. 118–138, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-118-138

Введение

Международная обстановка вокруг Союзного государства (СГ) Беларуси и России продолжает оставаться сложной, особенно на западном направлении. На протяжении длительного времени страны-участницы СГ неоднократно выражали озабоченность по поводу наращивания военного присутствия НАТО вблизи их границ. Российская Федерация и Республика Беларусь находятся под санкционным давлением со стороны коллективного Запада, фактически ведущего гибридную войну. Ее составная часть – информационное противоборство, включающее распространение определенных трактовок политических конструктов и феноменов не только настоящего, но и прошлого. Константой международных отношений выступают «войны памяти», характерные для политических коммуникаций РФ, РБ, евроатлантических стран и объединений. Их артикуляция примечательна и в ходе эскалации украинского кризиса. Приведем одно из мнений в духе концепции «мнемонической (мемориальной) дипломатии», которая может быть привлечена для объяснения некоторых аспектов анализируемой проблематики: «негативный символический капитал международного конфликта» используется прежде всего «для духовной мобилизации собственного населения и укрепления структур господствующего дискурса» [Нагорная 2020, с. 97]. Актуализация противодействия странами-участницами СГ трансляции извне и утверждению деструктивных нарративов обусловливает обращение к возможности применения разных типов политики в контексте анти-мягкой силы. Придерживаемся в данном случае ее трактовки А.А. Фененко [Фененко 2020, с. 66].

Акцентируем значимость исследования взаимосвязанных вопросов в ракурсе «кризисной геополитики». Разделяем точку зрения М.А. Неймарка, согласно которой переломное состояние мировой политики воплощается во всеобъемлющей совокупности разноуровневых кризисов [Неймарк 2023, с. 12]. Кризисные процессы и явления обнаруживаются и в аксиологической плоскости. Неслучайно соответствующие положения были введены в официальные документы РФ, РБ и СГ (в Военную доктрину СГ 2021 г., Концепцию информационной безопасности СГ 2023 г., Концепцию безопасности СГ 2024 г. и др.). Важными видятся фокусировка на цивилизационной геополитике, анализ с ее позиций фундаментально-ценностного уровня международных отношений, культурно-цивилизационных платформ существующих союзов, их перспектив [Киселев 2023, с. 28]. С.И. Бойко рассматривает СГ как пример сопротивления доминированию западной цивилизации [Бойко 2015, с. 76]. Союзное государство по праву воспринимается как многомерный интеграционный проект, базирующийся на общих ценностях [Громыко 2022]. Однако до их кодификации СГ пока далеко.

Союзное государство как интеграционный формат вызывает выраженный исследовательский интерес, хотя в разное время наблюдалась различная расстановка смысловых и прочих акцентов. Так, на рубеже 2010–2020-х гг. некоторые авторы склонялись к скептическим и даже пессимистическим оценкам сложившегося состояния и будущего СГ. Аргументировались кризис СГ [Суздальцев 2020], реверсивный характер российско-белорусской интеграции [Потапцева 2021] и пр. На современном этапе происходит поворот к более оптимистическим суждениям. Не в последнюю очередь он корреспондирует с масштабированием вызовов и угроз для СГ, РФ и РБ. Российскими и белорусскими авторами при этом артикулирован внешний фактор [Вардомский 2024; Захаров 2024; Малышев 2024; Мухаева 2023]. Б.А. Шмелев резюмирует: СГ «представляет сегодня наиболее продвинутый на постсоветском пространстве интеграционный проект, позволяющий обеим странам выдерживать давление со стороны Запада» [Шмелев 2024, с. 53). В то же время в ряде польских изданий прослеживается попытка дезавуирования российско-белорусского сближения [Olędzka, Polovyi 2023; Usov 2020].

Внешний фактор интерпретируется и как один из главных для актуализации ценностной проблематики и предметно – политики патриотического воспитания [Бахлова, Бахлов, Уляшкина 2023; Цыганкова 2024]. Укажем на внимание к проблематике патриотической социализации молодежи РФ и РБ в контексте

обеспечения духовного суверенитета, отношения к общей истории и пр. [Храмцова, Ерофеева 2023]. Авторы обращаются к патриотическим инициативам, предназначенным прежде всего для молодежи и направленным на сохранение исторической памяти. С идеалистической точки зрения отечественные исследователи предлагают сфокусироваться на осознании гуманистической сущности конструктивного патриотизма и интернационализма [Поломошнов, Поломошнов 2024].

Требуются углубление концептуализации взаимодействия РФ и РБ в формате СГ в сфере патриотического воспитания с учетом тесной взаимосвязи комплекса факторов, включая внешний, систематизация и идентификация достижений и, напротив, пробелов, просчетов и уязвимостей. Наша гипотеза следующая: чрезвычайное обострение ситуации на внешнем контуре не просто стимулирует активность субъектов политики патриотического воспитания в рамках СГ и повышение внимания стран-участниц к данному направлению, но и способствует институционализации ценностного измерения союзного строительства, качественно расширяя его наполнение, как и российско-белорусской интеграции в целом. Цель – выявить основные ориентиры и сюжеты взаимодействия РФ и РБ в сфере патриотического воспитания на уровне Союзного государства и верифицировать его потенциал в специфической внешней среде с учетом динамики интеграционного развития.

Своего рода опорой здесь выступает идея «общего Отечества» («два государства (Российская Федерация и Республика Беларусь) – одно Отечество»). Налицо отсылки к общему историческому прошлому, в первую очередь советскому с приданием ему позитивных смыслов. Для обеих сторон принципиально важны тема подвига советского народа в Великой Отечественной войне и опровержение фальсификаций на этой почве. Для Республики Беларусь также – конституирование государственности (БССР в составе СССР[1]). Хотя в РБ и в РФ немало противоречий и рассогласований (различные интерпретации истоков государственности, неоднозначное отношение к идеологии и пр.). В настоящем упомянутая конструкция способна отчасти усилить импульсы к политической интеграции РФ и РБ.

[1] Лукашенко: с рождением БССР Беларусь впервые обрела законный политический и юридический статус // БЕЛТА. 2018. 2 июля. URL: https://www.belta.by/president/view/lukashenko-s-rozhdeniem-bssr-belarus-vpervye-obrela-zakonnyj-politicheskij-i-juridicheskij-status-309025-2018 (дата обращения 01.02.2025).

Эмпирическую базу исследования составили материалы интернет-ресурсов СГ (Информационно-аналитического портала Союзного государства и др.), новостные сообщения информационных агентств РФ и РБ (РИА Новости, БЕЛТА), иных средств массовой информации («Беларусь сегодня», «Российская газета»). Использовались данные официальных сайтов органов государственной власти, справочных правовых систем РФ и РБ.

В качестве главных выступали методы политической диагностики (наблюдение, анализ документов). Анализировались тексты, размещенные на интернет-ресурсах СГ, отобранные с помощью инструмента поискового запроса с ключевыми словами «патриотическое воспитание». Исследовательская матрица опирается на многоуровневый системный анализ. Проведен диахронный и синхронный анализ событийных данных (союзных патриотических мероприятий). В фокусе внимания – 2020–2024 гг., что объясняется концентрацией принципиально важных решений и инициатив, способствовавших приданию позитивной динамики российско-белорусской интеграции и реактуализации СГ как интеграционного формата – не только для стран-участниц, но и для региона Содружества, поддержания стабильности и безопасности в более широких пространственных пределах.

Патриотические мероприятия в рамках Союзного государства: тематика и финансирование

Патриотический контент Информационно-аналитического портала Союзного государства в указанный период является довольно насыщенным (табл. 1).

Материалы, включенные в общее количество, затрагивают вопросы, связанные с проблематикой патриотического воспитания в двух измерениях, – внутригосударственном (российском и белорусском) и союзном. Выделены тексты, непосредственно посвященные формированию и продвижению союзной патриотической повестки. Превалирует поступательная динамика как в абсолютном выражении, так и процентном соотношении. С другой стороны, данные за 2024 г. показывают уменьшение соответствующих числовых значений. Это можно связать как с трудностями конституирования союзной политики патриотического воспитания, так и с прохождением вероятного пика сближения РФ и РБ под влиянием внешних вызовов и угроз. С другой стороны, материалы ресурсов Постоянного комитета СГ и Парламентского собрания (ПС) Сою-

за Беларуси и России демонстрируют несколько иную картину. Но в целом данный маркер нельзя идентифицировать как полностью и однозначно свидетельствующий о позитивной интеграционной динамике.

Таблица 1

Количественные индикаторы патриотического контента Информационно-аналитического портала Союзного государства

Год	Общее количество публикаций, ед.	Количество публикаций в русле союзной патриотической повестки, ед./%
2020	19	12 / 63
2021	69	49 / 71
2022	75	60 / 80
2023	112	97 / 87
2024	80	47 / 59
Итого	355	265 / 75

Источник: таблица составлена авторами на основе данных Информационно-аналитического портала Союзного государства. (https://soyuz.by/search?query=патриотическое%20воспитание&sort=date).

Содержательно характерен охват публикациями широкого тематического спектра. Основные сюжеты: историческое наследие Великой Победы, сохранение исторической памяти и защита исторической правды; культурная и духовная общность народов России и Беларуси, общие ценности; межрегиональное сотрудничество (культурно-гуманитарные связи); патриотическое воспитание молодежи, подготовка к военной службе; патриотический туризм; развитие инфраструктуры патриотического воспитания (строительство и реставрация мемориальных сооружений, создание военно-патриотических клубов); совместное противодействие внешнему деструктивному влиянию; взаимодействие государства и церкви, роль РПЦ в духовно-патриотическом воспитании детей и молодежи; формирование союзного образовательного пространства.

Патриотическая повестка на уровне СГ корреспондирует на текущем этапе с различными направлениями союзного строительства и общими задачами по преодолению негативных последствий внешнего воздействия (в информационной, культурно-гуманитар-

ной, экономической и иных сферах). Многие сюжеты коррелируют с историко-патриотическими мероприятиями. Явно выражено внимание к мемориализации. Негативные события за рубежом (например, разрушение памятников советским воинам в Польше, Прибалтике, на Украине) усиливают стремление РФ и РБ делать акцент на увековечивании памяти защитников Отечества. В названный период его ярко иллюстрируют завершение при финансовой поддержке СГ первого этапа реставрации Брестской крепости и открытие Ржевского мемориала советскому солдату.

Брестская крепость в союзном пространстве наделяется особым символическим значением. Ей посвящается большое количество публикаций на ресурсах СГ. Отметим продолжающийся характер решений и мероприятий в данной области. Примечательно решение Совета министров СГ от 21 мая 2024 г., утвердившее союзный проект, рассчитанный на 2024–2026 гг. Его финансирование составит около 500 тыс. рос. руб. В описании проекта подчеркивается, что Брестская крепость является центром патриотического, духовного и нравственного формирования личности[2]. Упомянем о предложениях союзных парламентариев расширить финансирование из бюджета СГ работ по сохранению памятных мемориалов[3]. Несколько «пробуксовывает» придание официального союзного статуса такому актуальному проекту, как «Капитальный ремонт, реставрация сооружений Республиканского центра патриотического воспитания молодежи на базе Кобринского укрепления Брестской крепости-героя». Молодежный патриотический центр РБ был создан в крепости в 2018 г., позже он был преобразован в республиканский центр. Центр фактически трактуется как союзный; Госу-

[2] О проекте Союзного государства «Капитальный ремонт, реставрация, реконструкция, музеефикация сооружений Брестской крепости в мемориальном комплексе “Брестская крепость-герой”»: Постановление Совета министров Союзного государства № 15 от 20.05.2024 // Информационно-аналитический портал Союзного государства. URL: https://soyuz.by/projects/resheniya-zasedaniy-gruppy-vysokogo-urovnya/postanovlenie-ot-20-maya-2024-g-15-o-soyuznom-proekte-kapitalnyy-remont-restavraciya-rekonstrukciya-muzeefikaciya-sooruzheniy-brestskoy-kreposti-v-memorialnom-komplekse-brestskaya-krepost-geroy (дата обращения 01.02.2025).

[3] Парламентарии предложили финансировать работы по сохранению памятных мемориалов из бюджета СГ // Информационно-аналитический портал Союзного государства. 2023. 1 марта. URL: https://soyuz.by/realizaciya-soyuznyh-programm-i-proektov/parlamentarii-predlozhili-finansirovat-raboty-po-sohraneniyu-pamyatnyh-memorialov-iz-byudzheta-sg (дата обращения 01.02.2025).

дарственный секретарь СГ Д.Ф. Мезенцев еще в 2021 г. заметил, что он «будет центром патриотического воспитания для нашей страны и для братской республики»[4]. Определенные подвижки здесь есть, в частности, что касается привлечения студенческих отрядов из РБ и РФ[5]. Однако промедление с завершением его институционализации под эгидой СГ демонстрирует принципиальные сложности в согласовании подходов стран-участниц в сфере патриотического воспитания.

Точные суммы финансирования патриотических мероприятий в течение всего исследуемого периода и на текущий момент определить достаточно затруднительно: с 2022 г. в документах свободного доступа отсутствует информация о постатейной разбивке расходов СГ. Детализация возможна за период 2020–2021 гг. (табл. 2).

Таблица 2

Финансирование ежегодных патриотических мероприятий из бюджета Союзного государства в 2020–2021 гг.[6]

Год	Общий объем финансирования (млрд рос. руб.)	Объем финансирования ежегодных патриотических мероприятий (млн рос. руб.)
2020	5521,5	66,7
2021	4667,6	72,2

[4] Тезисы выступления Госсекретаря СГ «О Союзном бюджете – 2022» на сессии Парламентского собрания // Информационно-аналитический портал Союзного государства. 2021. 31 дек. URL: https://soyuz.by/novosti-soyuznogo-gosudarstva/tezisy-vystupleniya-gossekretarya-na-sessii-parlamentskogo-sobraniya-po-voprosu-o-byudzhete-soyuznogo-gosudarstva-na-2022-god (дата обращения 01.02.2025).

[5] Отряд Союзного государства поможет построить центр в Брестской крепости // РИА Новости. 2024. 4 марта. URL: https://ria.ru/20240304/tsentr-1931052806.html (дата обращения 01.02.2025).

[6] На какие проекты и программы пойдут союзные деньги? Публикуем бюджет Союзного государства на 2021 год // Российская газета. 2021. 24 марта. URL: https://rg.ru/2021/03/24/na-kakie-proekty-i-programmy-pojdut-soiuznye-dengi-publikuem-biudzhet-soiuznogo-gosudarstva-na-2021-god.html?ysclid=ludwbh4wtz726430180 (дата обращения 01.02.2025); «СОЮЗ» публикует бюджет Союзного государства на 2020 год // Российская газета. 2020. 5 марта. URL: https://rg.ru/documents/2020/03/05/budzhet-dok.html?ysclid=ludvxre1hh246940268 (дата обращения 01.02.2025).

Несмотря на снижение общего объема финансирования в 2021 г., произошло увеличение расходов на проведение патриотических мероприятий. С 2023 г. фиксируется рост и общего финансирования – 5,97 млрд рос. руб. (+129,8%), в 2024 г. – 6,97 млрд рос. руб. (+116,8%). Д.Ф. Мезенцев, комментируя эту динамику, замечает, что преобладающие расходы предназначаются для финансирования мероприятий культурно-гуманитарной и патриотической направленности; он также указывает на увеличение числа мероприятий, финансируемых из союзного бюджета: в 2022 г. – 21 мероприятие, в 2024 – 37[7].

Все большее внимание привлекает уникальный музейно-выставочный проект «Поезд Победы», начинавшийся как российская инициатива (в рамках мероприятий «Года памяти и славы») и обретающий сейчас характеристики союзной. Вплоть до 2023 г. бюджет СГ не предусматривал финансирование проекта, хотя его актуальность и значимость постоянно артикулировались на различных уровнях. Проект реализуется под эгидой СГ с привлечением организаторов и партнеров. Его цель – сохранение исторической правды о вкладе советского народа в борьбу против фашизма[8].

Проиллюстрируем кратко событийный ряд в анализируемом ракурсе. События были сгруппированы по предметному критерию (табл. 3). Оговоримся, что многие из проектов, мероприятий и инициатив сложно отнести к одной определенной группе, как правило, они носят комплексный характер.

---

[7] Мезенцев принял участие в круглом столе «Союзное государство Беларуси и РФ: 25 лет упрочения культурных и духовных традиций» // Информационно-аналитический портал Союзного государства. 2024. 12 июля. URL: https://soyuz.by/novosti-soyuznogo-gosudarstva/mezencev-prinyal-uchastie-v-kruglom-stole-soyuznoe-gosudarstvo-belarusi-i-rf-25-let-uprocheniya-kulturnyh-i-duhovnyh-tradiciy (дата обращения 25.02.2025); Мезенцев: увеличение союзного бюджета предполагает рост числа мероприятий патриотической направленности // Информационно-аналитический портал Союзного государства. 2023. 3 нояб. URL: https://soyuz.by/novosti-soyuznogo-gosudarstva/mezencev-uvelichenie-soyuznogo-byudzheta-predpolagaet-rost-chisla-meropriyatiy-patrioticheskoy-napravlennosti?ysclid=ludsh9uvqk778330587 (дата обращения 01.02.2025).

[8] О проекте «Поезд Победы» // Поезд Победы. URL: https://poyezd-pobedy.ru/about/ (дата обращения 01.02.2025).

Таблица 3

Мероприятия, инициативы и проекты патриотической направленности в рамках Союзного государства

Наименование	Субъект-инициатор	Субъект-адресат	Назначение	Дата
Военно-патриотические и историко-патриотические				
Военно-патриотическая смена учащихся суворовских военных и кадетских училищ Беларуси и России	ПС Союза Беларуси и России	Дети и юношество СГ	Содействие формированию гражданской позиции и чувства патриотизма у молодежи СГ, укрепление уважительного и бережного отношения к истории народов Беларуси и России	С 2007 г.
Патриотическая культурно-образовательная акция «Поезд Памяти»	Председатели Совета Федерации Федерального собрания РФ и Совета Республики Национального собрания РБ, Госсекретарь СГ, при поддержке Постоянного Комитета СГ	Население стран-участниц СГ	Военно-патриотическое воспитание подрастающих поколений	С 2020 г. как инициатива РФ, с 2023 г. – союзный проект
Международный проект «Цифровая звезда»	Молодежная палата ПС Союза Беларуси и России	Молодежь СГ	Сохранение исторической памяти, правды о Великой Отечественной войне	С 2020 г.

Гражданско-патриотические				
Гражданско-патриотическая кадетская смена учащихся Союзного государства «За честь Отчизны»	Постоянный Комитет СГ	Дети и юношество СГ	Гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, формирование у подрастающего поколения патриотического сознания и основы для непосредственной подготовки к служению Отечеству, выполнению конституционных обязанностей и гражданского долга	С 2007 г.
Иные (культурные, спортивные и пр.)				
Международный фестиваль-конкурс патриотической песни «Солдатский конверт»	При поддержке Министерства культуры РФ, Министерства образования РБ	Население стран-участниц СГ	Духовно-нравственное, гражданско-патриотическое воспитание граждан, объединение творческой молодежи на общих ценностях сохранения объективной истории событий Великой Отечественной войны	С 1994 г., с 2022 г. – под патронажем Постоянного комитета СГ
Спартакиада Союзного государства для детей и юношества	Министерство спорта РФ, Министерство спорта и туризма РБ, Постоянный комитет СГ	Дети и юношество СГ	Нравственное, патриотическое и духовное воспитание	С 2003 г.
Фестиваль «Молодежь – за Союзное государство»	ПС Союза Беларуси и России	Молодежь СГ	Воспитание и гражданское становление молодежи, сохранение и развитие культурного потенциала	С 2006 г.

Источник: таблица составлена авторами на основе данных Информационно-аналитического портала Союзного государства.

В целом в период 2020–2024 гг. путем исследования материалов Постоянного комитета СГ и Информационно-аналитического портала СГ выделено 30 событий в русле эффективного продвижения союзной патриотической повестки. Из 30 выделенных событий на 2020 г. приходится 6, 2021 г. – 4; 2022 г. – 7; 2023 г. – 8, 2024 г. – 5. Данные свидетельствуют о степени выраженности интереса к освещению мероприятий, опосредованно – о динамике событий, их интенсивности. Многие мероприятия и проекты проводятся ежегодно на протяжении достаточно длительного отрезка времени. В рамках некоторых постоянных инициатив появляются новые актуальные форматы, например, Форум молодых историков Союзного государства (в рамках фестиваля «Молодежь – за Союзное государство»). Относительно недавние начинания в рамках исследуемого периода – организация дискуссионного клуба «Молодежь Беларуси и России: взгляд в будущее»; Патриотический форум молодежи Союзного государства; Форум Союзного государства «Россия и Беларусь: общая история, общая судьба»; слет-форум воспитанников военно-патриотических клубов Беларуси и России «Наше время!» и др. Огромное значение имеет начало строительства центра патриотического воспитания на базе Брестской крепости.

Коммуникации поддерживаются по линии Форума регионов Беларуси и России, Форума городов-побратимов России и Беларуси, на площадках разнообразных круглых столов и конференций («Единой памяти верны», март 2024 г.; «Союзное государство Беларуси и РФ: 25 лет упрочения культурных и духовных традиций», июль 2024 г. и др.). Расширяется круг инициаторов мероприятий – как за счет правительственных, так и неправительственных институтов РФ и РБ. Заметную активность проявляют союзные институции. Намечается тенденция ко все большему сопряжению национального и союзного уровней политики патриотического воспитания и внедрению новых элементов институционализации в союзное поле. Например, стоит упомянуть о номинации «Союзное государство» в Национальной премии «Патриот» (РФ). Обратим внимание на заседание Комиссии ПС по труду, социальной политике и здравоохранению, состоявшееся 6 декабря 2024 г., на котором, в числе прочих, рассматривались вопросы разработки мероприятий СГ «Премия за патриотическое воспитание молодежи» и «Премия за вклад в сохранение исторической памяти»[9].

[9] Волонтерскую деятельность в Союзном государстве обсудили в Минске // БЕЛТА. 2024. 6 дек. URL: https://belta.by/society/view/volonterskuju-dejatelnost-v-sojuznom-gosudarstve-obsudili-v-minske-680996-2024/ (дата обращения 25.02.2025).

В аргументации важности патриотических мероприятий общими для представителей обеих стран тезисами выступают в первую очередь единение народов, сохранение и защита общей исторической памяти перед внешними угрозами и вызовами. В союзных дискурсивных практиках они интерпретируются в развернутом и конкретном воплощениях. Так, в своем приветствии по случаю открытия в Бресте XII Встречи городов-побратимов России и Беларуси Президент РФ В.В. Путин сослался на внешние угрозы, обусловливающие особую актуальность работы в сфере патриотического воспитания[10]. М.Н. Павлова, сенатор РФ, член Комиссии ПС по информационной политике, информационным технологиям и связи, обосновывает необходимость патриотического воспитания ведением ментальной войны против РФ и РБ, внедрением деструктивной повестки прозападными НКО[11]. Запад (коллективный Запад), его политика чаще всего фигурируют в качестве главных источников вызовов и угроз внешнего происхождения в разных измерениях, включая аксиологическое. Например, председатель Комиссии по национальной безопасности Палаты представителей Национального собрания РБ VII созыва О.А. Белоконев рассуждает о кампании Запада по навязыванию России и ее союзникам чуждых ценностей[12]. Президент РБ А.Г. Лукашенко – о нацеленности Запада на сдерживание развития, срыв интеграционных проектов; потому, на его взгляд, особое значение приобретают укрепление единства и расширение сотрудничества России и Беларуси в том числе в сферах молодежной политики и образования: нужно, по его словам, «растить созидающую молодежь, патриотов и творцов»[13].

---

[10] Владимир Путин: внешние угрозы обусловливают особую актуальность работы в сфере патриотического воспитания // Телерадиовещательная организация Союзного государства Беларуси и России. 2023. 29 сент. URL: https://belros.tv/news/obschestvo/vladimir-putin-vneshnie-ugrozy-obuslavlivayut-osobuyu-aktualnost-raboty-v-sfere-patrioticheskogo-vos/?ysclid=ludzn8abs9568065620 (дата обращения 01.02.2025).

[11] Маргарита Павлова: «Сейчас мы понимаем, что нам нужно держаться вместе» // Постоянный комитет Союзного государства. 2023. 2 мая. URL: https://посткомсг.рф/interview/235176/ (дата обращения 01.02.2025).

[12] Запад предпринимает максимум усилий, чтобы разрушить единство Беларуси и России // Парламентское Собрание Союза Беларуси и России. 2023. 25 марта. URL: https://belrus.ru/info/zapad-predprinimaet-maksimum-usilij-chtoby-razrushit-edinstvo-belarusi-i-rossii/ (дата обращения 01.02.2025).

[13] VIII Форум регионов России и Белоруссии // Президент России. 2021. 1 июля. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/65982 (дата обращения 01.02.2025).

Во внешнем измерении преимущественно акцентированы беспрецедентное (санкционное, идеологическое, историческое) давление на Беларусь и Россию, информационное противоборство, идеологическое и иное воздействие на молодежь, направленное на изменение сознания и исторически сложившейся цивилизационной парадигмы России и Беларуси, ее вовлечение в деструктивную деятельность посредством Интернета и массовых коммуникаций. Артикулированы попытки осуществления госпереворота, смены власти в РБ в 2020 г. насильственным путем с использованием экстремистских элементов по технологиям «цветных революций» (с указанием на организаторскую роль «ряда западных стран», без их уточнения), попытки внешних сил воздействовать на независимую политику РФ и РБ, всеми способами расшатать ситуацию, породить очаги межнациональных и межрелигиозных конфликтов. Негативные коннотации прослеживаются в отношении НАТО – субъекта деструктивного воздействия. С 2023 г. фиксируются более выраженные корреляции с темой украинского кризиса в ракурсе глобального противостояния, продвижения через глобальные платформы нарративов обвинения России и Беларуси и оправдания Украины и Запада. Однако фактор СВО в общем событийном ряду в союзной повестке не столь выражен. В гораздо большей степени он влияет на содержание российской повестки, аргументацию и освещение патриотических мероприятий непосредственно в РФ. В то же время именно после начала СВО и ухудшения отношений РФ и РБ с Западом отмечаются повышательная волна взаимного интереса в культурно-цивилизационном, социально-гуманитарном, историко-патриотическом ракурсах, появление дополнительных стимулов к актуализации «экономического» (через импортозамещение) и спортивного (организация совместных соревнований) патриотизма, культурно-образовательного и историко-патриотического туризма. В политико-идеологическом плане – к артикуляции концепта «общего Отечества», геоцивилизационной общности, сплочении на платформе сохранения и укрепления традиционных ценностей, исторической памяти и правды, консолидации Мирового большинства, противодействия неонацизму.

Таким образом, прослеживается как по преимуществу позитивная динамика количественных показателей (рост количества патриотических мероприятий и инициатив и увеличение их финансирования), так и отдельных качественных. В первую очередь речь идет о придании некоторым патриотическим проектам статуса союзных, что влечет за собой имплементацию в интеграционное поле, внедрение новых коммуникативных и институциональных форм. В целом более выраженные взаимосвязи прослеживаются

между динамикой внешних событий и качественными, а не количественными изменениями в союзных патриотических практиках. Это касается в том числе взаимодействия регионов (разработка и принятие модельного законодательного акта «О приграничном сотрудничестве в Союзном государстве», предполагающем в числе прочего взаимодействие в плоскости сохранения исторической памяти и др.). Принятие «Основных направлений реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 гг.» подтверждает усиление тенденции на повышение статуса гуманитарного измерения в общем русле союзного строительства.

Заключение

На современном этапе все устойчивее тенденция к включению в интеграционную повестку аксиологической составляющей. СГ на фоне внешних вызовов и угроз наращивает усилия в консолидации вокруг общих ценностных оснований, в том числе в плоскости сохранения общей исторической памяти. Сближение РФ и РБ во многом опровергает попытки внешних акторов активизировать дезинтеграционные проявления на пространстве бывшего СССР. Формирование и продвижение союзной патриотической повестки, ее реализация на практике существенно обогащают союзное строительство, позволяя приблизиться к оформлению целостной философии и идеологии российско-белорусской интеграции. Вместе с тем не следует идеализировать достигнутые результаты, включая сферу патриотического воспитания.

РФ и РБ предстоит огромная работа по гармонизации и унификации национальных норм и подходов. Это касается также тесно сопряженных с патриотическим воспитанием сфер исторической, культурной, молодежной, образовательной политики. Требуется переход к реальной политической интеграции, созданию наднациональных правовой и политической систем СГ, при условии широкой общественной поддержки в обеих странах. Патриотические мероприятия, как и иные союзные, не должны быть «верхушечными» и превращаться в декларации о намерениях. Превалирующий в союзных практиках историко-патриотический вектор побуждает к внедрению общей внешней политики СГ, без чего невозможно успешное противодействие фальсификации истории, ревизии итогов Второй мировой войны. Необходимо сформировать подлинную внешнеполитическую солидарность. В ситуации постулируемого кризиса неолиберализма важно заместить вероятный идеологический вакуум понятными и четко сформулированными ориентирами,

что поспособствует обретению СГ нормативной силы. Для этого, однако, самой России нужно идентифицировать свою позицию по государственной / официальной идеологии. В дополнение к разработке символики СГ насущны продвижение имиджевых проектов по формированию и укреплению позитивных образов РФ и РБ на территории Союзного государства и за его пределами; расширение сотрудничества патриотических общественных объединений; совместное производство патриотических фильмов[14]. Перечисленное позволит обеспечить «узнаваемость» СГ как на внешнем для него контуре, так и его гражданами.

Допускаем, что разработка и реализация патриотических инициатив и мероприятий на уровне СГ в среднесрочной перспективе будут набирать темпы и поддерживаться руководством РФ и РБ. Факторы внешней среды, внешние вызовы и угрозы выступают катализаторами масштабного переосмысления политики патриотического воспитания исключительно как дела каждого конкретного государства. С другой стороны, категория «патриотизм» в союзном строительстве остается не урегулированной нормативно. Во внешней плоскости степень инструментализации аксиологического аспекта в интеграционном ключе коррелирует с характером взаимодействий с субъектами – источниками вызовов и угроз. Серьезные коррективы в данной области могут повлиять на изменение соответствующих интерпретаций. Подобное пока четко не просматривается, но остается вероятной конъюнктурной возможностью. При этом внешние детерминанты не должны затмевать внутренних для СГ и его стран-участниц. События 2020 г. в Беларуси и после начала СВО России обнажили серьезные проблемы в сфере патриотического воспитания, устранить или уменьшить которые нельзя только эксплуатацией негативных внешних образов.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00371 (https://rscf.ru/project/23-28-00371/).

Acknowledgements

This work was financially supported by the Russian Science Foundation, grant number 23-28-00371 (https://rscf.ru/project/23-28-00371/).

[14] Примером может служить фильм «Ржев. 500 дней в огне», снятый по заказу ТРО СГ.

Литература

Бахлова, Бахлов, Уляшкина 2023 – *Бахлова О.В., Бахлов И.В., Уляшкина Е.Г.* Политика патриотического воспитания в рамках Союзного государства Беларуси и России: потенциал институционализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 4. С. 940–952.

Бойко 2015 – *Бойко С.И.* Политическая самоидентификация граждан и развитие Союзного государства Беларуси и России // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2015. № 1 (1). С. 73–84.

Вардомский 2024 – *Вардомский Л.Б.* Союзное государство Беларусь – Россия за четверть века: от столкновения интересов к новой модели сотрудничества // Мир перемен. 2024. № 4. С. 75–90.

Громыко 2022 – *Громыко А.А.* Российско-белорусское сотрудничество: время стратегических решений // Проектирование будущего: Проблемы цифровой реальности. 2022. № 1 (5). С. 76–81.

Захаров 2024 – *Захаров А.Н.* Развитие интеграции Союзного государства на современном этапе // Проблемы постсоветского пространства. 2024. Т. 11. № 1. С. 61–70.

Киселев 2023 – *Киселев С.Г.* Цивилизационная геополитика: методологический аппарат // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. № 4 (853). С. 24–30.

Малышев 2024 – *Малышев Д.* Союзное государство после двадцатилетнего юбилея // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 5. С. 106–116.

Мухаева 2023 – *Мухаева М.С.* Внешнеполитические векторы Республики Беларусь на фоне противостояния со странами Запада: роль Союзного государства и Шанхайской организации сотрудничества // Управление и политика. 2023. № 1 (2). С. 33–50.

Нагорная 2020 – *Нагорная О.С.* Репрезентации прошлого в международных публичных пространствах: практики и границы мемориальной дипломатии // Новое прошлое. 2020. № 2. С. 90–100.

Неймарк 2023 – *Неймарк М.А.* Кризисная геополитика и Россия. М.: Дашков и К°, 2023. 384 с.

Поломошнов, Поломошнов 2024 – *Поломошнов П.А., Поломошнов А.Ф.* Совместимы ли патриотизм и интернационализм? // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 24. № 1. С. 99–110.

Потапцева 2021 – *Потапцева Е.В.* Союзное государство в восприятии бизнеса: есть ли эффекты для экономической интеграции? // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 3 (37). С. 35–43.

Суздальцев 2020 – *Суздальцев А.* Кризис Союзного государства Белоруссии и России // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 3. С. 56–67.

Фененко 2020 – *Фененко А.* Анти-мягкая сила в политической теории и практике // Международные процессы. 2020. Т. 18. № 1. С. 40–71.

Храмцова, Ерофеева 2023 – *Храмцова Ф.И., Ерофеева М.А.* Конструктивный потенциал молодежи России и Беларуси как фактор безопасности Союзного государства. Саратов: Саратовский источник, 2023. 366 с.

Цыганкова 2024 – *Цыганкова Л.И.* Внешний фактор цветной революции в Беларуси: уроки 2020 г. // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2024. Т. 16. № 1. С. 142–151.

Шмелев 2024 – *Шмелев Б.А.* Союзное государство России и Белоруссии: миф или реальность? // Мир перемен. 2024. № 1. С. 53–67.

Olędzka, Polovyi 2023 – *Olędzka J., Polovyi T.* The impact of political, military, and social factors on the repositioning of Belarus within the regional security architecture // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. 2023. Rocznik 21. Zeszyt 1. P. 185–207.

Usov 2020 – *Usov P.* Evolution of the Belarus-Russia Union State: from integration to attempts of incorporation // Studia i Analizy Nauk o Polityce. 2020. No. 1. P. 95–108.

References

Bakhlova, O.V., Bakhlov, I.V. and Ulyashkina, E.G. (2023), "The patriotic education policy within the framework of the Union State of Belarus and Russia. A potential for institutionalization", *RUDN Journal of Political Science*, vol. 25, no. 4, pp. 940–952.

Boyko, S.I. (2015), "Political self-identification of citizens and development of the State of Union of Belarus and Russia", *RSUH/ RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series*, no. 1, pp. 73–84.

Fenenko, A. (2020), "Anti-soft power in political theory and practice", *International Trends,* vol. 18, no. 1, pp. 40–71.

Gromyko, A.A. (2022), "Cooperation between Russia and Belarus. The time of strategic decisions", *Proektirovanie budushchego. Problemy tsifrovoi real'nosti*, vol. 5, no. 1, pp. 76–81.

Khramtsova, F.I. and Erofeeva, M.A. (2023), *Konstruktivnyi potentsial molodezhi Rossii i Belarusi kak faktor bezopasnosti Soyuznogo gosudarstva* [The constructive potential of the youth of Russia and Belarus as a factor of security for the Union State], Saratovskii istochnik, Saratov, Russia.

Kiselev, S.G. (2023), "Civilizational geopolitics. Methodological apparatus", *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki*, vol. 853, no. 4, pp. 24–30.

Malyshev, D. (2024), "The Union State after the 20th anniversary", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 68, no. 5, pp. 106–116.

Mukhaeva, M.S. (2023), "Foreign policy vectors of the Republic of Belarus amid confrontation with Western States: Role of the Union State and the Shanghai Cooperation Organization", *Governance and Politics*, vol. 2, no. 1, pp. 33–50.

Nagornaya, O.S. (2020), "Representations of the past in the international public spaces: Practices and limitations of memorial diplomacy", *The New Past*, no. 2, pp. 90–100.

Neymark, M.A. (2023), *Krizisnaya geopolitika i Rossiya* [Crisis geopolitics and Russia], Dashkov i K°, Moscow, Russia.

Olędzka, J. and Polovyi, T. (2023), "The impact of political, military, and social factors on the repositioning of Belarus within the regional security architecture", *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*, rocznik 21, zeszyt 1, pp. 185–207.

Polomoshnov, P.A. and Polomoshnov, A.F. (2024), "Are patriotism and internationalism compatible?", *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, vol. 24, no. 1, pp. 99–110.

Potaptseva, E.V. (2021), "The Union State in the perception of business: Are there any effects on economic integration?", *Eurasian Integration*, vol. 37, no. 3, pp. 35–43.

Shmelev, B.A. (2024), "The Union State of Russia and Belarus. Myth or reality?", *Mir peremen*, no. 1, pp. 53–67.

Suzdaltsev, A. (2020), "The crisis of the Union State of Belarus and Russia", *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 64, no. 3, pp. 56–67.

Tsygankova, L.I. (2024), "The external factor of the color revolution in Belarus. Lessons from 2020", *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 1. Istoriya i arkheologiya. Filosofiya. Politologiya*, vol. 16, no. 1, pp. 142–151.

Usov, P. (2020), "Evolution of the Belarus-Russia Union State. From integration to attempts of incorporation", *Studia i Analizy Nauk o Polityce*, no. 1, pp. 95–108.

Vardomsky, L.B. (2024) "The Belarus-Russia Union State in a quarter of a century: from a clash of interests to a new model of cooperation", *Mir peremen*, no. 4, pp. 75–90.

Zakharov, A.N. (2024), "The development of the integration of the Union State at the present stage", *Problemy postsovetskogo prostranstva*, vol. 11, no. 1, pp. 61–70.

Информация об авторах

Игорь В. Бахлов, доктор политических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия; 43005, Россия, Саранск, ул. Большевистская, д. 68/1; bahlov@mail.ru

Ольга В. Бахлова, доктор политических наук, доцент, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия; 43005, Россия, Саранск, ул. Большевистская, д. 68/1; olga.bahlova@mail.ru

Information about the authors

Igor V. Bakhlov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia; 68/1, Bolchevistskaya St., Saransk, Russia, 430005; bahlov@mail.ru

Olga V. Bakhlova, Dr of Sci. (Political Science), associate professor, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia; 68/1, Bolchevistskaya St., Saransk, Russia, 430005; olga.bahlova@mail.ru

УДК 323.2(470+571)
DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-139-156

Риски устойчивости гражданской идентичности в контексте социокультурных трансформаций современного российского общества

Николай Е. Денисов
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, denisov.nik@gmail.com

Аннотация. В статье были исследованы основные символические концепты, конституирующие содержательное наполнение общероссийской гражданской идентичности, проанализированы отдельные аспекты реализации государственной политики в этой сфере, определены риски устойчивости гражданской идентичности в современном российском обществе.

Гражданская идентичность рассматривалась как тип социальной идентичности, определяющий целеполагание участников политического процесса. Использование концепций мифо-символического комплекса и этносимволизма позволило выявить системообразующие символы и мифы общероссийской гражданской идентичности, а также обозначить важность обеспечения их релевантности в условиях конкурентной природы символической политики.

Автор отмечает, что основой мифо-символического комплекса общероссийской гражданской идентичности является символическое пространство СССР, системообразующую роль выполняет символ Победы в Великой Отечественной войне. Реализация государственной политики в сфере идентичности также во многом повторяет советскую модель.

Вместе с тем социокультурные трансформации российского общества, протекающие по направлению демографических изменений, связанных с увеличением доли граждан, не рассматривающих советское символическое пространство в качестве консолидатора гражданской идентичности, а также обусловливающие актуализацию этнических идентичностей, потенциально способны снизить эффективность существующей конфигурации общероссийской гражданской идентичности.

В качестве возможной меры уклонения от рисков предложено использование существующего концепта «государствообразующего народа» как перспективной символической основы гражданской идентичности.

Ключевые слова: общероссийская гражданская идентичность, национальная идентичность, символическая политика, мифо-символический комплекс, символическое пространство

© Денисов Н.Е., 2025

Для цитирования: *Денисов Н.Е.* Риски устойчивости гражданской идентичности в контексте социокультурных трансформаций современного российского общества // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 3. С. 139–156. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-139-156

Civic identity sustainability risks in the context of sociocultural transformations of the contemporary Russian society

Nikolai E. Denisov
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
denisov.nik@gmail.com

Abstract. The article studies major symbolic concepts that constitute substantial content of the all-Russian civic identity analyzes distinct aspects of state identity policy and sustainability factors of civic identity in contemporary Russian society.

The civic identity was pursued as the type of social identity that defines the goal setting of political process participants. The utilization of the concepts of myth-symbol complex and ethno-symbolism was instrumental in defining of the system-forming symbols and myths of the all-Russian civic identity, even as in designating the importance of maintaining their relevance under the conditions of competing nature of symbolic politics.

The author outlines that the core of the all-Russian civic identity is based on the Soviet-era symbolic space, in which the symbol of the Victory in the Great Patriotic war plays the system-forming role. The implementation of state policy in the sphere of identity also mainly resembles the Soviet model.

Meanwhile, sociocultural transformations of the Russian society which unfold in the field of demographic changes connected with soaring of the percentage of citizens who do not regard soviet symbolic space as the consolidator of civic identity, together with actualization of ethnic identities, could potentially reduce the efficacy of the present all-Russian civic identity configuration.

As a potential risk-evading measure the author suggested using the existing concept of "state-forming ethnie" as the perspective symbolic foundation for civic identity.

Keywords: all-Russian civic identity, national identity, symbolic policy, myth-symbol complex, symbolic space

For citation: Denisov, N.E. (2025), "Civic identity sustainability risks in the context of sociocultural transformations of the contemporary Russian society", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 139–156, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-139-156

Введение

Российская Федерация в настоящее время развивается в условиях сложной геополитической обстановки. Беспрецедентное внешнее давление обуславливает первостепенное внимание руководства страны и экспертного сообщества к вопросам укрепления национальной безопасности, защиты суверенитета и стабильности политического процесса. В данном аспекте значимым фактором эффективности государственной политики является устойчивость гражданской идентичности, определенной в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. как осознание гражданами их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, приверженность базовым ценностям российского общества.

Гражданская идентичность является одним из видов национальной идентичности, основанной на принципе равноправного участия в принятии политических решений на территории государства [Паин, Федюнин 2017]. Национальная идентичность, в свою очередь, представляет собой политизированный тип социальной (коллективной) идентичности, значимость которого характеризуется пониманием группы, объединенной национальной идентичностью, как источника власти в государстве [Паин 2024, с. 7]. Риски устойчивости гражданской идентичности проистекают из потенциального антагонизма разных типов идентичности. В частности, отмечается феномен ингруппового фаворитизма – лояльности членам группы и враждебности по отношению к членам других групп [Brown 2000, p. 749]. Учитывая, что объединяющий политическое сообщество символический ресурс может быть взят из других типов социальной идентичности, например, этнической [Smith 1991], для сохранения политической стабильности в условиях полиэтнического государства необходимо обеспечивать доминирование гражданской идентичности. Основанная на инклюзивном принципе политического участия, она обладает возможностями ослаблять или нейтрализовывать межгрупповые границы, обеспечивая солидарность между представителями разных этнических групп.

Проблематика формирования и укрепления общероссийской гражданской идентичности традиционно является одним из наиболее важных направлений отечественных социально-политических исследований. Актуальными проблемными аспектами современной научной дискуссии является изучение содержательного наполнения гражданской идентичности, выявление символов и нарративов, способных объединить разнородное российское общество. Так, под-

черкивается значимость дальнейшей проработки содержательной стороны общероссийского самосознания [Полунов 2023, с. 131], а также отмечается отсутствие действенного механизма укрепления гражданской идентичности [Вдовиченко 2023, с. 286]. Исследования регионов Северо-Кавказского федерального округа выявили потребность в формировании комплексной и непротиворечивой ценностной основы гражданской идентичности [Авксентьев и др. 2022, с. 80]. Кроме того, указывается на необходимость применения новых подходов к совершенствованию государственной политики в данной сфере [Савинов, Симагина, Скорых 2023, с. 17].

Тем самым представляются важными дальнейшие исследования способов укрепления текущего мифо-символического комплекса российской гражданской идентичности, в том числе в области символической политики – сферы «производства различных способов интерпретации социальной реальности и борьбы за их доминирование в публичном пространстве» [Малинова 2018, с. 31]. В процессе символической политики институциональные и иные акторы формируют «символические программы» [Gill 2013, p. 2] или же «мифосимволические комплексы» [Smith 1988, pp. 15–16], позволяющие выстраивать причинно-следственные связи между событиями, формировать коллективную идентичность и обеспечивать коллективное действие, прежде всего направленное на достижение власти.

В этом отношении целью нашей статьи является рассмотрение возможных рисков устойчивости общероссийской гражданской идентичности в условиях социокультурных трансформаций российского общества. Социокультурные трансформации рассматриваются в двух аспектах: демографических изменений, связанных со сменой политически активных поколений и значительным миграционным притоком, а также динамики ценностных ориентаций российского общества, что влияет на восприятие продуцируемых символов гражданской идентичности. Учитывая тот факт, что идентичность является динамическим феноменом, который зависит от социального опыта и действий символических акторов, появление на политической арене новых социальных групп может привести к кризису ранее устойчивой конфигурации гражданской идентичности [Левичева, Диманс 2023, с. 6].

В рамках достижения указанной цели представляется необходимым проанализировать символическое наполнение текущей конфигурации общероссийской гражданской идентичности, определить направления социокультурных трансформаций российского общества, выявить возможные риски устойчивости гражданской идентичности, а также предложить способы уклонения от данных рисков.

В числе используемых методов исследования отметим ретроспективный анализ государственной политики в сфере укрепления гражданской идентичности, позволяющий установить основные векторы ее развития в последние десятилетия, сравнение используемых символов и нарративов, конституирующих гражданскую идентичность в СССР и Российской Федерации, с целью определения преемственности государственной политики идентичности и текущей конфигурации общероссийской гражданской идентичности, а также метод вторичного анализа данных социологических исследований для определения вектора социокультурных трансформаций и рисков устойчивости гражданской идентичности.

Устойчивость гражданской идентичности по отношению к идентичностям-конкурентов возможно определить в терминах концепции этно-символизма, сформулированной Э. Смитом и Дж. Хатчинсоном. Согласно данной концепции, во многом опирающейся на теорию «расколов» С. Липсета и С. Роккана, гражданская идентичность не может быть сформирована на основе абстрактных принципов всеобщего равенства, прав и свобод человека, «рациональных институтов» [Hutchinson 2000, p. 653]. Данные принципы не обладают достаточным символическим потенциалом для возникновения коллективной идентичности. Вместо этого гражданская идентичность всегда основывается на мифо-символическом комплексе «этнического ядра» нации [Smith 1991, p. 11], и отличием от национальной идентичности, основанной исключительно на этничности, является инклюзивный характер данного мифо-символического комплекса. Иными словами, любая гражданская нация содержит в своей основе мифо-символический комплекс «государствообразующего народа», который обеспечивает основу символического пространства гражданской идентичности.

Проблемы формирования гражданской идентичности в Российской Федерации в 1990-х гг.

Современная политическая система Российской Федерации первоначально сформировалась в условиях масштабного кризиса, вызванного распадом СССР. Отдельным аспектом этого кризиса стал распад советской идентичности. Необходимо отметить, что в ранний период существования СССР советское руководство актуализировало этнические идентичности различных групп, проживавших на территории государства, и приветствовало формирование «социалистических наций» [Мартин 2011, с. 18]. Комплексной стратегии надэтнической солидаризации населения

не было разработано вплоть до 1970-х гг., когда был введен термин «советский народ».

Тем не менее отмечалось, что советский народ не означает единой «советской нации», но подчеркивает содружество «социалистических наций», которые сближаются по мере построения социализма [Булыгина, Амбарцумян 2022, с. 56]. Таким образом, этническая сегментация советского общества сохранилась, а гражданская идентичность была основана скорее на идеологических концептах.

В условиях кризиса легитимности социалистической идеологии советская идентичность в социалистических республиках и ряде других административных единиц, организованных по этническому принципу, была практически полностью замещена этническими идентичностями, которые вскоре трансформировались в национальные [Ачкасов 2013, с. 111]. Данные процессы внесли значительный вклад в ускорение процесса распада СССР, а впоследствии проявились уже на территории Российской Федерации. Вместе с тем формирование российской идентичности в 1990-е гг. было сопряжено с труднопреодолимыми препятствиями, связанными с отсутствием подходящих символов, которые могли бы укрепить и легитимизировать этот конструкт [Gill 2011].

Необходимо отметить, что СССР в силу специфики своей политической системы был в значительной степени идеологизированным государством, уделявшим большое внимание формированию символической инфраструктуры [Gill 2018, p. 496]. Узкая направленность советской символической инфраструктуры не позволяла создать ее новое прочтение, и тем самым она не могла стать инструментом формирования российской гражданской идентичности, которая в 1990-х гг. строилась на противопоставлении «новой России» советскому прошлому [Малинова 2019, с. 108]. Как отмечал В.А. Тишков, либерально-демократические ценности, на которых основывалась ранняя политическая система Российской Федерации, сами по себе были недостаточны для формирования гражданской идентичности, требовалось дополнительное символическое наполнение [Тишков 1997].

К завершению первого десятилетия существования российской политической системы гражданская идентичность была весьма слабо концептуализирована и содержательно оформлена. Фактически единственной точкой солидаризации российского общества стал символ Победы в Великой Отечественной войне [Горкунова 2014, с. 67]. Общепризнанная значимость Победы обусловила активное использование данного символа в конструировании российской идентичности в последующие годы.

Символическое наполнение российской гражданской идентичности в 2000–2020-е гг.: использование советского наследия

В 2000-е гг. символическая политика Российской Федерации отошла от антагонизации советского наследия. Вместо этого обозначилась тенденция на активное политическое использование событий советского прошлого, заимствование значимых символов и нарративов [Малинова 2019, с. 108].

Основой формирования общероссийской гражданской идентичности, главной проблемой которой в 1990-е гг. была конкуренция со стороны политизированных этнических идентичностей, стал образ объединения различных народов вокруг российской государственности. Содержательное наполнение данного образа было конституировано символом Победы в Великой Отечественной войне. Неслучайно акцент на том, что победа стала возможна благодаря усилиям всех народов СССР, стал одним из постоянных элементов памятных речей Президента Российской Федерации, начиная с середины 2000-х гг. [Малинова 2015, с. 12].

В данном отношении можно отметить, что победа, являющаяся эмоционально окрашенным событием с богатым смысловым наполнением, стала основой мифа Победы, который, в свою очередь, занял системообразующее место в мифо-символическом комплексе, конституирующем российскую гражданскую идентичность, выполняя функцию «мифа о происхождении» [Копосов 2011, с. 163]. Говоря о мифе Победы, мы опираемся на определение Г. Гилла, охарактеризовавшего миф как «социально сконструированную историю об обществе и его происхождении, которое обеспечивает членов сообщества смыслами, позволяющими объяснять важные аспекты жизни этого сообщества и его развитие» [Gill 2013, p. 4]. Миф позволяет трактовать события социальной реальности в определенном ключе, заданном его содержательным наполнением. В отношении мифо-символического комплекса российской гражданской идентичности системообразующая роль мифа Победы определяется его интеграционной надэтнической интерпретацией.

Миф Победы закреплял нарратив о Российской Федерации как правопреемнице СССР. За последующие годы символическое пространство российской гражданской идентичности практически полностью стало соответствовать символическому пространству позднесоветской идентичности, за исключением отсутствия выраженной идеологической составляющей.

В качестве иллюстрации развития данной тенденции применительно к изучению содержательного наполнения российской гражданской идентичности возможно выделить некоторые основные институциональные элементы, конституирующие ее символическое пространство: действующую Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., изменения, внесенные в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденные в 2022 г.

В Стратегии государственной национальной политики присутствуют два равнозначных направления – укрепление общероссийской гражданской идентичности, основанной на «сохранении русской культурной доминанты»[1], и сохранение этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации. Однако механизмы реализации «гражданского» компонента Стратегии, который должен быть приоритетным за счет интеграционного потенциала и ослабления символических границ между этническими группами, прописаны недостаточно подробно [Паин, Федюнин 2017].

Кроме того, необходимо отметить термин «государствообразующий народ», введенный в Конституцию Российской Федерации в 2020 г. Учитывая, что, согласно заключению Конституционного суда Российской Федерации, данный термин основан «на объективном признании роли русского народа в образовании российской государственности»[2], что соответствует концепции «этнического ядра» как основы мифо-символического комплекса национальной идентичности, данное положение Конституции характеризуется недостаточной конкретизацией, что позволяет, в частности, использовать аналоги термина в политическом процессе регионального уровня [Щербина 2021, с. 125], что может приводить к политизации этничности.

Обращаясь к Основам государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравствен-

---

[1] Указ Президента Российской Федерации о Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. № 1666 от 19 декабря 2012 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949 (дата обращения 28.02.2024).

[2] Заключение Конституционного суда Российской Федерации № 1-З от 16 марта 2020 г. // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347691/ (дата обращения 28.02.2024).

ных ценностей, следует отметить выраженный надэтнический характер данных ценностей – смысловых конструкций, которые рассматриваются как «основа российского общества»[3]. Однако, как отмечает Г.А. Борщевский, по своему содержанию Основы фактически повторяют положения Морального кодекса строителя коммунизма – 92% пунктов данного документа соответствуют ценностям, указанным в Основах [Борщевский 2023, с. 83].

Таким образом, текущий мифо-символический комплекс российской гражданской идентичности во многом основан на советском символическом пространстве. Тем не менее в настоящий момент подобное содержательное наполнение позволяет в значительно степени объединять российское общество, главным образом за счет позитивного восприятия образа СССР [Mazur 2015, p. 235].

Так, по данным Всероссийской переписи населения 2020 г., средний возраст гражданина Российской Федерации составляет более 41 года[4]. Наиболее многочисленные возрастные группы составляют те люди, которые сохранили позитивный образ советского символического пространства, контрастировавший с обстановкой политического и социально-экономического кризисов 1990-х гг. Следовательно, актуализация советских символов вызвала у данных групп населения позитивный отклик, и, как следствие, идентификацию с Российской Федерацией как преемником СССР.

Векторы социокультурной трансформации российского общества и риски устойчивости гражданской идентичности

Современные особенности российской гражданской идентичности позволяют говорить о целом ряде рисков, которым она может быть подвержена в ходе социокультурной трансформации российского общества, в рамках которой можно выделить

[3] Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения 28.02.2024).

[4] Итоги ВПН – 2020. Т. 2: Возрастно-половой состав и состояние в браке // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom2_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения 03.02.2024).

два взаимосвязанных вектора – увеличение доли граждан, политическая социализация которых не была связана с советской политической системой и ранним периодом формирования политической системы Российской Федерации, а также повышение роли этнического и религиозного компонента в коллективной идентичности.

Если принять во внимание, что российская гражданская идентичность во многом опирается на символы советской идентичности, то можно выделить две группы возможных рисков:

1) риски социально-демографического характера;

2) риски этнополитической мобилизации.

Риски социально-демографического характера преимущественно сопряжены с объективным процессом смены поколений. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., значительная часть населения Российской Федерации младше 30 лет, т. е. родилась не ранее 1995 г.[5] Влияние советского символического пространства на эти группы меньше, чем на более старшие возрастные когорты. Тем самым с течением времени выраженное позитивное восприятие советских символов, характерное для российского общества 1990 – начала 2020-х гг., будет ослабевать.

В настоящий момент позитивные оценки советского периода характерны прежде всего для возрастных когорт старше 35 лет. По данным опроса ВЦИОМ, проведенного в 2022 г., преобладание тех, кто сожалел о распаде СССР, характерно именно для таких групп[6]. При этом среди граждан младше 34 лет доля тех, кто не жалеет о распаде СССР, преобладает над теми, кто сожалеет. Аналогичный паттерн прослеживается и в ответах на вопрос о желании восстановить СССР – оно преобладает среди старших возрастных когорт.

Кроме того, у российского населения в целом происходит изменение социально-политических ценностных ориентиров, наблюдается «практически массовый отход от идеологических императивов советского периода» [Дробижева и др. 2022, с. 167]. Вместе с тем российское общество в целом разделяет мнение о «цивилизационной самобытности России» [Дробижева и др. 2022, с. 170]. Проблемный аспект заключается в том, что текущие символы консолидации, основанные на исторических нарративах советского прошлого, могут постепенно утратить интеграцион-

[5] Там же.

[6] 100 лет СССР: забыть нельзя вернуться? // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja (дата обращения 29.02.2024).

ный потенциал, поскольку историческое прошлое в настоящий момент является консолидатором общегражданской идентичности только для 38% респондентов, в то время как символы государственной власти и фактор ответственности за дела в стране были важны менее чем для трети участников исследования [Вдовиченко 2023, с. 285].

Риски этнополитической мобилизации, в свою очередь, являются непосредственно взаимосвязанными с рисками социально-демографического характера. В условиях ослабления интегрирующей роли советских символов существует вероятность повторения сценария конца 1980-х гг., когда советский мифо-символический комплекс, главную системообразующую роль в котором играла социалистическая идеология, начал замещаться аскриптивными символами, главным образом относящимися к этнической или религиозной идентичностям. Необходимо отметить, что выраженный спад советской идентичности наблюдался социологами именно в регионах, сконструированных по этническому принципу [Арутюнян и др. 1999]. Серьезные риски стабильности политической системы, которые представляла собой политизация этнической идентичности, формирование национальной идентичности на основе мифо-символического комплекса этнической общности, были отмечены и в Российской Федерации в 1990-х гг., что явилось следствием уязвимостей советской политики идентичности [Тишков 1997].

В современной российской политической системе также существуют формы институционализации этничности. Этому способствует как специфика административно-территориального деления и федеративных отношений, обуславливающая существование этнически окрашенных регионов, так и в существующей практике взаимодействия органов государственной власти с общественными организациями, сформированными по этническому признаку, причем иногда такое взаимодействие осуществляется по вопросам, явно не входящим в сферу формальных компетенций таких организаций [Буданов 2023, с. 155]. В некоторых регионах отмечается преобладание этнокультурного компонента в нормативных правовых актах, направленных на регулирование образовательной, языковой и культурной политики [Авксентьев и др. 2022, с. 75–76].

Вместе с тем необходимо отметить, что Российская Федерация играет роль реципиента миграционных потоков, прежде всего из стран СНГ. Иммиграция в Россию не носит исключительно трудовой характер, поскольку значительная часть мигрантов становится гражданами страны. Так, в 2021 г. приобретенное

гражданство получили около 735 тыс. человек[7], в 2022 г. – около 691 тыс. человек[8], за 10 месяцев 2023 г. – более 317 тыс.[9]

Отмечается, что ценностные ориентации мигрантов в значительной степени детерминированы этническими и религиозными компонентами, мигранты в меньшей степени, чем россияне, ощущают важность общероссийских ценностей [Осадчая, Юдина 2023]. Вместе с тем национальные идентичности стран постсоветского пространства в основном выстроены на противопоставлении национальной истории советскому и российскому прошлому, которое характеризуется во многом в негативном ключе [Ачкасов 2013, с. 116]. Это обусловливает дополнительные препятствия к восприятию мигрантами российской гражданской идентичности, выстроенной на основе советского символического пространства.

В рамках уклонения от указанных рисков перспективным направлением государственной политики в сфере укрепления общероссийской гражданской идентичности может быть усиление интеграционных мероприятий, основанных на концепте «государствообразующего народа», введенного в Конституцию Российской Федерации. Применяя оптику этно-символистского направления исследований нациестроительства, возможно отметить преимущества данного концепта за счет возможности актуализации широкого спектра символов, связанных с многовековой историей Российского государства и его цивилизационной самобытностью. Вместе с тем считаем необходимым подчеркнуть, что концепт «государствообразующего народа» не является тождественным этнической идентичности, поскольку не заключает в себе прямого указания на какую-либо этническую общность. Это позволяет избежать рисков политизации этничности и обособления российских этнических групп.

---

[7] Гражданство РФ в 2021 г. получило рекордное число иностранцев – 735 тыс. // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5294545 (дата обращения 08.05.2024).

[8] Почти 700 тыс. иностранцев вступили в гражданство РФ в 2022 г. – МВД // Интерфакс. URL: https://www.interfax-russia.ru/main/pochti-700-tys-inostrancev-vstupili-v-grazhdanstvo-rf-v-2022-g-mvd (дата обращения 08.05.2024).

[9] В МВД сообщили о сокращении числа лиц, принятых в гражданство РФ за 10 месяцев // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/19454219 (дата обращения 08.05.2024).

Заключение

В статье были рассмотрены возможные риски устойчивости гражданской идентичности в условиях социокультурных трансформаций современного российского общества.

Возможно отметить, что содержательное наполнение текущей конфигурации общероссийской гражданской идентичности во многом отсылает к символам и историческим нарративам, связанным с Советским Союзом. В результате ретроспективного анализа государственной политики в сфере укрепления гражданской идентичности было выявлено сохраняющееся доминирование символа Победы в Великой Отечественной войне как основного консолидатора российского общества. При этом символ Победы стал основой мифо-символического комплекса общероссийской гражданской идентичности, тесно связанного с конструированием образа Российской Федерации как страны-преемника СССР. Содержательное наполнение наиболее значимых институциональные новации в сфере российской политики идентичности – Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г. и Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей также во многом отсылают к наработкам советской политики в этой области.

Вместе с тем подобное содержательное наполнение российской гражданской идентичности наиболее релевантно тем группам населения, которые прошли политическую социализацию в СССР, или же в начале 1990-х гг. Последующие поколения российских граждан не демонстрируют явно выраженного позитивного отношения к советскому символическому пространству. С учетом смены политически активных поколений, а также иммиграции из зарубежных государств, в условиях ослабления значения советского символического пространства вероятна политизация этнических и религиозных идентичностей, что повышает риски устойчивости общероссийской гражданской идентичности и российской политической системы.

В настоящий момент российское общество нуждается в появлении новых объединяющих символов. Перспективным представляется развитие российской гражданской нации на основе концепции «государствообразующего народа», отдельные элементы которой уже присутствуют в основополагающих документах российской политики идентичности.

Литература

Авксентьев и др. 2022 – *Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д., Иванова С.Ю., Шульга М.М.* Формирование российской идентичности на Северном Кавказе: институциональные и социокультурные рамки // ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза. 2022. Т. 18. № 1. С. 72–86.

Арутюнян и др. 1999 – *Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология. М.: Аспект Пресс, 1999. 272 с.

Ачкасов 2013 – *Ачкасов В.А.* «Политика памяти» как инструмент конструирования постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 4 (69). С. 106–123.

Борщевский 2023 – *Борщевский Г.А.* Традиционные российские ценности: институциональный анализ // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2023. № 4 (111). С. 67–93.

Буданов 2023 – *Буданов М.А.* Диаспоры и межэтническая конкуренция как факторы этноконфессиональной напряженности в современной России // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2023. Т. 20. № 4. С. 140–157.

Булыгина, Амбарцумян 2022 – *Булыгина Т.А., Амбарцумян К.Р.* К вопросу об истории формирования концепции «новая историческая общность – советский народ» и ее реализация в 1970–1980-е гг. // История: факты и символы. 2022. № 3 (32) С. 52–62.

Вдовиченко 2023 – *Вдовиченко Л.Н.* Роль политической культуры в процессе формирования общей гражданской идентичности // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. Ч. 2. С. 277–287.

Горкунова 2014 – *Горкунова О.С.* Массовое историческое сознание россиян рубежа XX–XXI вв. // Вестник Адыгейского государственного университета. 2014. № 2 (139). С. 64–70.

Дробижева и др. 2022 – *Дробижева Л.М., Арутюнова Е.М., Евсеева М.А., Кузнецов И.М., Рыжова С.В., Фадеев П.В., Щеголькова Е.Ю., Эндрюшко А.А.* Российская идентичность и межэтнические отношения: Публичный дискурс и социальная практика / отв. ред. И.М. Кузнецов, С.В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 434 с.

Кокосов 2011 – *Кокосов Н.Е.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.

Левичева, Диманс 2023 – *Левичева В.Ф., Диманс С.Л.* Социальная идентичность как результат неформальных взаимодействий «свой/чужой» // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 2. С. 73–83.

Малинова 2015 – *Малинова О.Ю.* Великая Отечественная война как символический ресурс: эволюция отображения в официальной риторике 2000–2010 гг. // Россия и современный мир. 2015. № 2 (87). С. 6–29.

Малинова 2018 – *Малинова О.Ю.* Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научных трудов / отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-история, 2018. 224 с.

Малинова 2019 – *Малинова О.Ю.* Кто и как формирует официальный исторический нарратив? (Анализ российских практик) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2019. № 3 (94). С. 103–126.

Мартин 2011 – *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / [пер. с англ. О.Р. Щёлоковой]. М.: РОССПЭН, 2011. 658 с.

Осадчая, Юдина 2023 – *Осадчая Г.И., Юдина Т.Н.* Ценности поколений мигрантов X, Y и Z из стран Центральной Азии // Культурное наследие и связь поколений / под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2023. С. 157–166.

Паин 2024 – *Паин Э.А.* Нация и этнос: нелинейная эволюция этнологических концепций в России // Мир России. Т. 33. № 1. С. 6–28.

Паин, Федюнин 2017 – *Паин Э.А., Федюнин С.Ю.* Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием. М.: Мысль, 2017. 268 с.

Полунов 2023 – *Полунов А.Ю.* Общероссийская гражданская идентичность: концептуальные основы и региональное воплощение // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 96. С. 124–132. URL: https://spajournal.ru/index.php/spa/article/view/61 (дата обращения 03.03.2025).

Савинов, Симагина, Скорых 2023 – *Савинов Л.В., Симагина О.В., Скорых Н.Н.* Стратегия государственной национальной политики: результаты и перспективы концептуализации // Вестник Российской нации. 2023. № 5 (91). С. 9–20.

Тишков 1997 – *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М.: Русский мир, 1997. 532 с.

Щербина 2021 – *Щербина Е.А.* Русский и родные языки как факторы идентичности (по результатам экспертных опросов в Карачаево-Черкесской Республике) // Вестник антропологии. 2021. № 1. С. 121–132.

Brown 2000 – *Brown R.* Social identity theory: Past achievements, current problems and future challenges // European Journal of Social Psychology. 2000. Vol. 30. No. 6. P. 745–778.

Gill 2011 – *Gill G.* Symbols and legitimacy in Soviet politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 356 p.

Gill 2013 – *Gill G.* Symbolism and regime change in Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 246 p.

Gill 2018 – *Gill G.* Political symbols and regime change: The Russian experience // Politics, Religion & Ideology. 2018. Vol. 19. No. 4. P. 494–509.

Hutchinson 2000 – *Hutchinson J.* Ethnicity and modern nations // Ethnic and Racial Studies. 2000. Vol. 23. Iss. 4. P. 651–669.

Mazur 2015 – *Mazur L.* Golden age mythology and the nostalgia of catastrophes in post-Soviet Russia // Canadian Slavonic Papers. 2015. Vol. 57. Iss. 3–4. P. 213–238.

Smith 1988 – *Smith A.D.* The ethnic origins of nations. New Jersey: Wiley-Blackwell, 1988. 297 p.
Smith 1991 – *Smith A.D.* National identity. L.: Penguin Books, 1991. 227 p.

References

Achkasov, V.A. (2013), " 'Politics of Memory' as a tool for post-socialist 'nation-building' ", *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 16, no. 4, pp. 106–123.

Arutyunyan, Yu.V., Drobizheva, L.M. and Susokolov, A.A. (1999), *Ehtnosotsiologiya* [Ethnosociology], Aspekt Press, Moscow, Russia.

Avksent'ev, V.A., Aksyumov, B.V., Gritsenko, G.D., Ivanova, S.Yu.and Shul'ga, M.M. (2022), "Formation of Russian identity in the North Caucasus: Institutional and sociocultural framework", *POLITEKS: Politicheskaya ekspertiza*, vol. 18, no. 1, pp. 72–86.

Borshchevskii, G.A. (2023), "Traditional Russian values. Institutional analysis", *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, vol. 111, no. 4, pp. 67–93.

Brown, R. (2000), "Social identity theory: Past achievements, current problems and future challenges", *European Journal of Social Psychology*, vol. 30, no. 6, pp. 745–778.

Budanov, M.A. (2023), "Diasporas and interethnic rivalry as factors of ethno-confessional tension in modern Russia", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*, vol. 20, no. 4, pp. 140–157

Bulygina, T.A. and Ambartsumyan, K.R. (2022), "On the question of the history of the formation of the concept 'new historical community – the Soviet people' and its implementation in the 1970–1980s", *History: Facts and Ssymbols*, vol. 32, no. 3, pp. 52–62.

Drobizheva, L.M., Arutyunova, E.M., Evseeva, M.A. et al. (2022), *Rossiiskaya identichnost' i mezhetnicheskie otnosheniya: Publichnyi diskurs i sotsial'naya praktika* [Russian identity and interethnic relations. Public discourse and social practice], FNISTs RAN, Moscow, Russia.

Gill, G. (2011), *Symbols and legitimacy in Soviet politics*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Gill, G. (2013), *Symbolism and regime change in Russia*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Gill, G. (2018), "Political symbols and regime change: The Russian experience", *Politics, Religion & Ideology*, vol. 19, no. 4, pp. 494–509.

Gorkunova, O.S. (2014), "Mass historical consciousness of Russians at the turn of 20th –21th centuries", *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 139, no. 2, pp. 64–70.

Hutchinson, J. (2000), "Ethnicity and modern nations", *Ethnic and Racial Studies*, vol. 23, no. 4, pp. 651–669.

Koposov, N.E. (2011), *Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii* [The strict regime memory. History and politics in Russia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Levicheva, V.F. and Dimans, S.L. (2023), "Social identity as a result of informal interactions Friend or Foe", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studie", Series*, no. 2, pp. 73–83

Malinova, O.Yu. (2015), "The Great Patriotic War as a symbolic resource: The evolution of its representation in the official rhetoric 2000–2010", *Russia and the Contemporary World*, vol. 87, no. 2, pp. 6–29.

Malinova, O.Yu. (2018), "The memory policy as an area of symbolic policy", in Miller, A.I. and Efremenko, D.V., eds., *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati: Sbornik nauchnykh trudov* [Methodological issues of the memory politics research. Collected scientific works], Nestor-Istoriya, Moscow, Saint Petersburg, Russia.

Malinova, O.Yu. (2019), "Who forms official historical narrative and how? Analysis of Russian practices", *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, vol. 94, no. 3, pp. 103–126.

Martin, T. (2011), *Imperiya «polozhitel'noi deyatel'nosti»: Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The affirmative action empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Mazur, L. (2015), "Golden age mythology and the nostalgia of catastrophes in post-Soviet Russia", *Canadian Slavonic Papers*, vol. 57, iss. 3–4, pp. 213–238.

Osadchaya, G.I. and Yudina, T.N. (2023), "Values of generations of migrants X, Y and Z from Central Asian countries", in Saralieva, Z.Kh., ed., *Kul'turnoe nasledie i svyaz' pokolenii* [The cultural heritage and generational bridge], NNGU im. N.I. Lobachevskogo, Nizhny Novgorod, Russia.

Pain, E.A. (2024), "Nation and ethnos: The nonlinear evolution of ethnological concepts in Russia", *Universe of Russia*, vol. 33, no. 1, pp. 6–28.

Pain, E.A. and Fedyunin, S.Yu. (2017), *Natsiya i demokratiya: perspektivy upravleniya kul'turnym raznoobraziem* [Nation and democracy. The perspectives of cultural diversity governing], Mysl', Moscow, Russia.

Polunov, A.Yu. (2023), "All-Russian civic identity: conceptual foundations and regional embodiment", *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*, no. 96, pp. 124–133, available at: https://spajournal.ru/index.php/spa/article/view/61 (Accessed 3 March 2025).

Savinov, L.V., Simagina, O.V. and Skorykh, N.N. (2023), "State national policy strategy: Results and prospects for conceptualization", *Vestnik Rossiiskoi natsii*, vol. 91, no. 5, pp. 9–20.

Shcherbina, E.A. (2021), "Russian and native languages as identity factors (based on the results of expert surveys in the Karachay-Cherkess Republic)", *Herald of Anthropology*, no. 1, pp. 121–132

Smith, A.D. (1988), *The ethnic origins of nations*, Wiley-Blackwell, New Jersey, USA.

Smith, A.D. (1991), *National identity*, Penguin Books, London, UK.

Tishkov, V.A. (1997), *Ocherki teorii i politiki etnichnosti v Rossii* [The essays on theory and policy of ethnicity in Russia], Russkii mir, Moscow, Russia.

Vdovichenko, L.N. (2023), "The role of political culture in the formation of a common civic identity", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, part 2, pp. 277–287.

Информация об авторе

Николай Е. Денисов, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; denisov.nik@gmail.com

Information about the author

Nikolai E. Denisov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 1, Leninskie Gory St., Moscow, Russia, 119991; denisov.nik@gmail.com

УДК 32.019.51(470+571)
DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-157-170

Политическое просвещение молодежи в современной России

Андрей В. Махрин
Тульский государственный университет, Тула, Россия,
machrin@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена наличием в современной России разных вариантов и подходов к политическому просвещению молодых людей. Цель данной статьи – изучить и выявить основных субъектов политического просвещения молодежи, показать их значение и базовые принципы их деятельности. Существование в России разных субъектов, осуществляющих политическое просвещение, с одной стороны, создает политическое знание с разными данными, фактами. С другой стороны, для современного общества, когда у него разные субъекты формируют политическое знание, становится очевидной проблема создания разрозненного политического знания, обладающего дихотомическим и разнонаправленными свойствами, которые не приводят к формированию устойчивого политического сознания. Особенно это становится проблемой для молодежи, когда она в силу своих опыта и умений может использовать современные технологии (в отличие от более старших поколений), имеет возможность получать не только политическое знание от официальных источников (от разного уровня образовательных учреждений или, например, от СМИ, которые так или иначе аффинированы с государством, и т. д.), но и от различных других субъектов (например, от блогеров). Таким образом, у молодежи может формироваться иное, отличное от официальных источников, политическое знание, что способствует развитию неустойчивой ценностной системы молодежи.

Ключевые слова: политическое просвещение, политическое знание, молодежь, ценностная система

Для цитирования: Махрин А.В. Политическое просвещение молодежи в современной России // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 3. С. 157–170. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-157-170

© Махрин А.В., 2025

Political education of youth in modern Russia

Andrei V. Makhrin
Tula State University, Tula, Russia, machrin@mail.ru

Abstract. The relevance of the topic is due to the presence in modern Russia of different options and approaches to the political education of young people. That aspect is to be studied as well as it is to identify the main subjects of political education of youth, to show their importance and the basic principles of their activities. The existence in Russia of different entities carrying out political education, on the one hand, creates political knowledge with different data and facts. On the other hand, for modern society, when different subjects form political knowledge, the issue of creating disparate political knowledge with dichotomous and multidirectional properties that does not lead to the formation of stable political consciousness becomes obvious. It especially becomes an issue for young people when, by virtue of their experience and skills, they can use modern technologies (unlike older generations), have the opportunity to receive not only political knowledge from official sources (from different levels of educational institutions or, for example, from Media that are somehow affiliated with the state, etc.), but also from various other entities (for example, bloggers). Thus, young people may develop political knowledge that is different from official sources, which contributes to the development of an unstable value system of young people.

Keywords: political education, political knowledge, youth, value system

For citation: Makhrin, A.V. (2025), "Political education of youth in modern Russia", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 157–170, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-157-170

75 лет назад политическая наука получила свое предметное определение. Парижская конференция 1948 г., как пишет доктор политических наук профессор М.Н. Грачев, обеспечила более прочную основу для дальнейшего плодотворного взаимодействия ученых и специалистов из разных стран, занимающихся изучением различных сторон социально-политической действительности [Грачев 2023, с. 25]. Политическая наука, как и любая наука, нуждается, во-первых, в развитии научных кадров для формирования и приращения политического знания, во-вторых, сама политическая наука нужна обществу для политического просвещения его членов. Именно с этой целью еще до Парижской конференции 1948 г. в ряде городов мира были открыты научно-исследовательские центры и кафедры. В России политическая наука прошла путь от непризнанной, но формирующей политическое знание в ряде дисциплин (политической экономии, марксистско-ленинской философии и т. п.), до офи-

циального признания и введения в паспорт научных специальностей [Шутов, Соболев 2020, с. 34], тем самым начало формироваться профессиональное сообщество ученых, которое способствовало трансляции научного знания в общество уже через призму истинных политологических теорий и постулатов.

Вместе с тем актуальным для современной России до сих пор остается вопрос о политическом просвещении молодых людей. Во-первых, в современной России политическим просвещением занимается большое количество субъектов. Во-вторых, с 1988 г., когда Государственный комитет СССР по науке и технике за № 386 дополнил номенклатуру специальностей научных работников в контексте того факта, что политическим просвещением могли тогда заниматься только профессионалы-политологи и иные официальные субъекты (образовательные учреждения, СМИ и т. п.), сегодня политическим просвещением может условно заниматься и любой блогер. В-третьих, сама позиция государства относительно политического знания неоднократно менялась: от формирования у населения крайне плюралистического знания до знания с ограниченным набором фактов, статистики и т. д.

Данные обстоятельства заставили нас снова вернуться к вопросу политического просвещения молодых людей и проследить его динамику, выявить тенденции в этом процессе. Для более глубокого изучения данной темы обратимся к некоторым особенностям современной российской молодежи:

1) данная группа является одной из самых многочисленных в современной России. По данным Всероссийской переписи населения численность наших молодых людей достигла почти рекордной численности – почти 39 млн. человек в возрасте от 14 до 35 лет[1];
2) современная российская молодежь (особенно в возрасте от 14 до 25 лет) получает образование. По данным Росстата на начало 2022/23 уч. г. в России числилось более 17,7 млн школьников, из них примерно 2 млн обучаются в 10–11-х классах. В вузах по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры примерно обучаются 4 млн человек[2];

[1] Федеральная служба государственной статистики. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2023 г. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284 (дата обращения 02.09.2023).

[2] Федеральная служба государственной статистики. Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры: Доклад «Социально-экономическое положение России».

3) современная молодежь России представляет собой группу, которая прошла и проходит разные этапы развития нашего общества и государства. Если применить теорию поколений Н. Хоу и У. Штрауса, то в нашем обществе существуют сразу несколько поколений в рамках молодежи: поколение Y – миллениалы, поколение Z и даже могут быть уже первые из поколения альфа. Каждое поколение из молодых людей застало определенные технологии, социально-политическое и экономическое развитие общества. Так, для поколения миллениалов детство прошло в 1990-е гг. Данное обстоятельство наложило серьезный отпечаток на взросление таких молодых людей. Они в меньшей степени участвуют в политической жизни и также в меньшей степени интересуются политической жизнью общества. Поколение Z сразу же получило определенные гаджеты, которые влияют на их социально-политическую жизнь. Например, коммуникация у такого поколения происходит часто через интернет-пространство, у них есть аккаунты в разных социальных сетях. Причем в данном пространстве они уже получают разную информацию, даже проходят обучение. Если поколение Y примерно через 15 лет после своего рождения получило первые гаджеты, то альфы и зуммеры практически с ними родились;
4) молодежь – та социальная группа, которая имеет несколько отличные от других старших групп ценности. Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования осуществляет мониторинг ценностных ориентаций современной молодежи. В исследовании 2022 г. приняли участие учащиеся общеобразовательных школ, СПО, вузов в объеме выборочной совокупности 90 тыс. человек из всех 8 федеральных округов РФ. При этом в исследовании приняли участие и родители учащихся[3]. В данном документе представляется интересным отношение молодежи к Родине

URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801 (дата обращения 02.09.2023).

[3] Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования: Аналитический отчет «Итоги мониторинга ценностных ориентаций современной молодежи 2022». Количественный этап. URL: https://институтвоспитания.рф/upload/iblock/82b/t9sxl5u4pyc8j4vgvt0tfpaxcjm6mzf5/Институт%20воспитания%20ценностные%20ориентиры%20молодежи%202022%20лето%20количественный%20%20.pdf (дата обращения 02.09.2023).

и к эмиграции: 52% опрошенных высказали позицию, что при возникновении у них возможности, они могут эмигрировать из страны. В то же время авторы исследования увидели несколько разные векторы в таком вопросе. Если до 18 лет молодежь более уверенно говорит об эмиграции, то в возрасте от 19 до 35 лет таких значительно меньше – 37%. Опрошенные родители учащихся негативно относятся к возможности своих детей уехать из России (43% респондентов высказались против такой возможности). Что же касается ценности «патриотизм», то для большинства респондентов он проявляется в любви к Родине – 76%, защита своего Отечества – 41%, а также работать во благо своей страны – 39%. Примерно в данном вопросе и молодые люди и их родители были практически единодушны в своих ответах.

В опросе, который был проведен в 2023 г. среди респондентов от 14 до 35 лет в форме онлайн-анкетирования, мы находим данные, что 80% респондентов, отвечая на вопрос: «Если описывать Ваши чувства по отношению к России в целом, гордитесь ли Вы своей страной?», – выбрали положительный вариант ответа [Склярова, Бродовская 2023, с. 112]. Хотя авторы опроса и заключают, что в иерархии жизненных приоритетов молодых россиян патриотизм находится в периферийной зоне, что представляется для нас ценным выводом.

Ценности молодежи на постоянной основе изучает ВЦИОМ. В 2022 г. он представил очередные результаты[4]. В топ-3 жизненных ориентиров российской молодежи на сегодняшний день попали: высокий уровень благополучия (58%); жить спокойно, работая и заботясь о семье (54%) и возможность приносить пользу своему народу, обществу, активно участвуя в общественной и политической жизни (26%). Конечно, тревогу дают нам данные по вопросу о необязательном соблюдении законов, если они кажутся для молодого поколения не совсем справедливыми или устаревшими. Около 73% либо их не будут соблюдать вовсе, либо все будет зависеть от ситуации.

При таких выделенных нами особенностях молодежи необходимо проанализировать процесс ее политического просвещения. Данный процесс представляет собой целенаправленное формирование у молодежи, особенно у учащейся ее части, патриотической позиции в интересах личности, общества и государства.

---

[4] Ценности молодежи: результаты опроса о ценностях и приоритетах в молодежной среде. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi (дата обращения 02.09.2023).

В официальной регламентированной различными законами и подзаконными актами позиции учащаяся молодежь получает начальное свое научное политическое знание в школе, продолжает его получать в колледжах и в вузах. До недавнего времени данное просвещение молодежи наблюдалось в разрозненных учебных курсах. В школе, например, эту цель преследовали как минимум две дисциплины – история и обществознание. В некоторых школах изучается еще один учебный предмет – правоведение. Очевидно то, что в рамках среднего образования учащиеся получают политическое знание в определенном классе – в основном в девятом. Данное положение исходит из логики прохождения тем в учебниках по обществознанию, а также из кодификатора проверяемых требований к результатам освоения основной образовательной программы основного общего образования и элементов содержания для проведения основного государственного экзамена. В последнем делается акцент на следующих темах: политическая жизнь общества, политика и политическая власть, государство и его формы, участие граждан в политике, политические партии. Есть еще раздел, связанный с конституционным строем современной России и определением места России в современном мире. Если мы обратимся к кодификатору проверяемых требований к результатам освоения программы в 11-м классе, то мы увидим дополнительные темы (например, политическая культура общества и личности, политическая идеология и т. д.).

В вузах до недавнего времени существовал ряд дисциплин, способствующих формированию политического знания у студентов. Так, во многих вузах до сих пор имеется специализированная учебная дисциплина – «Политология». В ее контексте уже более углубленно можно изучать темы, связанные с политическими институтами, процессами и технологиями в современном российском обществе (например, студенты могли изучать политическую модернизацию и трансформацию политической сферы общества, избирательный процесс в различных государствах и т. д.). Отметим, что в контексте преподавания политического знания существуют противоположные подходы – надо преподавать политическое знание либо через призму отечественной политической мысли, либо в контексте зарубежной политологии [Вилков 2015, с. 17].

Вместе с тем с 2022 г. мы наблюдаем реформу школьного и высшего образования в контексте введения новых учебных дисциплин. В указанном году в школах появился внеклассный урок «Разговоры о важном», где в еженедельном режиме учителя дают в более углубленном объеме темы, связанные с жизнью человека в современном российском обществе. На сайте «Разговоры о важном» в помощь

учителям даются учебно-вспомогательные материалы к каждому уроку. Проанализировав темы, предлагаемые разработчиками на сайте «Разговоры о важном», мы можем отметить практико-ориентированный подход разработчиков материалов по каждой теме. В то же самое время количество политологических тем, обсуждаемых в рамках таких занятий, невелико. На сегодня школьникам предлагали поговорить на темы: «Избирательная система России» (25 сентября), «День народного единства» (30 октября), «Что такое Родина» (27 ноября), «Главный закон страны» (11 декабря). Есть темы, которые не связаны с политологией, поэтому мы не можем их учитывать в нашей науке («115 лет кино в России», «День учителя», «Взаимоотношения в коллективе» и т. д.). Необходимо отметить, что в рамках темы «Главный закон страны», например, для школьников методисты подготовили разные варианты ведения занятия. Общая линия – показать значение Конституции РФ через призму различных ситуаций, мнений, поговорок и пословиц. Данный подход, как отмечает доктор юридических наук Т.М. Пряхина, профессор департамента права Института экономики, управления и права МГПУ, предлагает через фольклористику школьникам определить архетипические образы, которые расположены в политической сфере, предполагает изучить основы публичной власти [Галкин, Пряхина 2023, с. 196]. Вместе с тем официальные источники лишь частично дополнили получение современными школьниками политического знания. Вопрос о соотношении получения ими любого научного знания остается открытым и дискуссионным.

Реформа в преподавании ряда дисциплин затронула и высшее образование. С 1 сентября 2023 г. в обязательную часть учебного плана по всем направлениям подготовки введена дисциплина «Основы российской государственности». Министерство науки высшего образования РФ подготовило методические рекомендации, в которых обозначены темы и примерное их наполнение[5]. Однако, проанализировав их, мы можем прийти к выводу, что в данной дисциплине, которая, вероятно, заменяет политологию, стало меньше политического знания. Оно представлено только в теме «Конституционные принципы и разделение властей», а также косвенно может проходиться в теме «Стратегическое планирование: национальные проекты и государственные программы». Есть ряд тем, которые мы можем назвать философскими и около того.

[5] Методические указания по преподавания дисциплины для студентов в высших учебных заведениях «Основы российской государственности». URL: https://socinst.ru/wp-content/uploads/base/news/text/osn_ros_gos 2023.pdf (дата обращения 03.09.2023).

Например, философское осмысление России как цивилизации»; «Мировоззренческие принципы (константы) российской цивилизации» и т. д. Вместе с тем дисциплина «Основы российской государственности» дает те знания, умения и владения, которые должны быть сформированы у студентов. Например, знать основные достижения современной России и ее политическое устройство, уметь адекватно воспринимать актуальные темы российской действительности и находить необходимую информацию для своего развития и развития российского общества, а также владеть чувством патриотизма и гражданственности и навыками критического мышления. Очевидно, что такие сложные результаты будут достигнуты только в том случае, если профессорско-преподавательский состав откажется от догматичного преподавания учебных курсов в виде исключительно ненаглядных лекционных занятий и невнятного наполнения практических занятий. В рамках преподавания рассматриваемой нами дисциплины основной упор необходимо сделать на огромный пласт интерактивных методов с использованием онлайн-технологий. Все дело в том, что сейчас в вузе обучается поколение зуммеров, для него характерно, как ранее мы установили, общение и обучение в онлайн-пространстве с помощью IT-технологий.

Отметим тот факт, что мы отходим от преподавания массового политического образования, ориентированного на старшеклассников, учащихся колледжей и техникумов, студентов, для которых политология не является основной дисциплиной. Главной задачей такого образования является политическая социализация личности, воспитание гражданственности, формирование высокой политической культуры, навыков аналитического мышления, способности критически оценивать разнообразные явления политической реальности, умения ориентироваться в многообразии информации, относящейся к политической сфере [Гукова, Бойко, Половнева 2021, с. 243]. Очевидно, что, вводя и «Уроки о важном» для школьников и дисциплину «Основы российской государственности» для студентов, необходимо было в данном процессе обозначить различные политические процессы, особенно в меняющемся обществе и современном мироустройстве, продемонстрировать молодым людям, как они смогут найти свое место в будущей России. На наш взгляд, официальная линия предоставления подобного политического знания на сегодня только формируется. Особенно это заметно в контексте существования двух учебников по дисциплине «Основы российской государственности» (учебное пособие для студентов, изучающих социогуманитарные науки; учебное пособие для студентов естественнонаучных и инженерно-технических спе-

циальностей). В данном контексте представляется дискуссионным вопрос о таком подходе к преподаванию рассматриваемой нами дисциплины.

Формирование и закрепление политического знания у молодежи может оформляться и через различные патриотические мероприятия (молодежные форумы, различные диктанты, квизы, квесты и т. д.). По информации Министерства просвещения России и Министерства науки и высшего образования России, около 500 тыс. школьников и около 140 тыс. студентов из 640 вузов приняли участие в Диктанте Победы – 2023. Или, как следует из отчета Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь) за 2022 год, доля молодежи, охваченная различными патриотическим акциями и проектами, составила 4,8%[6]. В абсолютных цифрах это почти 1 млн 800 тыс. молодых людей. Через проекты, гранты, квизы у молодых людей формируется, скорее, неакадемическое, а практическое политическое знание, то есть их опытные наставники, кураторы, по большей части, применяют практико-ориентированный подход с элементами лекционной подачи материала (особенно, на молодежных форумах), что само по себе является ответом на социально-психологические особенности поколения молодых людей, о которых мы писали в статье. Однако мы точно можем охарактеризовать данное знание как эмпирическое и основанное на политическом опыте предшествующих поколений.

Вместе с тем мы рассматриваем политическое просвещение через официальные образовательные организации и организации, которые аффилированы с государством. Однако в современной России политическое просвещение осуществляют и другие акторы политической социализации.

Рассмотрим деятельность в данном направлении средств массовой информации. ВЦИОМ в 2022 г. опубликовал данные своего опроса, согласно которому молодые люди явно не получают новости о событиях в стране и в регионе из телевидения[7]. В возрасте от 18 до 24 лет у молодежи в приоритете «Интернет – социальные сети, блоги» – 45%, на втором месте находится «Интернет – но-

[6] Отчет об итогах деятельности Федерального агентства по делам молодежи в 2022 г. URL: https://fadm.gov.ru/upload/iblock/85e/r74j5j7lk9kb8oc04xg77hwzk1gdhul7/Отчет_о_деятельности_Росмолодежи_в_2022_году.pdf (дата обращения 03.09.2023).

[7] Аналитический отчет «Медиапотребление и активность в Интернете: Данные опроса россиян». URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete (дата обращения 05.09.2023).

востные, аналитические, официальные сайты» – 28%. И только на третьем месте находится телевидение – 11%. Подобные результаты и в группе 25–34 лет. Газеты не находятся даже в первом пятерке источников получения новостей, тоже самое и с радио.

Таким образом, мы видим, что молодежь не воспринимает новостную повестку через традиционные медиа. Интернет-пространство стало для такой группы основной средой для политического просвещения, что является закономерным явлением. Так, согласно отчету Digital 2022 Global Overview в РФ, 129,8 млн человек являются интернет-пользователями[8]. В отчете отмечается, что в 2022 г. в Российской Федерации насчитывалось 106 млн пользователей социальных сетей. Согласно исследованию российского Интернета, 39% пользователей Интернета его используют для чтения новостей, причем в социальных сетях. До СВО внимание пользователей Интернета к популярным социальным платформам распределялось следующим образом: WhatsApp – 80,9%, VK – 76,4%, Instagram* – 63,7%, Telegram – 50,8%, TikTok – 46,6%. А в 2023 г. Telegram впервые обошел WhatsApp по объему трафика в России. Вероятно, это происходит из-за того, что данный мессенджер становится полноценной информационной площадкой.

Очевидно, что среди пользователей интернета и социальных сетей довольно большая доля принадлежит молодежи. Так, по результатам проведенного в 2023 г. исследования Левада-центром (в настоящее время признан в РФ иностранным агентом) больше всего ежедневных пользователей соцсетей среди опрошенных 18–24 лет (91%), меньше всего – среди респондентов 55 лет и старше (30%)[9].

Все эти данные могут свидетельствовать о том, что молодежь получает политическое знание (научное и обыденное) в основном из интернета – социальных сетей, сайтов, также использует для этого мессенджеры. Этому способствовал факт массового распространения мобильного интернета, развитие рынка смартфонов и развитие онлайн-коммуникации. Для зуммеров и миллениалов информация, размещенная в сети Интернет, считается более адекватной и правдивой, чем информация через традиционные СМИ,

---

[8] Отчет Digital 2022 Global Overview Russian Federation. URL: https://vc.ru/marketing/383351-samyy-svezhiy-otchet-digital-2022-global-overview (дата обращения 05.09.2023).

*В настоящее время запрещен в РФ.

[9] Аналитический отчет «Аудитория социальных сетей и мессенджеров». URL: https://www.levada.ru/2023/04/18/auditoriya-sotsialnyh-setej-i-messendzherov/ (дата обращения 05.09.2023).

которые, как они считают, подвергаются различному ограничению плюрализма. В опросе 2022 г. Левада-центра** респонденты в возрасте от 18 до 24 лет отметили, что они доверяют информации из социальных сетей (42%), чем основным российским государственным телеканалам – «Первый канал», «Россия», «Звезда», RT (20%)[10]. Следовательно, у молодых людей формируется мнение, что официальные медиа несколько искажают политическое знание, а социальные сети могут полноценно дать правильное знание о политической действительности. Получается, что для молодежи агентами политической социализации и агентами политического просвещения совершенно точно становятся социальные сети.

В рамках данного контекста необходимо проанализировать феномен дихотомического получения политического знания. С одной стороны, молодые люди, особенно если они получают образование в аккредитованных государством образовательных учреждениях, получают политическое знание такое, которое должно быть по мнению официальных должностных лиц и органов государственной власти. Очевидно, что такое просвещение идет через официальные учебники, учебные пособия, через официальные сайты и официальные аккаунты в социальных сетях тех агентов, которым государство поручило политическое просвещение учащейся молодежи. С другой стороны, молодежь, кроме официальных государственных источников, получает политическое знание от других субъектов – блогеров, например. Как мы видели по статистике, молодежная аудитория социальных сетей и мессенджеров существенно выше, чем молодежная аудитория традиционных медиа. И все по той же выше приведенной статистике мы можем заключить, что молодые люди получают новости из онлайн-пространства именно потому, что они отличаются от официальных государственных источников. Значит, молодые люди точно хотят найти другое политическое знание. И, следовательно, в сознании молодежи формируются разнонаправленные политические знания, которые не позволяют сформировать единую систему знаний и ценностей. Именно поэтому молодые люди иногда в опросах про эмиграцию из России положительно и отвечают на такой вопрос. Хотя в то же время они достаточно уверенно находят разные общественно-приемлемые значения понятия «патриотизм».

** Признан иноагентом в РФ.

[10] Аналитический отчет «Восприятие новостной информации среди россиян». URL: https://www.levada.ru/2022/08/16/vospriyatie-novostnoj-informatsii-sredi-rossiyan-otnoshenie-k-presledovaniyu-v-internete/ (дата обращения 05.09.2023).

Конечно, мы не можем утверждать, что все молодые люди читают новости в интернете, которые вредят обществу и государству. Однако мы понимаем, что, например, в том же телеграмме есть каналы, которых в настоящее время Роскомнадзор РФ обязал маркировать словосочетанием «иностранный агент». Количественные данные по пользователям нам не все доступны. Вместе с тем мы понимаем, что среди подписчиков таких каналов есть молодые люди в возрасте от 14 до 35 лет. Поэтому если хотя бы часть из учащейся молодежи является подписчиками таких телеграмм-каналов, то она точно получает дихотомическое политическое знание. Блокировка нежелательных каналов в телеграмме, сайтов организаций, которые формируют политическое знание, отличное от знания официальных органов власти и официальных образовательных организаций, приводит к противоречивому эффекту: с одной стороны, молодые люди могут меньше получать политическое знание от тех, кто был заблокирован (это будет затруднительным процессом, но возможным через различные специальные программы); с другой стороны, такая возможность получить заблокированный контент является для молодежи возможностью посмотреть и послушать альтернативное политическое знание, к чему у молодых людей будет больше доверия из-за того, что данное знание блокирует государство.

По результатам проведенного нами анализа процесса политического просвещения молодых людей нам необходимо дать некоторые рекомендации. Во-первых, надо начать общественную дискуссию о том, какое мы точно должны давать политическое знание молодежи. В рамках такого процесса надо провести серию круглых столов, совещаний с представителями профессионального сообщества политологов и педагогического сообщества. Нужно найти оптимальные варианты для формирования политического знания у молодежи.

Во-вторых, необходимо, на наш взгляд, пересмотреть подходы к обучению молодых людей. Специфика их развития и становления их политического сознания происходит на фоне научно-технического прогресса, что предполагает поливариантность в получении знаний. Отказаться от современных технологий уже точно нельзя, они внедрились и до сих пор внедряются в систему школьного и вузовского образования. Поэтому современное преподавание политического знания не может проходить без этих технологий, а следовательно, у молодых людей будут возможности их использовать для получения всех точек зрения в рамках политического знания.

В-третьих, необходимо профессиональному сообществу политологов выработать инструменты и подходы к распознаванию фейков в политической жизни. Молодые люди иногда смотрят и читают заблокированный контент в сети Интернет именно потому, что в нем, по их мнению, существует убедительное знание по тому или иному политическому вопросу, хотя оно иногда может быть сфабриковано и полностью не соответствовать действительности. На сегодня Роскомнадзор блокирует, не всегда работает с таким контентом в плане донесения до молодежи его неправдоподобности.

В-четвертых, необходимо дать импульс молодым людям в поиске политического знания и в официальных источниках. Для этого нужно повысить уровень доверия молодежи к таким источникам, не императивно, а с помощью «мягкой силы» (создания научно-просветительских передач на телевидении в контексте формирования правдоподобного политического знания, предоставление молодым людям самим формировать контент для его размещения в официальных источниках и т. д.).

Литература

Вилков 2015 – *Вилков А.А.* Практика преподавания политологии в вузе: проблемы и перспективы // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 6. С. 17–22.

Галкин, Пряхина 2023 – *Галкин Н.А., Пряхина Т.М.* Ребенок и Конституция России: разговоры о важном // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». 2023. Т. 23. Вып. 2. С. 193–199.

Грачев 2023 – *Грачев М.Н.* Политическая наука как проект ЮНЕСКО: К 75-летию международной конференции «Методы в политической науке» // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 3. С. 12–27.

Гукова, Бойко, Половнева 2021 – *Гукова И.Н., Бойко Ж.В., Половнева Л.С.* Состояние политического образования в современной России: проблемы и пути их решения // Via in tempore. История. Политология. 2021. Т. 48. № 1. С. 238–248.

Склярова, Бродовская 2023 – *Склярова Н.Ю., Бродовская Е.В.* Ценности, установки и идентичность молодежи, получающей педагогическое образование в России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 105–131.

Шутов, Соболев 2020 – *Шутов А.Ю., Соболев В.А.* Становление политической науки в СССР: К 30-летию официального признания // Диалог со временем. 2020. Вып. 71. С. 28–38.

References

Vilkov, A.A. (2015), "Practice of teaching political science in a higher education institution. Issues and prospects", *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, no. 6, pp. 17–22.

Galkin, N.A. and Pryakhina, T.M. (2023), "The child and the Constitution of Russia: Conversations about important issues"*, Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo*, vol. 23, iss. 2, pp. 193–199. URL: https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-193-199, EDN: LTKHZF.

Grachev, M.N. (2023), "Political science as a UNESCO project. On the 75th anniversary of the international conference on 'Methods in political science' ", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 12–27.

Gukova, I.N., Boyko, Z.V. and Polovneva, L.S. (2021), "State of political education in modern Russia. Issues and ways of their solution", *Via in tempore. History and Political Science*, vol. 48, no. 1, pp. 238–248.

Sklyarova, N.Yu. and Brodovskaya, E.V. (2023), "Values, attitudes, and identity of young getting pedagogical education in Russia", *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 1, pp. 105–131.

Shutov, A.Yu. and Sobolev, V.A. (2020), "Formation of political science in the USSR. On the 30th anniversary of official recognition", *Dialogue with Time*, iss. 71, pp. 28–38.

Информация об авторе

Андрей В. Махрин, кандидат политических наук, Тульский государственный университет, Тула, Россия, 300012, Россия, Тула, пр-кт Ленина, д. 92; machrin@mail.ru

Information about the author

Andrei V. Makhrin, Cand. of Sci. (Political Science), Tula State University, Tula, Russia, 92, Lenina Av., Tula, Russia, 300012; machrin@mail.ru

УДК 322(47+57)
DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-171-191

Институты взаимодействия с религиозными объединениями в постсоветских государствах: сравнительный анализ

Сергей П. Донцев
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, dontsev@gmail.com

Аннотация. В статье проведен анализ функциональных полномочий институтов взаимодействия с религиозными структурами в постсоветских государствах, за исключением стран Балтии. Институты рассматриваются в рамках централизованной модели управления государственно-конфессиональными отношениями. Выделяются государства, в которых реализуется данная модель. Показаны предпосылки формирования централизованной модели. Выделяются институты, компетенция которых связана только с религиозной сферой и те, чей функционал затрагивает более широкую область деятельности. Показаны варианты различных статусов данных институтов. По результатам анализа Положений о деятельности и профильного законодательства, выделяются блоки стандартного функционала (информационно-аналитический, коммуникативный, связанный с регистрацией и ликвидацией религиозных объединений, законотворческий, посреднический и др.) и расширенного контрольного функционала (контроль за производством и распространением материалов религиозного содержания, непосредственный контроль за религиозной деятельностью, за учреждением и работой религиозных образовательных учреждений, строительством культовых сооружений, организацией паломничества). Все централизованные институты по взаимодействию с религиозными объединениями разделяются на три группы в зависимости от объема функционала (с широким функционалом, средним и ограниченным). Делается вывод, что централизованная модель регулирования взаимодействий с религиозными структурами позволяет при необходимости обеспечить довольно значительный контроль за религиозной сферой благодаря расширенному контрольному функционалу, которым наделяются соответствующие централизованные органы.

Ключевые слова: государственные институты, религиозные институты, государственно-конфессиональные отношения, религиозная политика, постсоветские государства

© Донцев С.П., 2025

Для цитирования: Донцев С.П. Институты взаимодействия с религиозными объединениями в постсоветских государствах: сравнительный анализ // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 3. С. 171–191. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-171-191

Institutions of interaction with religious associations in post-Soviet states: a comparative analysis

Sergei P. Dontsev
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, dontsev@gmail.com

Abstract. The article analyzes the functional powers of institutions of interaction with religious structures in post-Soviet states with the exception of the Baltic states. Institutions are considered within the framework of a centralized management model of state-confessional relations. It focuses on the states, where such a model is being realized. The prerequisites for the formation of a centralized model are shown. There are institutions which competence is related only to the religious sphere and those which functionality affects a broader field of activity. The variants of different statuses of those institutions are shown. The author identifies blocks of standard functionality (information-analytical, communicative, related to the registration and liquidation of religious associations, law-making, mediation, etc.) and extended control functionality (control over the production and distribution of religious content materials, direct control over religious activities, the establishment and operation of religious educational institutions, the construction of religious buildings, and the organization of pilgrimages). All centralized institutions for cooperation with religious associations are divided into three groups depending on the scope of their functionality (broad, medium, and limited). It is concluded that the centralized model of regulating interactions with religious structures makes it possible, if necessary, to ensure fairly significant control over the religious sphere thanks to the expanded control functionality provided by the relevant centralized authorities.

Keywords: state institutions, religious institutions, state-confessional relations, religious policy, post-Soviet states

For citation: Dontsev, S.P. (2025), "Institutions of interaction with religious associations in post-Soviet states: a comparative analysis", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 171–191, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-171-191

Введение

Государственно-конфессиональные отношения предполагают наличие определенной институциональной среды, в рамках которой осуществляется коммуникация. Со стороны государства это может быть система институтов, в полномочия которых входит взаимодействие с религиозными структурами. Их довольно много. В постсоветских государствах в той или иной степени с религиозными объединениями могут взаимодействовать самые разные институты исполнительной и законодательной власти, для которых данное направление взаимодействий хотя и может быть частью функциональных полномочий (например, функция регистрации), но не является приоритетным. В то же время в системе государственно-конфессиональных отношений особое место занимают институты, специально сформированные государством для взаимодействия именно с религиозными объединениями, которые отвечают за реализацию отдельного направления государственной политики, связанной с регулированием религиозной сферы. Они уполномочены от лица государства на эти взаимодействия и обладают соответствующим функционалом. Подчеркнем, что именно от степени эффективности и разветвленности сети политических институтов в первую очередь зависят устойчивость и стабильность современных политических систем, результативность их деятельности, достижимость социально значимых целей [Жабров 2022, с. 36]. Однако исследований, посвященных изучению работы специализированных институтов по взаимодействию с религиозными объединениями в постсоветских государствах, не много. Как правило, анализ институционального аспекта государственно-конфессиональных отношений в той или иной степени приводится в комплексных работах, посвященных отдельным постсоветским государствам или группам стран [Земляков, Тиханский, Шерис 2016; Юнусов 2012; Khalid 2003]. Сравнительному же анализу государственных органов, отвечающих за государственно-конфессиональные отношения, посвящены единичные работы, представляющие собой обзоры общего характера, в которых функциональный аспект институтов детально не рассматривается [Алейникова 2014; Алимов 2011]. В данной публикации предпринимается попытка восполнить указанный пробел. В статье анализируется функционал централизованных институтов, опосредующих отношения государства и религиозных объединений в постсоветских государствах, за исключением стран Балтии.

Предпосылки формирования

Для постсоветских государств сама возможность появления таких институтов во многом восходит к советской модели государственно-конфессиональных отношений. Важным этапом ее институционализации стало появление в 1965 г. Совета по делам религий при Совете Министров СССР в результате объединения Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов при СНК СССР. В некоторых республиках были сформированы самостоятельные структуры по делам религий – Совет по делам Армянской Церкви при Совете Министров Армянской ССР (в 1944 г.), Совет по делам религий при Совете Министров Украинской ССР (в 1974 г.), Совет по делам религий при Совете Министров РСФСР (1986 г.). Новое Положение о союзном Совете, принятое в апреле 1991 г., трансформировало этот орган из контрольно-распорядительного в информационно-аналитический[1]. Но в новом статусе он проработал совсем недолго и был упразднен уже в ноябре 1991 г. С упразднением союзного Совета и аппарата его уполномоченных на местах государство самоудалялось от контроля за деятельностью религиозных объединений [Курилов 2022, с. 223–262]. Однако в отдельных случаях данные институты в бывших советских республиках не исчезали, а плавно трансформировались в новые. Так, на Украине у республиканского Совета по делам религий поменялось название, сократились функции (контрольно-распорядительные исчезли), и в новом качестве он продолжил свою работу. Затем, неоднократно меняя названия, полномочия, ведомственную принадлежность, он пришел к своему сегодняшнему состоянию в виде Государственной службы Украины по этнополитике и свободе совести [Донцев 2021]. Довольно быстро новые органы были воссозданы в 1992 г. в Беларуси (Республиканский орган государственного управления по делам религий – Уполномоченный по делам религий и национальностей) и Узбекистане (Комитет по делам религий при Кабинете министров республики). Остальные же государства в первые годы своей независимости не формировали специальных институтов для взаимодействия с религиозными структурами. Такая модель сохранилась на сегодняшний день только в Молдове, где до сих пор в системе государственных органов отсутствуют какие-либо специализиро-

[1] Постановление Кабинета министров СССР № 209 от 26 апреля 1991 г. «Об утверждении Положения о Совете по делам религий при Кабинете Министров СССР». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102011251&rdk=&link_id= (дата обращения 20.02.2025).

ванные институты для взаимодействий с религиозными структурами. Россия пошла по пути формирования децентрализованной модели, в которой органы для взаимодействия создавались как на федеральном (Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ (в 1994 г.), Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте (в 1995 г), профильные комитеты Государственной думы и Совета Федерации), так и региональном уровне, но при этом отсутствовал централизованный специализированный орган, регулирующий религиозную сферу.

Все же остальные государства так или иначе, но пришли к централизованной модели и создали у себя специализированный государственный орган, курирующий религиозную сферу и входящий в структуру исполнительной власти. В Кыргызстане Государственная комиссия по делам религии (Госкомрелигии) появилась в 1996 г. Правда, как отмечают исследователи, ее реальная работа началась только после принятия в 2008 г. нового профильного закона о свободе вероисповеданий, усилившего контроль за деятельностью религиозных организаций [Данилов, Балин 2020, с. 218–228] Остальные государства формировали подобные органы уже в 2000-х гг. (см. табл.). Последней по времени – в 2016 г. – была сформирована Комиссия по работе с религиозными организациями и экспертизе ресурсов, содержащих религиозные сведения, издательской и полиграфической продукции в Туркменистане. Формировались все подобные органы по разным причинам. В ряде случаев это происходило в ходе административных реформ, как например, Таджикистане, где в русле политики по увеличению количества органов исполнительной власти в 2010 г. при Правительстве страны были созданы четыре новых ведомства – среди которых и Комитет по делам религии [Раззоков 2013, с. 19–20]. В Азербайджане Государственный комитет по работе с религиозными структурами создавался как своеобразная альтернатива (в административно-регулятивной составляющей) Управлению мусульман Кавказа (УМК), обладающая большими полномочиями [Юнусов 2012, с. 118]. При этом, по мнению М. Муртазина, в период 2001–2006 гг. комитет даже претендовал на то, чтобы стать «посредником между мусульманскими организациями», оттеснив на второй план УМК [Муртазин 2021, с. 164]. В Туркменистане, как отмечалось выше, Комиссия по работе с религиозными организациями и экспертизе ресурсов, содержащих религиозные сведения, издательской и полиграфической продукции была создана только в 2016 г., но в период с 1994 по 2015 г. в республике существовал Генгеш (Совет) по делам религии при президенте Туркменистана, который одновременно являлся и контролирующим органом,

и экспертным советом, в составе которого находились представители религиозных организаций[2]. Все подобные структуры в странах с централизованной институциональной моделью создавались по разным причинам, но их появление шло в тренде усиления контролирующей функции государства за религиозной сферой. Формирование таких институтов всегда вызывало дискуссию, связанную с опасениями о возможностях возвращения к советской модели регулирования религии. В ряде случаев, когда сформированные структуры имели широкий функционал полномочий, такие опасения были не беспочвенны.

Анализ функционала

Анализ функций специализированных институтов, отвечающих за взаимодействия государства с религиозными структурами, проводится на основе соответствующих Положений об их деятельности (в Туркменистане и Армении на основе профильных законов).

Все такие институты можно разделить на две группы. В первую включаются те, компетенция которых связана только с религиозной сферой и регулированием вопросов, связанных с реализацией прав на свободу совести и вероисповедания. Сюда относятся институты Азербайджана, Грузии, Кыргызстана, Узбекистана и Туркменистана. В остальных государствах функционал института, занимающегося религиозной сферой, одновременно включает и какую-либо другую область деятельности, как правило связанную с национальной политикой. Так, в Армении профильный отдел правительства координирует также «сферы национальных меньшинств и религии»[3], в Беларуси – профильный институт Уполномоченного принимает участие в формировании и реализации «политики в области взаимодействия с общественными объединениями граждан, относящих себя к национальным меньшинствам». На Украине – занимается этнополитикой. В Таджикистане про-

[2] Закон Туркменистана № 199-II от 21 октября 2003 г. «О свободе вероисповедания и религиозных организациях (в редакции Законов Туркменистана от 02.07.2009 г., 03.05.2014 г., 16.08.2014 г.)». URL: https://base.spinform.ru/show_red.fwx?rid=38496#A000000008 (дата обращения 20.02.2025).

[3] Отдел по вопросам национальных меньшинств и религии // Правительство Республики Армения – официальный сайт. URL: https://www.gov.am/ru/religion/ (дата обращения 20.02.2025).

фильный институт занимается также регулированием традиций, торжеств и обрядов.

Все рассматриваемые институты имеют разный правовой статус, который может меняться со временем. Самая нестабильная ситуация в этом отношении на Украине, где профильный институт восемь раз менял название и ведомственную принадлежность, и в Казахстане, где было семь схожих изменений и даже существовало отдельное Министерство по делам религий и гражданского общества (2016–2018).

В настоящее время самый низкий статус профильного института в Армении и Казахстане. В Армении – это отдел в аппарате правительства, а в Казахстане – ведомство в структуре министерства. В остальных странах институты существуют в статусе специально уполномоченной службы в структуре исполнительной власти.

Стандартный функционал

Все рассматриваемые институты имеют как общий для всех функционал, так и особенный. К общему функционалу, который есть у всех без исключения институтов, относится блок информационно-аналитических функций, а также блок коммуникативных функций, позволяющий им работать в качестве площадки, опосредующей взаимодействия между государством и религиозными структурами. Информационная функция в работе этих институтов нередко связана с трансляцией определенных ценностей, что позволяет рассматривать их в качестве своеобразных агентов социализации. Государство накладывает на них задачу не только информирования о проводимой политике (она есть у всех подобных институтов), но и просвещения населения, распространения определенных идей, связанных с веротерпимостью. Такие задачи четко не прописаны только в положениях о работе профильных институтов Армении и Туркменистана. В остальных странах они есть и не ограничиваются пропагандой идей веротерпимости, принципов «светского, поликонфессионального общества» (Кыргызстан), поддержкой «толерантной среды в гражданском обществе» (Грузия) и т. п., но могут и предполагать подготовку и проведение различных мероприятий, в том числе религиозных праздников, дней культуры и т. п. (Беларусь), разработку целевых «дорожных карт» для усиления «духовно-просветительской пропагандистской деятельности» (Узбекистан) и т. п. Наиболее детально это направление деятельности прописано в функционале Комитета по делам религий в Узбекистане, который помимо всего

вышеперечисленного еще обязан не допускать распространения и опровергать информацию (в сети Интернет и социальных сетях), противоречащую государственной политике в сфере религии[4].

В связи с тем, что в постсоветских государствах деятельность религиозных объединений предполагает наличие той или иной регистрации, то на соответствующие профильные институты может возлагаться как функция прямой регистрации, так и функция проведения экспертизы или подготовки заключения о ее возможности. В последнем случае непосредственную регистрацию осуществляет иной уполномоченный государственный орган, как правило, Министерство юстиции. Но так или иначе данный набор функций можно отнести к регистрирующим, и они есть у всех рассматриваемых институтов за исключением Грузии и Казахстана. В Азербайджане, Беларуси и Украине, Кыргызстане, Таджикистане профильные институты сами осуществляют прямую регистрацию. В Азербайджане профильный комитет непосредственно регистрирует религиозные структуры и ведет их реестр. В Беларуси на Уполномоченного по делам религий и национальностей также возлагается функция ведения Государственного реестра религиозных организаций и определения перечня сведений, которые в него включаются (до 1 января 2026 г.)[5]. На Украине профильный институт регистрирует религиозные организации в качестве юридических лиц и их уставы. В Армении – регистрирует уставы религиозных организаций. В Кыргызстане профильным институтом ведется не только учетная регистрация религиозных организаций, но и объектов религиозного назначения. В Таджикистане Комитет по делам религии также осуществляет регистрацию религиозных объединений и ведет соответствующий реестр.

В остальных странах у профильного института наличествует только функционал косвенной регистрации. Так, в Туркменистане профильная комиссия подготавливает соответствующие предложения Министерству адалат Туркменистана для регистрации ре-

[4] Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан № 612 от 29.09.2021 г. «Об утверждении Положения о Комитете по делам религий при Кабинете Министров Республики Узбекистан». URL: https://lex.uz/docs/5663785 (дата обращения 20.02.2025).

[5] Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 465 от 2 июля 2024 г. «О реализации Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2023 г. № 334-З “Об изменении законов по вопросам деятельности религиозных организаций”». URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22400465 (дата обращения 20.02.2025).

лигиозных организаций и их филиалов[6], а в Узбекистане Комитет по делам религий рассматривает заявления религиозных организаций о получении заключения об их регистрации, контролирует проведение территориальными управлениями выездной проверки указанных заявлений[7].

Ликвидация же религиозных объединений как правило осуществляется через суд, но профильные институты могут ее инициировать. Так функция обращения в судебные инстанции с предложением о ликвидации религиозной структуры предусмотрена у профильных институтов в Азербайджане, Армении, Беларуси. В Казахстане функция внесения в правоохранительные органы предложения по запрету деятельности физических и юридических лиц, нарушающих религиозный блок законодательства, возложена не на сам Комитет, а на центральный аппарат Министерства информации и общественного развития, в ведомственном подчинении которого он находится[8].

В некоторых случаях у профильного института имеется право непосредственно приостанавливать деятельность религиозных структур. Так, в Кыргызстане это право соотносится с функцией пресечения деятельности религиозных организаций по целому ряду условий, связанных с безопасностью[9]. В Таджикистане Комитет по делам религии может направлять религиозному объединению предупреждения и тоже приостанавливать деятельность, если, по его мнению, нарушается законодательство или устав[10]. В осталь-

---

[6] Закон Туркменистана «О свободе вероисповедания и религиозных организациях». URL: https://mejlis.gov.tm/single-law/91?lang=ru (дата обращения 20.02.2025).

[7] Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 612 от 29.09.2021 г. «Об утверждении Положения о Комитете по делам религий при Кабинете министров Республики Узбекистан» URL: https://lex.uz/docs/5663785 (дата обращения 20.02.2025).

[8] Постановление Правительства Республики Казахстан № 866 от 4 октября 2023 г. «О некоторых вопросах Министерства культуры и информации Республики Казахстан». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000866#z842 (дата обращения 20.02.2025).

[9] Положение о Государственной комиссии по делам религий Кыргызской Республики. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/46-2533/edition/1215980/ru (дата обращения 20.02.2025).

[10] Положение комитета по религии, упорядочения традиций, торжеств и обрядов при Правительстве Республики Таджикистан. URL: http://www.portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=11889 (дата обращения 20.02.2025).

ных государствах профильный институт не участвует в процедурах запрета и ликвидации, и эта функция остается за министерствами юстиции.

У всех профильных институтов в той или иной степени имеется функция экспертизы и/или разработки законопроектов, регулирующих религиозную сферу. В Азербайджане непосредственно о законотворческой работе профильного Комитета не говорится, но зато есть функция подготовки и осуществления целевых программ в сфере отношений «государство–религия»[11]. Все же остальные постсоветские институты могут разрабатывать нормативно-правовые акты. В Беларуси, Таджикистане и Украине отдельно оговаривается и право вносить их на рассмотрение (в Совет Министров Беларуси, Правительство Республики Таджикистан и Кабинет министров Украины соответственно). В Кыргызстане право вносить на рассмотрение тоже есть без уточнения инстанции. В Казахстане помимо разработки нормативных правовых актов оговаривается возможность их согласования и утверждения профильным Комитетом, если они касаются вопросов прямой компетенции министерства, в которое он входит[12].

Что касается функции контроля за соблюдением законодательства, то она прямо прописана в функциях Комитета Азербайджана и в Беларуси. Но косвенно реализацию этой функции можно найти практически у всех органов.

Появление института религиоведческой экспертизы в постсоветских государствах также можно рассматривать в контексте институционализации взаимодействий между государством и религиозными институтами. Решение проблем с ее организацией позволяет оптимизировать государственно-религиозные отношения и повысить эффективность регулирующих функций в правовом поле [Загребина 2012, с. 132]. В рассматриваемых постсоветских государствах ответственными за ее проведение и организацию органами стали профильные институты по взаимодей-

---

[11] Указ Президента Азербайджанской Республики № 544 от 20 июля 2001 г. «Об утверждении Положения о Государственном комитете Азербайджанской Республики по работе с религиозными структурами». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=28052 (дата обращения 20.02.2025).

[12] Приказ министра культуры и информации Республики Казахстан № 384-НҚ от 27 сентября 2023 г. «Об утверждении Положения республиканского государственного учреждения “Комитет по делам религий Министерства культуры и информации Республики Казахстан”». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/G2300000384 (дата обращения 20.02.2025).

ствию с религиозными объединениями. У всех рассматриваемых институтов за исключением Армении появился соответствующий функционал.

Еще одна распространенная функция – поддержание и организация межрелигиозного диалога, т. е. посредническая функция. Она тоже в том или ином виде присутствует у всех профильных институтов. Особенность взаимодействий государственных и религиозных институтов на постсоветском пространстве состоит в том, что в них задействованы также и межрелигиозные объединения (различные советы и собрания). Они были сформированы в большинстве постсоветских государств и в системе государственно-конфессиональных отношений представляют религиозное сообщество своих стран. Такие советы могут выступать как институты гражданского общества, либо как часть институциональной среды, создаваемой государством для взаимодействия с религиозными объединениями [Донцев 2024]. В последнем случае их деятельность как правило связана с рассматриваемыми в данной статье государственными институтами. Так, Консультативный межконфессиональный совет в Беларуси действует при Уполномоченном по делам религий и национальностей и создается по его инициативе[13]. В Казахстане Министерство информации и общественного развития (в его структуру входит Комитет по делам религий) оказывает поддержку Собранию представителей религиозных объединений Казахстана[14]. Общественно-консультативный Совет по делам конфессий Узбекистана официально работает при Комитете по делам религий и его руководителем является председатель Комитета. Межконфессиональный совет Кыргызстана также был создан при поддержке Госкомрелигии.

В Азербайджане, Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане в функциях профильных институтов присутствует противодействие экстремизму и/или терроризму. Наиболее подробно данный функционал отражен в Узбекистане, где комитет непосредственно «помогает выявлять и пресекать деятельность экстремистских

[13] Положение о консультативном межконфессиональном совете при уполномоченном по делам религий и национальностей. Утверждено приказом Уполномоченного по делам религий и национальностей № 53 от 30 декабря 2008 г. URL: https://belarus21.by/Articles/kon_kos_pol (дата обращения 20.02.2025).

[14] Взаимодействие с религиозными объединениями // Комитет по делам религий Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/din/activities/1071?lang=ru&parentId=141 (дата обращения 20.02.2025).

группировок» и ведет масштабную информационно работу по противодействию пропаганде терроризма и экстремизма, в том числе и в Интернете[15].

Во всех рассматриваемых странах, кроме Армении, профильные институты уполномочены вести международную деятельность, сотрудничать с международными организациями, аналогичными органами других государств. В Беларуси отдельно указано право подписывать международные договоры, на Украине – участие в разработке проектов международных договоров. В Узбекистане – право заключать соглашения о сотрудничестве с зарубежными органами по делам религии.

Расширенный контрольный функционал

Если описанный выше функционал присутствует у подавляющего большинства рассмотренных институтов, то далее пойдет речь о некоторых функциях, которые связаны с контролем и регулированием религиозной сферы и которые имеются только в отдельных государствах. Эти функции существенно расширяют базовый функционал профильных институтов, наделяя их значительно более широкими полномочиями.

К блоку такого расширенного функционала относится контроль за производством и распространением (в том числе и за импортом) материалов религиозного содержания. Этот контроль предполагает выдачу соответствующих разрешений и в некоторых случаях маркировку разрешенной продукции. Масштаб этого контроля со стороны профильного органа может быть разным. В наиболее полном варианте он реализован в Азербаджане и Узбекистане. Среди задач азербайджанского Комитета по работе с религиозными структурами прямо указано обеспечение контроля над производством, импортом и распространением не только материалов религиозного содержания, но и товаров и изделий религиозного назначения. Комитет дает разрешения на их производство, распространение, импорт и экспорт, а также контролирует создание специализированных пунктов их продажи. Кроме того, Комитет дает заключения об учреждении религиозных

[15] Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан № 612 от 29.09.2021 г. «Об утверждении Положения о Комитете по делам религий при Кабинете Министров Республики Узбекистан» // Lex.uz – Национальная база данных законодательной информации Республики Узбекистан. URL: https://lex.uz/docs/5663785 (дата обращения 20.02.2025).

печатных изданий[16]. В Узбекистане Комитету по делам религий поручено проведение экспертизы практически всех возможных материалов религиозного содержания (как печатных, так и электронных изданий, издаваемых в республике, так и импортируемым). Кроме того, комитет не реже двух раз в год обязан предоставлять список запрещенных материалов[17]. В Беларуси же возможности Уполномоченного органа ограничены только проведением религиоведческой экспертизы религиозной литературы, поступающей в организации, а также на ввозимые из-за рубежа религиозные материалы[18]. Еще более ограниченный функционал в Казахстане (можно сказать, что здесь он реализован частично): Комитет по делам религий только разрабатывает инструкции по определению расположения помещений для распространения материалов религиозного содержания и предметов религиозного назначения[19].

К блоку расширенного функционала относится также непосредственный контроль за религиозной деятельностью, наиболее ярким воплощением которого является участие профильного института в процедурах назначения на руководящие должности в религиозных структурах. Это представляется наиболее серьезным расширением функционала государственных органов по контролю за религиозной сферой в постсоветский период. Даже Совет по делам религий при Совете Министров СССР формально такими полномочиями не обладал. В Азербайджане же Государственный комитет по работе

---

[16] Указ Президента Азербайджанской Республики № 544 от 20 июля 2001 г. «Об утверждении Положения о Государственном комитете Азербайджанской Республики по работе с религиозными структурами». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=28052 (дата обращения 20.02.2025).

[17] Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан № 612 от 29.09.2021 г. «Об утверждении Положения о Комитете по делам религий при Кабинете министров Республики Узбекистан». URL: https://lex.uz/docs/5663785 (дата обращения 20.02.2025).

[18] Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 465 от 2 июля 2024 г. «О реализации Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2023 г. № 334-З “Об изменении законов по вопросам деятельности религиозных организаций”». URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22400465 (дата обращения: 20.02.2025).

[19] Приказ министра культуры и информации Республики Казахстан № 384-НҚ от 27 сентября 2023 г. «Об утверждении Положения республиканского государственного учреждения “Комитет по делам религий Министерства культуры и информации Республики Казахстан”». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/G2300000384 (дата обращения 20.02.2025).

с религиозными структурами принимает «участие в аттестации религиозных деятелей, относящихся к религии ислам», поднимает «вопрос перед религиозном центром или управлением о назначении религиозных деятелей, в том числе новых религиозных деятелей в места поклонения», а также выдает согласия гражданам, получившим религиозное образование за рубежом, на ведение религиозной деятельности (на основании заявления Управления мусульман Кавказа). В Таджикистане Комитет по делам религии согласовывает вопросы избрания сархатибов, имамхатибов и имамов мечетей[20].

Данный функционал может быть реализован частично, применительно только по отношению к зарубежным религиозным структурам. Именно такая ситуация наблюдается в Казахстане и Туркменистане. В Казахстане Комитет по делам религий согласовывает назначения иностранными религиозными центрами руководителей религиозных объединений[21]. В Туркменистане же профильная Комиссия дает согласие на назначение на должность руководителя религиозной организации, духовный центр которой находится за пределами республики[22].

Большинство же профильных институтов не напрямую согласовывают назначения на должности, а контролируют выдачу разрешения иностранцам на ведение религиозной деятельности. Соответственно, у них появляется необходимый для этого функционал. Он отдельно не прописан в полномочиях Государственного комитета по работе с религиозными структурами Азербайджана, но это объясняется тем, что в республике ведение «религиозной пропаганды» иностранцами (за рядом исключений) запрещено[23].

---

[20] Положение Комитета по религии, упорядочения традиций, торжеств и обрядов при Правительстве Республики Таджикистан. URL: http://www.portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=11889 (дата обращения 20.02.2025).

[21] Приказ министра культуры и информации Республики Казахстан № 384-НҚ от 27 сентября 2023 г. «Об утверждении Положения республиканского государственного учреждения “Комитет по делам религий Министерства культуры и информации Республики Казахстан”». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/G2300000384 (дата обращения 20.02.2025).

[22] Закон Туркменистана «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» (с изменениями и дополнениями). URL: https://mejlis.gov.tm/single-law/91?lang=ru (дата обращения 20.02.2025).

[23] Закон Азербайджанской Республики «О свободе вероисповедания» № 281 от 20 августа 1992 г. (с изменениями и дополнениями) // Законодательство стран СНГ: база данных. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2841 (дата обращения 20.02.2025).

В Беларуси, Казахстане, Кыргызстане и Украине у профильных институтов данный функционал имеется. В Беларуси даже существует отдельное Положение, где регламентированы данные процедуры и указано, что приглашения со стороны белорусских религиозных организаций иностранцев для ведения религиозной деятельности согласуются Уполномоченным по делам религий и национальностей[24]. На Украине Государственная служба по этнополитике и свободе совести также осуществляет согласование вопроса о религиозной деятельности иностранцев[25]. В Казахстане у Комитета по делам религий помимо упомянутого выше контроля за назначением руководителей иностранных религиозных центров есть также функция согласование деятельности (в том числе миссионерской) иностранных религиозных объединений[26]. В Киргизии Госкомрелигии также обладает широким функционалом по учетной регистрации миссий религиозных зарубежных организаций и иностранцев, занимающихся религиозной деятельностью[27].

Еще одним важным блоком расширенного функционала является контроль за учреждением и деятельностью религиозных образовательных учреждений. В той или иной степени этот контроль предусмотрен в функционале профильных институтов Азербайджана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана (максимально полно в Азербайджане и Узбекистане).

---

[24] Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 465 от 2 июля 2024 г. «О реализации Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2023 г. № 334-З “Об изменении законов по вопросам деятельности религиозных организаций”». URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22400465 (дата обращения 20.02.2025).

[25] Постановление Кабинета министров Украины № 503 от 12 июня 2019 г. «Об образовании Государственной службы Украины по этнополитике и свободе совести». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=116887&ysclid=m7b3ymiaaw572849658 (дата обращения 20.02.2025).

[26] Приказ министра культуры и информации Республики Казахстан № 384-НҚ от 27 сентября 2023 г. «Об утверждении Положения республиканского государственного учреждения “Комитет по делам религий Министерства культуры и информации Республики Казахстан”». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/G2300000384 (дата обращения 20.02.2025).

[27] Положение о Государственной комиссии по делам религий Кыргызской Республики (в редакции Указа Президента КР УП № 220 от 3 ноября 2015 г., УП № 6 от 13 января 2023 г.). URL: https://cbd.minjust.gov.kg/46-2533/edition/1215980/ru (дата обращения 20.02.2025).

Профильные институты могут обладать также функцией контроля за строительством культовых сооружений (она есть в Азербайджане, Беларуси, Грузии, Туркменистане).

Функция контроля, а иногда и организации паломничества, также присутствует в функционале профильных институтов. В первую очень они характерны для государств с преимущественно мусульманским населением в силу специфики хаджа, контроль за организацией которого может находиться как у религиозных, так и государственных структур, а также в различных комбинациях. В Азербайджане Комитет по работе с религиозными структурами принимает участие в организации паломничества в святые места за рубежом и в достижении соответствующих межгосударственных соглашений[28]. В Казахстане эта функция реализована частично – Комитет по делам религий только разрабатывает правила туроператорской деятельности, связанные с религией[29]. В Таджикистане же, наоборот, Комитет по делам религии напрямую отвечает за организацию коллективных поездок в хадж и умру, а также определяет порядок посещения святых мест[30].

В Узбекистане традиционно наиболее подробно описано содержание данного функционала. Здесь и координация формирования списков граждан, направляющихся в хадж, и умру, и контроль организации и проведения паломничеств, и развитие контактов в области паломнического туризма за рубежом, и т. п.[31]

---

[28] Указ Президента Азербайджанской Республики № 544 от 20 июля 2001 г. «Об утверждении Положения о Государственном комитете Азербайджанской Республики по работе с религиозными структурами». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=28052 (дата обращения 20.02.2025).

[29] Приказ министра культуры и информации Республики Казахстан № 384-НҚ от 27 сентября 2023 г. «Об утверждении Положения республиканского государственного учреждения “Комитет по делам религий Министерства культуры и информации Республики Казахстан”». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/G2300000384 (дата обращения 20.02.2025).

[30] Положение Комитета по религии, упорядочения традиций, торжеств и обрядов при Правительстве Республики Таджикистан (в редакции Постановления Правительства РТ № 301 от 29.05.2010 г., № 474 от 31.08.2012 г., № 176 от 07.03.2014 г., № 433 от 20.08.2018 г.). URL: http://www.portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=11889 (дата обращения: 20.02.2025).

[31] Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан № 612 от 29.09.2021 г. «Об утверждении Положения о Комитете по делам религий при Кабинете министров Республики Узбекистан». URL: https://lex.uz/docs/5663785 (дата обращения 20.02.2025).

Перечисленные выше функции являются типовыми, однако у ряда институтов есть уникальные, некоторые из которых также напрямую связаны с контролем и регулированием. Так, в Узбекистане у Комитета по делам религий есть функция контроля за содержанием проповедей – обеспечение соответствия «содержания выступлений представителей религиозных организаций во время богослужений Конституции и законам Республики Узбекистан, принципам светского государства»[32]. В Таджикистане Комитет по делам религии контролирует международные связи религиозных организаций[33]. В Туркменистане согласовывают проведение религиозных обрядов за пределами культовых сооружений (функция возложена на местные органы исполнительной власти в сфере религиозной деятельности и взаимодействия с религиозными организациями)[34], на Украине изготавливает мандаты на право осуществления военной капелланской деятельности[35].

Выводы

Все централизованные институты по взаимодействию с религиозными объединениями можно разделить на три группы в зависимости от объема функционала. В группу органов с широким функционалом попадают институты, созданные в Азербайджане, Беларуси, Узбекистане Туркменистане. У них помимо широких полномочий в рамках стандартного функционала присутствуют большинство позиций расширенного контрольного функционала. Также характерно, что они отличаются институциональной стабильностью, практически не меняя ведомственную принадлеж-

[32] Там же.

[33] Положение Комитета по религии, упорядочения традиций, торжеств и обрядов при Правительстве Республики Таджикистан (в редакции Постановления Правительства РТ № 301 от 29.05.2010 г., № 474 от 31.08.2012 г., № 176 от 07.03.2014 г., № 433 от 20.08.2018 г.). URL: http://www.portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=11889 (дата обращения 20.02.2025).

[34] Закон Туркменистана «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» (с изменениями и дополнениями). URL: https://mejlis.gov.tm/single-law/91?lang=ru (дата обращения 20.02.2025).

[35] Постановление Кабинета министров Украины № 503 от 12 июня 2019 г. «Об образовании Государственной службы Украины по этнополитике и свободе совести». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=116887&ysclid=m7b3ymiaaw572849658 (дата обращения 20.02.2025).

ность за все время своей работы. В группу органов со средним функционалом попадают институты, созданные в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и на Украине. У них присутствует большая часть полномочий в рамках стандартного функционала и могут присутствовать отдельные позиции расширенного контрольного функционала. Эти институты за исключением Кыргызстана характеризуются институциональной нестабильностью – за время своего существования они неоднократно трансформировались. В Армении и Грузии работают институты с ограниченным функционалом. Они обладают отдельными функциями стандартного функционала и единичными контрольными. Эти институты также достаточно стабильны. В целом централизованная модель регулирования взаимодействий с религиозными структурами, которой в настоящее время придерживаются большинство постсоветских государств, позволяет при необходимости обеспечить довольно значительный контроль за религиозной сферой. Достигается это с помощью расширенного контрольного функционала, которым наделяются соответствующие централизованные органы.

Таблица 1

Централизованные институты
по взаимодействию с религиозными объединениями

Название государства	*Год создания первого специализированного института*	*Актуальное название по состоянию на начало 2025 г.*	*Функционал*
Азербайджан	2001	Государственный комитет Азербайджанской Республики по работе с религиозными структурами	Широкий
Армения	2004	Отдел по вопросам национальных меньшинств и религии Правительства Республики Армения	Ограниченный
Беларусь	1992	Республиканский орган государственного управления по делам религий – Уполномоченный по делам религий и национальностей	Широкий

Окончание табл. 1

Название государства	*Год создания первого специализированного института*	*Актуальное название по состоянию на начало 2025 г.*	*Функционал*
Грузия	2014	Государственное агентство по религиозным вопросам	Ограниченный
Казахстан	2005	Комитет по делам религий Министерства культуры и информации Республики Казахстан (с 2023 г.)	Средний
Кыргызстан	1996	Государственная комиссия по делам религии (Госкомрелигии)	Средний
Таджикистан	2005	Комитет по религии, упорядочению традиций, торжеств и обрядов при Правительстве Республики Таджикистан (с 2018 г.)	Средний
Туркменистан	2016	Комиссия по работе с религиозными организациями и экспертизе ресурсов, содержащих религиозные сведения, издательской и полиграфической продукции	Широкий
Узбекистан	1992	Комитет по делам религий при Кабинете Министров Республики	Широкий
Украина	1991	Государственная служба Украины по этнополитике и свободе совести (с 2019 г.)	Средний

Литература

Алейникова 2014 – *Алейникова С.М.* Государственное регулирование в религиозной сфере: специфика, проблемы, приоритеты // Проблемы управления. 2014. № 2 (51). С. 139–142.

Алимов 2011 – *Алимов С.В.* Государственные органы по связям с религиозными объединениями: необходимость или излишество // Российское право: образование, практика, наука. 2011. № 6 (77). С. 100–106.

Жабров 2022 – *Жабров А.В.* Политические институты: эволюция представлений и интерпретаций // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 3. С. 28–45.

Загребина 2012 – *Загребина И.В.* Государственная религиоведческая экспертиза: Теория и практика. М.: Юриспруденция, 2012. 220 с.

Данилов, Балин 2020 – *Данилов В.Л., Балин М.А.* Эволюция государственного законодательства Республики Кыргызстан в сфере религии по предупреждению и противодействию распространению идеологии радикального ислама // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2020. № 1 (8). С. 218–228.

Донцев 2021 – *Донцев С.П.* Институциональный аспект государственно-конфессиональных отношений современной Украины // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 3. С. 121–133.

Донцев 2024 – *Донцев С.П.* Политические проекции межрелигиозного диалога на постсоветском пространстве // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 5. С. 177–180.

Земляков, Тиханский, Шерис 2016 – *Земляков Л.Е. Тиханский А.И., Шерис А.В.* Современная государственная политика Беларуси в религиозной сфере. Мн.: Право и экономика, 2016. 180 с.

Курилов 2022 – *Курилов В.А.* Советская модель секуляризации: политическое и правовое регулирование свободы совести в СССР (вторая половина XX в.). СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2022. 344 с.

Муртазин 2021 – *Муртазин М.Ф.* Религиозная ситуация в современном Азербайджане // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 2 (51). С. 163–179.

Раззоков 2013 – *Раззоков Б.Х.* О реорганизации системы центральных органов исполнительной власти Таджикистана // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2013. № 2 (54). С. 16–24.

Юнусов 2012 – *Юнусов А.С.* Исламская палитра Азербайджана. Баку: Адильоглы, 2012. 168 с.

Khalid 2003 – *Khalid A.* A secular Islam: nation, state, and religion in Uzbekistan // International Journal of Middle East Studies. 2003. Vol. 35. No. 4. P. 573–598.

References

Aleynikova, S.M. (2014), “State regulation in the religious sphere. Specifics, issues, priorities”, *Problemy upravleniya*, vol. 51, no. 2, pp. 139–142.

Alimov, S.V. (2011), “Government agencies for relations with religious associations. Necessity or excess”, *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, vol. 77, no. 6, pp. 100–106.

Danilov, V.L. and Balin, M.A. (2020), “The evolution of the state legislation of the Republic of Kyrgyzstan in the field of religion to prevent and counteract the spread of the ideology of radical Islam”, *Vestnik Omskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii*, vol. 8, no. 1, pp. 218–228.

Dontsev, S.P. (2021), "Institutional aspect of state-religious relations in modern Ukraine", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 121–133.

Dontsev, S.P. (2024), "Political projections of interreligious dialogue in the post-Soviet space", *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, no. 5, pp. 177–180.

Khalid, A. (2003), "A secular Islam: nation, state, and religion in Uzbekistan", *International Journal of Middle East Studies*, vol. 35, no. 4, pp. 573–598.

Kurilov, V.A. (2022), *Sovetskaya model' sekulyarizatsii: politicheskoe i pravovoe regulirovanie svobody sovesti v SSSR (vtoraya polovina XX v.)* [The Soviet model of secularization. Political and legal regulation of freedom of conscience in the USSR (the second half of the 20th century)], Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya, Saint Petersburg, Russia.

Murtazin, M.F. (2021), "The religious situation in modern Azerbaijan", *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, vol. 51, no. 2, pp. 163–179.

Razzokov, B.Kh. (2013), "On the reorganization of the system of central executive authorities of Tajikistan", *Bulletin of TSULBP,* vol. 54, no. 2, pp. 16–24.

Yunusov, A S. (2012), *Islamskaya palitra Azerbaidzhana* [The Islamic palette of Azerbaijan], Adil'ogly, Baku, Azerbaijan.

Zagrebina, I.V. (2012), *Gosudarstvennaya religiovedcheskaya ekspertiza: Teoriya i praktika* [State religious studies expertise: Theory and practice], Yurisprudentsiya, Moscow, Russia.

Zhabrov, A.V. (2022), "Political institutions. Evolution of perceptions and interpretations", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 28–45.

Zemlyakov, L.E., Tikhansky, A.I. and Sheris, A.V. (2016), *Sovremennaya gosudarstvennaya politika Belarusi v religioznoi sfere* [Modern state policy of Belarus in the religious sphere], Pravo i ekonomika, Minsk, Belarus.

Информация об авторе

Сергей П. Донцев, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; dontsev@gmail.com

Information about the author

Sergei P. Dontsev, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; dontsev@gmail.com

УДК 323.2(470.316)
DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-192-212

Особенности проявления и регулирования низовой гражданской активности в Ярославской области

Александр А. Фролов
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия, a.a.froloff@gmail.com

Елена А. Исаева
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия, elenia2000@mail.ru

Виктория Ю. Цветкова
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия, vixtsv1628@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей регулирования и развития низовой гражданской активности в Ярославской области. Новые практики низового участия расширяют возможности инициативных граждан, позволяя им объединяться и взаимодействовать друг с другом. В статье анализируется регулирование низовой гражданской активности, определяются основные акторы низовых гражданских инициатив и их мотивы. Отмечается, что цели и мотивы у гражданских активистов довольно дифференцированы: некоторые пытаются решить конкретную проблему для улучшения жизни общества, а другие видят в гражданском активизме возможность самореализоваться. В статье выявляются особенности и отличительные черты развития низовой гражданской активности в Ярославской области по сравнению с другими субъекта Российской Федерации. В работе подчеркивается важность выстраивания диалога между властными структурами и участниками низового гражданского активизма для более эффективного решения общественно-политических проблем. Экспертами дается оценка деятельности объединений территориального общественного самоуправления как формы низовой гражданской активности. Делается вывод о слабой вовлеченности жителей в их деятельность. Результаты исследования демонстрируют, что в Ярославской области сильный кооперативный механизм взаимодействия, предусматривающий объединения в союзы и коалиции для решения конкретных проблем.

Ключевые слова: низовая гражданская активность, Ярославская область, регулирование, власть, некоммерческая организация, территориальное общественное самоуправление, гражданское общество

© Фролов А.А., Исаева Е.А., Цветкова В.Ю., 2025

Для цитирования: Фролов А.А., Исаева Е.А., Цветкова В.Ю. Особенности проявления и регулирования низовой гражданской активности в Ярославской области // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 3. С. 192–212. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-192-212

Features of manifestation and regulation of grassroots civic activity in the Yaroslavl region

Aleksandr A. Frolov
P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, a.a.froloff@gmail.com

Elena A. Isaeva
P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, elenia2000@mail.ru

Victoria Yu. Tsvetkova
P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia, vixtsv1628@yandex.ru

Abstract. The article deals with the analysis of the peculiarities in regulation and development of grassroots civic activity in the Yaroslavl region. New grassroots participation practices expand the opportunities for proactive citizens, allowing them to connect and interact with each other. The article analyzes the regulation of grassroots civic activity, identifies the main actors of grassroots civic initiatives and their motives. It is noted that the goals and motives of civil society activists are quite differentiated: some are trying to solve a specific issue to improve the life of society, while others see in civil activism an opportunity to self-actualize. The article identifies the characteristics and distinctive features of the development of grassroots civic activity in the Yaroslavl region compared to other subjects of the Russian Federation. The paper emphasizes the importance of building a dialogue between government structures and participants in grassroots civic activism, in order to more effectively solve socio-political issues. Experts assess the activities of associations of territorial public self-government as a form of grassroots civic activity. The conclusion is made about the weak involvement of residents in their activities. The results of the study demonstrate that there is a strong cooperative mechanism of interaction in the Yaroslavl region, which provides for unions and coalitions to solve specific challenges.

Keywords: grassroots civic activity, Yaroslavl region, regulation, authority, non-profit organization, territorial public self-government, civil society

For citation: Frolov, A.A., Isaeva, E.A. and Tsvetkova, V.Yu. (2025), "Features of manifestation and regulation of grassroots civic activity in the Yaroslavl region", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 192–212, DOI: 10.28995/2073-6339-2025-3-192-212

Введение

Низовая гражданская активность является актуальной формой участия граждан, неформальных движений и организаций в жизни регионов и местных сообществ. Целью такой активности зачастую является решение конкретных проблем и достижений социальных изменений в сотрудничестве с разными сообществами и местными властями. Она основывается на инициативах, активном участии и вовлечении населения в процесс решения локальных проблем.

В научном дискурсе в рамках рассматриваемой темы актуальными являются вопросы проявления низовой гражданской активности: законодательного регулирования, барьеров и проблем развития, особенностей в региональные специфики организации. Важным становится изучение роли некоммерческого сектора, региональных и муниципальных органов власти в поддержке и развитии гражданских инициатив на местах. При большой региональной специфике и различии законодательной базы в субъектах Российской Федерации важным является изучение накопленного опыта Ярославской области в сфере низовой гражданской активности, выявлении сильных сторон кооперативных механизмов взаимодействия различных субъектов гражданской активности и реализованных региональных практик. Значимым в аспектах осмысления данной проблемы становится изучение субъектного состава инициаторов разных гражданских инициатив, так как именно от их авторитета и действий зависит вовлечение горожан, освещение в СМИ, продвижение информации в социальных сетях. Поэтому изучение инициаторов, основных субъектов низовой гражданской активности в Ярославской области становится также значимым в рамках исследования.

Теоретическая часть

Государство, которое гарантирует достойное качество жизни и защищает права и свободы своих граждан, предполагает их активное вовлечение в общественно-политические процессы. Развитие и укрепление функционирующих демократических структур напря-

мую связано с гражданской инициативой и общественной мотивацией людей различных убеждений [Абиров 2013], поскольку гражданская сознательность играет решающую роль в формировании духа активной гражданской позиции [Круглов 2012]. При этом участие в деятельности общественных и гражданских организаций помогает установить отношения доверия и солидарности между гражданами [Петухов 2019].

Феномен гражданской активности изучается различными науками: политологией, социологией, психологией, юриспруденцией и другими [Шелудякова, Шелудяков 2015]. Это позволяет не только раскрыть данное явление с различных точек зрения, но и приводит к некой размытости и неопределенности в понятийном аппарате [Тирова, Заливанский 2018]. Ряд социологов считает, что гражданская активность – это деятельность, выходящая за пределы приватных кругов коммуникации и ориентированная на коллективные интересы [Реутов 2022]. Также гражданская активность в ряде исследований рассматривается как действие людей, направленное на решение значимых общественных проблем [Трофимова 2015]. Одним из возможных направлений гражданской активности является участие в политической жизни. Граждане имеют право выражать свои мнения и участвовать в принятии решений через выборы, участие в деятельности политических партий, направление петиций, обращений к органам власти или участит в общественных слушаниях [Седова 2014]. Важным условием формирования гражданской активности должна стать поддержка социально ответственных граждан [Молодов 2016].

В настоящее время гражданская активность включает в себя широкий спектр акторов: политические партии, общественные движения, гражданские ассоциации, НКО, онлайн-сообщества и т. п. [Галкова 2015]. С течением времени они претерпевают трансформацию под воздействием ряда факторов как внешней, так и внутренней среды. Наиболее масштабную роль играют современные информационно-коммуникационные технологии, позволяющие «облегчить» традиционные формы гражданской активности и использовать новые возможности выражения собственной позиции [Халиков 2016]. Благодаря развитию цифровых технологий многие граждане инициируют действия и предложения по решению общественных проблем. Такие инициативы, поступающие от самих граждан, можно обозначить как гражданскую активность «снизу» или низовую гражданскую активность [Бабкина, Понамарев 2023]. Она играет важную роль в формировании общественного мнения, повышении осведомленности и возможности мобилизации граждан, а также позволяет

гражданам выражать свои интересы и принимать участие в процессе принятия решений [Маковеева 2012].

Низовая гражданская активность в современном обществе представляет собой самостоятельные действия граждан, направленные на решение конкретных социальных, экономических и культурных проблем. Она представляет собой проявление гражданского участия на местном уровне, когда люди объединяются для достижения общих целей и инициатив.

Одним из важных элементов низовой гражданской активности являются ее субъекты. С одной стороны, они совпадают с субъектами гражданской активности, протекающей на макроуровне. Сюда относятся непосредственно активные граждане, некоммерческие организации, волонтеры, различные неформальные объединения [Петухов и др. 2014]. С другой стороны, можно выделить несколько специфичных субъектов низовой гражданской активности, например, территориальное общественное самоуправление (далее ТОС). Согласно российскому праву, ТОС – это самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения, внутригородской территории города федерального значения, муниципального округа, городского округа, внутригородского района, а также в расположенных на межселенной территории населенных пунктах (либо на части их территории) для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения[1].

Примеры низовой гражданской активности могут быть разнообразными и включать в себя создание группы по благоустройству дворовой территории, инициирование общественного контроля за действиями местной власти, организацию общественных мероприятий и фестивалей, создание волонтерских групп для помощи нуждающимся и многие другие формы самоорганизации граждан [Громова, Мерсиянова 2016].

Таким образом, низовая гражданская активность является определенным видом общей гражданской активности и способствует укреплению развитию демократии и участия граждан в управлении обществом [Кирсанов 2013]. Кроме того, низовая активность помогает решать проблемы на местном уровне, снижает нагрузку на органы власти и повышает уровень ответственности граждан за ситуацию в своем городе, районе или населенном пункте [Девичева 2016]. Задачей органов власти должно стать обеспече-

[1] Федеральный закон № 131-ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 29.05.2023, с изм. от 30.05.2023) // Российская газета. 2003. № 202.

ние необходимых условий развития гражданского общества (в том числе низовых инициатив) и его институтов, содействуя их успешной деятельности, обеспечивая соблюдение прав и свобод граждан [Полюшкевич 2018].

Исходя из всего вышесказанного и опираясь на многочисленные исследования в области гражданской активности, можно сформулировать определение, что низовая гражданская активность – это участие граждан, неформальных движений и формальных объединений в общественной жизни, осуществляемое на уровне местных сообществ и направленное на решение локальных проблем самостоятельно или в совместной работе с сообществом и/или местными органами власти.

Методы

Целью исследования является выявление особенностей и проявления и регулирования низовой гражданской активности в Ярославской области.

Эмпирической базой для исследования выступили результаты глубинного интервью экспертов по формализованной анкете, проведенного в июле-августе 2023 г. в Ярославской области. Анкета содержала 15 вопросов по теме низового гражданского активизма, благодаря которым можно было выяснить ключевые характеристики низовой гражданской активности.

Экспертами выступили специалисты Ярославской области, которые в своей профессиональной деятельности связаны с низовой гражданской активностью. Основными критериями отбора экспертов стала их компетентность и осведомленность в предметном поле исследования. В опросе приняли участие 7 сотрудников органов государственной власти, 5 сотрудников органов местного самоуправления, 7 сотрудников государственных и муниципальных организаций и учреждений, 8 руководителей некоммерческих организаций, 1 гражданский активист, 3 руководителя ТОС, 2 депутата муниципальных образований и 1 сотрудник университета. Всего 34 эксперта.

Критерий компетентности экспертов определялся степенью информированности о специфике гражданской активности граждан; знанием механизмов функционирования региональной политической системы; опытом деятельности в сфере публичной политики и/или в органах власти; высоким уровнем осведомленности об основных акторах регионального общественно-политического процесса; информированностью о ключевых параметрах политической

конъюнктуры региона. Опрос проводился с помощью телефонного звонка или очных встреч по предварительной договоренности с экспертами. В процессе обработки данных применялся метод обобщения независимых характеристик, позволивший сформировать обобщенную оценку отдельного явления на основе информации, полученной от нескольких независимых экспертов.

Цели органов публичной власти в сфере низовой гражданской активности в Ярославской области

Большинство экспертов считают, что основная цель органов публичной власти в сфере низовой гражданской активности является полный контроль над ситуацией. Органы власти практикуют клиенто-ориентированный подход, который на протяжении последних лет максимально вводится в их деятельность. Более того, власти желают сделать управляемой деятельность активистов, нейтрализовать нежелательные элементы, а также найти лояльных активистов, готовых работать с властью и «создавать» эффекты обратной связи. Эксперты убеждены, что власть должна использовать наиболее активных граждан для создания конструктивного диалога, продвижения государственной позиции. Таким образом, активные граждане могут выступать связующим звеном между исполнительной властью и обществом, населением разных территорий в целом.

Кроме этого, часть экспертов говорила о том, что развитие низовой гражданской активности выгодно публичной власти тем, что благодаря ей власть повышает свои рейтинг в глазах населения, сокращает дистанцию между органами публичной власти и населением. Это может достигаться не только посредством встреч с населением, но и благодаря созданию новых эффектов открытости и обратной связи. Любая гражданская активность – это опора для государства в процессе решения социальных проблем. Кроме того, благодаря общественным организациям, работающим с населением и транслирующим их потребности и убеждения органам власти, выстраивается необходимое взаимодействие между властью и обществом.

Важно отметить, что в Ярославской области была создана специальная инфраструктура для работы органов власти с активными общественниками – портал народного правительства, предусматривающий ряд экспертных сервисов для активистов (экспертиза нормативных актов, обсуждение и др.), который в настоящее время

фактически не используется как диалоговая площадка, а применяется лишь при формировании общественных советов при органах власти.

Отдельно стоит отметить и скептическую позицию относительно развития низовой гражданской активности органами публичной власти («Делают они это [развитие низовой гражданской активности], на мой субъективный взгляд, более напоказ нежели в действительности, для того чтобы сформировать мнение в обществе, что гражданская активность, свобода слова и объединений все-таки есть»).

Законодательное регулирование низовой гражданской активности

В оценке влияния законодательства на низовую гражданскую активность мнения экспертов разделились на три точки зрения:

1. Законодательная база вполне достаточна и хорошо сформирована (даже переполнена), но очень сложна юридическая процедура создания общественного объединения. При этом отечественное законодательство стимулирует развитие тех форм низовой гражданской активности, которые способствуют реализации государственной политики, а также тех, которые имеют организованную и четко оформленную структуру. Сюда, например, относиться грантовая поддержка («Мне кажется, сейчас созданы все условия, потому что очень много грантодателей сейчас вводят номинации для индивидуальных предпринимателей или даже для физических лиц. Это классная история»). Эксперты также отметили, что созданы платформы, где можно рассказать о какой-то проблеме (например, система платформ обратной связи, в том числе, на портале Государственных услуг). Создана система поддерживаемых государством НКО, которые проводят массовые конкурсы («Россия – страна возможностей», «Национальные приоритеты» и другие), которая также стимулирует низовую гражданскую активность.

2. Законодательству не хватает гибкости и адаптивности к запросам населения. Некоторые эксперты отметили, что законодательная база ограничивает определенные формы низовой гражданской активности. В основном, речь идет о тех формах, которые могут нести деструктивный характер для региональной власти (например, митинги, пикеты и т. д.). Отметим также, что один эксперт поднял проблему, которая касается свободы собраний. Опрошенный респондент высказал мысль, что стало сложно организовать какую-либо гражданскую активность, не имея воз-

можности собраться гражданам. Также важно отметить быструю динамику изменения законодательства, касающегося регулирования вопросов низовой гражданской активности: с одной стороны, вводятся льготы и поощрения для НКО и добровольцев, но при этом растут размеры санкций за нарушения, связанные с порядком реализации публичных форм низовой гражданской активности. В результате активистам сложно сориентироваться, сформировать оптимальную модель деятельности, что снижает интенсивность их деятельности.

3. Закон есть закон, и любая сфера должна к нему адаптироваться и со временем сделает это. Надо следить за ситуацией и приспосабливаться к изменениям. Законы создаются для учета интересов различных сторон, поэтому их однозначно нужно соблюдать.

Обобщив мнения большинства экспертов относительно необходимости законодательного регулирования в сфере низовой гражданской активности, можно отметить, что введение каких-либо ограничений должно отвечать интересам не только государства, но и способствовать общественным институтам развивать свою деятельность, в том числе в сфере низовой гражданской активности, с условием, что эта деятельность не несет угроз и рисков государству.

Барьеры и проблемы развития низовой гражданской активности в Ярославской области

Одной из самых упоминаемых проблем в ходе реализации низовой гражданской активности эксперты называли недостаточное финансирование. В первую очередь это касается некоммерческих организаций.

Также эксперты отмечали проблему неумения пользоваться публичными способами получения информации, низкую политическую культуру и низкое доверие к общественным организациям.

Отметим и общую пассивность населения, снижение количества успешных примеров активизма, что снижает веру в результат данной деятельности, а также эффективность социальных лифтов для новых лидеров общественного мнения.

Достаточно часто опрошенные эксперты говорили о том, что проблемой является отсутствие каких-либо знаний о том, как можно реализовывать свою инициативу («Это та ситуация, когда человек «выпадает» из информационного потока и не знает, куда ему обратиться за получением информации»). Кроме этого, можно выделить такую проблему как боязнь быть не услышанным и не

решить свои проблемы. При этом, по мнению экспертов, значительная часть населения «готова только говорить, но не делать».

Исходя из всего вышесказанного были сформулированы следующие барьеры развития низовой гражданской активности в Ярославской области:

1. Потребительское отношение людей. Оно подразумевает позицию, что гражданам все что-то должны. Поэтому далеко не каждый готов к активной жизненной позиции и продвижению своих, даже малых, инициатив («Позиция “обсудить на лавочке”, но ничего не делать – это такой принцип большинства, который, к сожалению, пока еще работает»). Кроме этого, присутствует пассивность аудитории. Все что касается системных вопросов (не относящихся к материальным благам), население зачастую не интересует. На это есть ряд причин: во-первых, человек зачастую не понимает, как ему добиться решения проблем (к примеру, не знает куда обратиться, не понимает, как организовать сбор подписей и петиций и др.), и, самое главное, значительная часть людей (по мнению экспертов) даже не пытается пополнить свои знания, считая, что если что-то «непонятно», то за них все должно делать государство или общественные организации; во-вторых, люди по своей природе могут быть пассивными; в-третьих, нет личной выгоды для людей (происходит соотношение выгод и издержек от потенциальных действий).

2. Негативное отношение к органам власти, низкий уровень доверия к ним. Очень часто эксперты приводили пример ремонта дорог. Сейчас действительно наблюдаются активные действия по снижению остроты данной проблемы, но многие жители к этой инициативе власти относятся с недоверием в связи с накопленным негативным опытом прошлых лет (некачественные строительство и ремонт).

3. Недоверие к общественным институтам, уверенность в ангажированности диалоговых площадок органами власти.

4. Нехватка финансирования. Существуют гражданские активности, которые принесли бы неплохой результат, но для их реализации нужно вкладывать денежные ресурсы («Безусловно, есть программы поддержки, но этого недостаточно, например, для вновь организовавшихся ТОСов, которым не хватает финансирования»).

5. Закрытость структур публичной власти. Люди образуют сообщества, пытаются донести свои мысли и сталкиваются с закрытостью системы и трудоемкостью формальных процедур взаимодействия с ней.

6. Нехватка человеческого ресурса – активных людей, которые искренне хотят этим заниматься («Низкая квалификация людей,

которые начинают этим заниматься. <Человек> видит проблему, решение, но не знает, куда обратиться. Если не подхватить, не направить вовремя, нет помощника, не подсказать. <Важно> чтобы был человек в городе, который отвечает за гражданское развитие, от которого можно получить консультацию. Иначе человек останется со своей идеей наедине. Низкий уровень квалификации людей, они не знают, что такой социальный проект, как написать заявку на предоставление финансирования (грантовую поддержку»).

7. Особенности политической культуры: граждане до конца не понимают и не осознают, что может дать им гражданская активность, и для чего она нужна в принципе, они опасаются неудачи в реализации своих инициатив.

Особенности организации низовой гражданской активности в Ярославской области по сравнению с другими субъектами Российской Федерации

Большинство экспертов отмечали, что в Ярославской области силен кооперативный механизм взаимодействия. Активисты и (или) организации склонны создавать союзы и коалиции для решения конкретных проблем. Кроме того, эксперты считают, что в Ярославской области высоко развит региональный некоммерческий сектор. Из-за этого, зачастую, всероссийские сообщества в регионе чаще всего не приживаются.

Другой отличительной чертой низовой гражданской активности в Ярославской области, по мнению экспертов, является тот факт, что органы местной или региональной власти самостоятельно разрабатывают какие-либо проекты и приходят с ними к гражданам. Также есть практики создания НКО в муниципальных районах области, через которые привлекаются средства для реализации проектов на местах совместно с органами местной власти.

Помимо этого, к особенностям проявления низовой гражданской активности в Ярославской области можно отнести хорошо развитую нормативную базу.

Также отмечалось, что в регионе развито территориальное общественное самоуправление в сравнении с близлежащими областями (Костромская и Ивановская области). Это проявляется и в озеленении, и в благоустройстве территории, и в строительстве детских площадок, и в адресной помощи нуждающимся людям («В одном из кварталов Дзержинского района в нескольких квартирах живут повзрослевшие воспитанники детских домов и интернатов. Актив

комитета общественного самоуправления помогает этим ребятам социализироваться через вовлечение их в субботники, озеленение территорий и посадку растений»).

Негативной отличительной чертой гражданской активности в регионе, по мнению экспертов, является слабо развитые механизмы социальной рекламы в регионе, а именно – недостаточно информации (слоганов и вывесок), которые бы обращали внимания на проблемы в области. Кроме этого, сюда также можно отнести мнение о том, что публичная власть в Ярославской области проявляет инициативу исключительно для реализации каких-либо своих целей («По своему личному опыту, могу сказать, что власть проявляет инициативу, преследуя свои интересы»).

Отличительной чертой региона является созданная во всех муниципальных образованиях сеть общественных палат, они могут считаться точкой сборки потенциальной гражданской активности на территории. Однако они не демонстрируют активного включения в муниципальную и региональную повестку, так как либо не включили в свои ряды реальных активистов на стадии формирования, либо не взаимодействуют с ними уже в рамках сформированного состава.

Инициаторы низовой гражданской активности в Ярославской области

Большинство экспертов в качестве инициаторов низовой гражданской активности не называли самих граждан. При этом они упоминали конкретных лиц, но в большей степени это были люди, профессионально работающие в области гражданских инициатив.

В качестве субъектов гражданской активности респонденты отмечали некоммерческие организации, комитеты территориального общественного самоуправления, органы власти, волонтеров, представителей молодежных организаций и т. д. Отметим, что сюда также попали и образовательные организации. Это свидетельствует о том, что школы и университеты стали брать на себя функции по формированию определенной гражданской позиции среди молодых людей.

При этом важно, что эксперты давали определенную характеристику участникам низовой гражданской активности. Они считают, что ими становятся, с одной стороны, люди, столкнувшиеся с определенной проблемой в жизни (наличие ребенка с ограниченными возможностями, трагедия с родственниками и так далее), с другой стороны, участниками могут выступать граждане, которые видят

конкретную проблему вокруг себя и имеют представление о том, как ее можно решить. Кроме этого, эксперт отметил, что активисты – это прежде всего люди, у которых есть потребность в социальной самореализации.

Эксперты отмечали, что мотивы и цели у гражданских активистов совершенно разные. Значительная часть опрошенных считает, что основным (первым) мотивом является решение локальной проблемы в своем районе и (или) дворе. По их мнению, именно от этого, скорее всего, следуют остальные (последующие) мотивы некоторых участников, а именно личная потребность в самореализации, реализация своих политических амбиций (можно говорить о транзите: активист, например, становится депутатом).

Также были эксперты, которые, наоборот, считали, что основной мотив участников низовой гражданской активности – это личностные цели («Компенсация недостатка общения, получение признания (быть увиденным и услышанным), нахождение своей ниши в обществе, прохождение по карьерной лестнице»).

Отдельно к мотивам также относилось стремление заработка денег, абстрагирования от своих личных проблем и трагедий (потеря близкого человека, отсутствие постоянной работы и т. д.). Кроме этого, немалая часть участников низовой гражданской активности стремится внести вклад в решение определенных проблем, с которыми они сами уже сталкивались («Зачастую такие активисты приходят к такой деятельности через какую-то свою личную историю»).

Практики низовой гражданской активности в Ярославской области

В ходе проведенного экспертного опроса удалось выявить несколько примеров проявления низовой гражданской активности в Ярославской области. Необходимо отметить, что все примеры, которые назвали эксперты, можно разделить на две большие группы: системные (действуют на постоянной основе и решают конкретные проблемы на регулярной основе) и неупорядоченные (действуют хаотично, без постоянного центра принятия решений). К первой группе относятся, в первую очередь, зарегистрированные и действующие на системной основе некоммерческие организации, в частности, объединения инвалидов, национально-культурные, благотворительные, молодежные, женские организации и др. Также к системно действующим активностям стоит отнести региональную и муниципальные общественные палаты. Отдельно эксперты отметили, что в настоящее время наблюдается активизация

деятельности молодежных организаций («Ярославская область очень активно отзывается на вызов времени. Мне кажется, что в нашей области, как раз эта сфера <низовой гражданской активности> очень развита. Молодежки очень активны, если не последнее время, то в последние годы развивались молодежные НКО. Сейчас, в целом, «Движение первых» как крупный оператор зашел на территорию Ярославской области. У нас студенческие организации и студенческие клубы активно развивались»). Новым видом является деятельность НКО и общественных объединений, которые помогают семьям участников СВО, вовлекая в свою деятельность даже тех, кто раньше не был вовлечен (плетение маскировочных сетей, изготовление окопных свечей, сбор посылок). Безусловно, к низовой гражданской активности на территории Ярославской области относится и деятельность комитетов территориального общественного самоуправления (далее ТОС): «ТОС – это про постоянное информирование уполномоченных организаций о насущных проблемах, участие в опросах и анкетированиях, проведение мероприятий в кварталах и районах, организация своими силами праздников для граждан». Здесь можно также отметить и длительное время функционирующие неформальные объединения: «Неравнодушный Ярославль», «Дороги Ярославля», Молодежное пространство «Включайся», «Барахолка» и т. п.

Ко второй группе примеров эксперты отнесли конкретные проявления ситуативной низовой гражданской активности – различные акции гражданского несогласия (митинги, пикеты, шествия), обращения в органы власти, связанные с защитой парков, протестов против уплотнительной застройки и разрушения исторического облика территорий. При этом на определенном этапе такая форма низовой гражданской активности может трансформироваться в регулярно функционирующее объединение граждан, как, например, защита Павловской рощи или отстаивание благоустройства Озерной гривки (примеры сообществ в городе Ярославле). В подобных кейсах принципиальное значение имеет субъектный состав инициаторов – кто именно возглавляет конкретную низовую гражданскую активность, так как именно от их авторитета и действий зависит вовлечение горожан, освещение в СМИ, продвижение информации в социальных сетях.

Также некоторые эксперты отметили, что в Ярославской области развитие низовой гражданской активности началось с борьбы с точечной застройкой в начале 2000-х гг., а уже потом появились и остальные формы низового участия граждан.

Отдельно стоит отметить типологию, озвученную одним из экспертов. Он разделяет гражданскую активность на два вида: ор-

ганизационную и неорганизационную. В первом случае активность инициируется некоммерческими организациями или органами власти (региональной или муниципальной). Во втором случае гражданская активность исходит от граждан, и в основном, она связана с благоустройством территорий и ЖКХ.

Исходя из результатов исследования, большинство экспертов сходится во мнении, что в Ярославской области больше преобладает первый тип гражданской активности – организационный. Активность в данном случае также зависит от личности лидера, но в меньшей степени, так как уже на системной основе организация объединяет вокруг проблематики деятельных жителей региона. Также важно, что в данном случае активность, как правило, поддерживается органами власти, не носит протестный характер, а острые вопросы, в случае недопонимания между властными и общественными структурами, решаются через переговоры. Лидеры таких НКО входят в подавляющем большинстве в качестве членов в диалоговые площадки, имеют региональную известность, и, по большей части, органы власти их воспринимают как экспертов в выбранной тематической сфере.

Особенности организации ТОС в Ярославской области

По мнению экспертов, ситуация с ТОС в Ярославской области неоднозначная. Почти все ТОС в регионе представляют собой организации, не имеющие статус юридического лица.

В большей степени ТОСы развиты в Даниловском и Угличском районах, где они проводят различные мероприятия. Однако, стоит отметить, что до сих пор не сформирована правовая культура их функционирования.

По словам одного из экспертов, лидеры территориального общественного самоуправления еще до конца не понимают, откуда можно получить финансирование на реализацию своих проектов. Это говорит о некой потребительской культуре, которая сформировалась в регионе. Кроме этого, можно говорить о том, что ТОСы играют важную роль в период избирательных компаний, так как кандидаты стараются за их счет повысить свою узнаваемость перед выборами («Если говорить про депутатский корпус, то да, есть очень сильное взаимодействие с ними, с органами местного самоуправления в принципе. В принципе, для этого и созданы ТОСы»). В ТОСах также есть некое взаимодействие с другими общественными организациями: «В некоторых ТОСах есть свои

такие ячейки «Дети войны», «Ветераны Великой Отечественной войны», женсоветы. Вот такие первичные ячейки и они взаимодействуют не только с органами МСУ, депутатским корпусом, но и с такими общественными организациями»).

Также особенностью организации ТОС в регионе является различное количество активных участников («В одних домах это буквально 2–3 человека (которые пытаются "тащить" всех), а в других, преимущественно новых, домах граждане практически всем составом инициируют проекты, разрабатывают и подают заявки на конкурсы, встречаются с депутатами»). В результате, ТОСы обладают разным опытом, во многом предопределяемом личностным фактором.

Еще одна особенность ТОС – это добровольная организация праздников и мероприятий для жителей на своей территории («Сплоченность коллектива на одной территории – это то, что отличает ТОС от иных общественников»).

Кроме вышесказанного, эксперты упоминали о том, что характерной чертой ТОС Ярославской области является их непопулярность среди населения. Опыт показывает, что об их деятельности знают немногие граждане.

Выводы

Ярославская область обладает достаточно большим потенциалом в развитии низовой гражданской активности. Такая позиция формируется за счет нескольких факторов. Во-первых, относительно хорошо развитый некоммерческий сектор. Во-вторых, региональные и муниципальные органы власти, так или иначе, стремятся к поддержке и развитию гражданских инициатив.

Одним из субъектов низовой гражданской активности выступают органы публичной власти: местная и региональная администрации стремятся поддерживать гражданские инициативы, которые укладываются в государственный дискурс. Кроме этого, власть рассматривает активистов как промежуточное звено между администрацией и обществом, способное выступить значимым каналом коммуникации.

При этом не наблюдается консолидированной оценки нормативно-правового регулирования низовой гражданской активности. Существует мнение, что действующая нормативная база, с одной стороны, ограничивает определенные формы проявления низовой гражданской активности (протестные акции), а с другой – поощряет формы низовой гражданской активности, которые могут взаимодей-

ствовать с органами власти и не затрагивают политическую повестку (например, территориальное общественное самоуправление).

Среди основных барьеров развития низовой гражданской активности следует отметить ограниченность ресурсов: некоммерческим организациям, ТОСам и гражданским активистам не хватает финансирования (что связано с низкой осведомленностью о потенциальных его источниках и слабо развитыми навыками его привлечения). Другими барьерами являются низкая политическая культура, нехватка человеческого ресурса, закрытость публичной власти, а также недостаточный уровень доверия к властным структурам.

Каждый регион нашей страны имеет свой индивидуальный накопленный опыт в сфере низовой гражданской активности. Результаты исследования демонстрируют, что в Ярославской области сильный кооперативный механизм взаимодействия, предусматривающий объединения в союзы и коалиции для решения конкретных проблем. Кроме этого, отличительной чертой региона является достаточно развитое территориальное общественное самоуправление в сравнении с близлежащими областями.

Основными субъектами низовой гражданской активности являются НКО, ТОС, органы власти, волонтерские и молодежные объединения, образовательные организации (школы и университеты). Было выявлено, что типичный инициатор низовой гражданской активности – это человек, который либо столкнулся с определенной проблемой на личном опыте, либо видит проблему вокруг себя и знает, как ее решить. Мотивами участников низовой гражданской активности выступают: решение локальной проблемы в месте проживания; личностные цели (компенсация недостатка общения, получение признания, нахождение своей ниши в обществе); стремление заработка денег и эмпатия в отношении чужих проблем.

Достаточно спорно в Ярославской области развиваются ТОС. С одной стороны, лидеры ТОС сталкиваются с проблемами в части финансирования, что тормозит активное развитие данных структур. С другой стороны, ТОСы выступают связующим элементом, способствующим организации взаимодействия жителей с органами власти. Безусловно, стоит отметить тот факт, что большинство экспертов сходятся во мнении, что деятельность ТОС не распространена среди жителей на территории Ярославской области. Об их существовании информирована малая доля жителей региона.

Несмотря на успешные кейсы низовой гражданской активности в Ярославской области, был выявлен ряд практик и механизмов, недостающих в регионе. К ним относятся: развитие на территории области социальной рекламы в Интернете и на местном телевидении; создание online «творческих мастерских»; формирование со-

вета граждан и ресурсных центров в муниципальных образованиях; активная деятельность ТОС, отвечающая запросам жителей; разработка методики поиска лидеров низовой гражданской активности и алгоритма сопровождения активной деятельности «от начала до конца» и т. п.

Благодарности

Исследование выполнено за счет средств Программы развития ЯрГУ до 2030 г., проект № GM-2023-5 «Низовая гражданская активность в Ярославской области: нормативная регламентация и практики реализации».

Acknowledgments

The study was carried out at the expense of the funds of the YarSU Development Program until 2030, project No. GM-2023-5 “Grassroots civic activity in the Yaroslavl region: regulatory regulation and implementation practices”.

Литература

Абиров 2013 – *Абиров М.С.* Об основных условиях становления и развития гражданского общества в социальной системе // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 1 (47). С. 221–225.

Бабкина, Понамарев 2023 – *Бабкина А.О., Понамарев А.Б.* Слабое гражданское общество как ключевая проблема публичной власти в современной России // Молодой ученый. 2023. № 18 (465). С. 269–271.

Галкова 2015 – *Галкова И.В.* Региональные условия развития некоммерческих организаций как институтов гражданского общества // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. Вып. 14-1. С. 119–124.

Громова, Мерсиянова 2016 – *Громова М.Н., Мерсиянова И.В.* Государственная поддержка НКО и проблема оценки ее эффективности // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 44–47.

Девичева 2016 – *Девичева А.А.* Организация и функционирование институтов гражданского общества в современной России // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 2686–2690. URL: https://e-koncept.ru/2016/96458.htm?ysclid=mb7nsr4fqh522892482 (дата обращения 06.03.2025).

Кирсанов 2013 – *Кирсанов А.Ю.* Классификация институтов гражданского общества в России // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 3. С. 58–61.

Круглов 2012 – *Круглов М.С.* Гражданские инициативы и оппозиция в политическом процессе России // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История.

Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2012. № 1 (82). С. 152–161.

Маковеева 2012 – *Маковеева В.В.* Сетевое взаимодействие – ключевой фактор развития интеграции образования, науки и бизнеса // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 163–166.

Молодов 2016 – *Молодов О.Б.* Проблемы развития гражданского общества на региональном уровне // Проблемы развития территории. 2016. № 6 (86). С. 132–146.

Петухов 2019 – *Петухов В.В.* Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 3–14.

Петухов и др. 2014 – *Петухов В.В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В.* Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. № 9. С. 11–19.

Полюшкевич 2018 – *Полюшкевич О.А.* Креативность и открытость публичного пространства Иркутска // Социология. 2018. № 4. С. 143–150.

Реутов 2022 – *Реутов Е.В.* Потенциал гражданской активности молодежи в развитии местного самоуправления // Управление городом: теория и практика. 2022. № 2 (44). С. 36–41.

Седова 2014 – *Седова Н.Н.* Гражданский активизм в современной России // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 48–71.

Тирова, Заливанский 2018 – *Тирова С.С., Заливанский Б.В.* Вовлечение населения в принятие муниципальных управленческих решений // Аллея науки. 2018. № 4 (20). С. 512–518. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34975141 (дата обращения 06.03.2025).

Трофимова 2015 – *Трофимова И.Н.* Поколенческий фактор гражданской активности в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2 (10). С. 5–17.

Халиков 2016 – *Халиков М.И.* Современные управленческие технологии вовлечения населения в решение вопросов местного значения // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 4 (132). С. 48–53.

Шелудякова, Шелудяков 2015 – *Шелудякова Т.В., Шелудяков Е.С.* Историческая трансформация понятия гражданского общества // Гражданское общество в России и за рубежом. 2015. № 3. С. 21–24.

References

Abirov, M.S. (2013), “On the basic conditions for the formation and development of civil society in the social system”, *Sotsial’no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, vol. 47, no. 1, pp. 221–225.

Babkina, A.O. and Ponamarev, A.B. (2023), “Weak civil society as a key concern of public power in modern Russia”, *Molodoi uchenyi*, vol. 465, no. 18, pp. 269–271.

Galkova, I.V. (2015), "Regional conditions for the development of non-profit organizations as civil society institutions", *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, iss. 14-1, pp. 119–124.

Gromova, M.N. and Mersiyanova, I.V. (2016), "State support for NPOs and the issue of evaluating its effectiveness", *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom*, no. 1, pp. 44–47.

Devicheva, A.A. (2016), "Organization and functioning of civil society institutions in modern Russia", *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kontsept"*, vol. 15, pp. 2686–2690, available at: https://e-koncept.ru/2016/96458.htm?ysclid=mb7nsr4fqh522892482 (Accessed 6 March 2025).

Kirsanov, A.Yu. (2013), "Classification of civil society institutions in Russia", *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 3, pp. 58–61.

Kruglov, M.S. (2012), "Civil initiatives and opposition in the Russian political process", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies" Series*, vol. 82, no. 1, pp. 152–161.

Makoveeva, V.V. (2012), "Networking is a key factor in the development of integration of education, science and business", *Tomsk State University Journal*, no. 354, pp. 163–166.

Molodov, O.B. (2016), "Issues of civil society development at the regional level", *Problemy razvitiya territorii*, vol. 86, no. 6, pp. 132–146.

Petukhov, V.V. (2019), "Civic involvement in modern Russia. Interaction of political and social practices", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 12, pp. 3–14.

Petukhov, V.V., Barash, R.E., Sedova, N.N. and Petukhov, R.V. (2014), "Civil activism in Russia. Motivation, values and forms of participation", *Vlast'*, no. 9, pp. 11–19.

Polyushkevich, O.A. (2018), "Creativeness and openness of Irkutsk public space", *Sotsiologiya*, no. 4, pp. 143–150.

Reutov, E.V. (2022), "The potential of youth civic engagement in the development of local self-government", *Upravlenie gorodom: teoriya i praktika*, vol. 44, no. 2, pp. 36–41.

Sedova, N.N. (2014), "Civic activism in modern Russia", *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 48–71.

Tirova, S.S. and Zalivanskii, B.V. (2018), "Involving the population in making municipal management decisions", *Alleya nauki*, vol. 20, no. 4, pp. 512–518, available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34975141 (Accessed 6 March 2025).

Trofimova, I.N. (2015), "Generational factor of civic engagement in Russian society", *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, vol. 10, no. 2, pp. 5–17.

Khalikov, M.I. (2016), "Modern management technologies for involving the population in solving local issues", *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal*, vol. 132, no. 4, pp. 48–53.

Sheludyakova, T.V. and Sheludyakov, E.S. (2015), "Historical transformation of the concept of civil society", *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom*, no. 3, pp. 21–24.

Информация об авторах

Александр А. Фролов, кандидат политических наук, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия; 150003, Россия, Ярославль, ул. Советская, д. 14; a.a.froloff@gmail.com

Елена А. Исаева, кандидат юридических наук, доцент, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия; 150003, Россия, Ярославль, ул. Советская, д. 14; elenia2000@mail.ru

Виктория Ю. Цветкова, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Россия; 150003, Россия, Ярославль, ул. Советская, д. 14; vixtsv1628@yandex.ru

Information about the authors

Aleksandr A. Frolov, Cand. of Sci. (Political Science), P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia; 14, Sovetskaya St., Yaroslavl, Russia, 150003; a.a.froloff@gmail.com

Elena A. Isaeva, Cand. of Sci. (Law), associate professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia; 14, Sovetskaya St., Yaroslavl, Russia, 150003; elenia2000@mail.ru

Victoria Yu. Tsvetkova, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia; 14, Sovetskaya St., Yaroslavl, Russia, 150003; vixtsv1628@yandex.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Политология. История. Международные отношения»
№ 3
2025

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
П.М. Смоктунова

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.
Периодичность 6 раз в год

Подписано в печать 21.07.2025
Выход в свет 28.07.2025
Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 12,0. Усл. печ. л. 13,4
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2205

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru